

ГЛАВА VIII.

ЭКОСОЦИАЛЬНОЙ КРИЗИС

8.1. ДВЕ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Целью нашего исследования является анализ возможности применения трехфакторной модели для объяснения социально-экономической истории России, и в частности, социального и политического кризиса начала XX века. Центральное место в этом кризисе занимают две русские революции 1905 и 1917 годов. Как отмечалось выше, описывающая воздействие демографического фактора демографически-структурная теория предлагает стандартную схему объяснения революционных кризисов. Эта схема предполагает, что, во-первых, увеличение численности низших классов населения в условиях ограниченности ресурсов приводит к продовольственным кризисам, падению потребления, массовому недовольству и восстаниям (происходит «Сжатие в народе»). Во-вторых, увеличение численности элиты приводит к конкуренции за места в высших сословиях, распадению элиты на фракции и выступлениям недовольных элитных групп, которые присоединяются к народным восстаниям или даже провоцируют их («Сжатие в элите»). В-третьих, государство в условиях роста цен и падения реальной стоимости налогов испытывает финансовые затруднения; оно не может собирать налоги с обнищавшего населения и оказывается на грани банкротства («Сжатие в государственной сфере»). В-четвертых, финансовый кризис государства приводит к потере управляемости, и оно оказывается не в состоянии поддерживать политическую стабильность. Таким образом, в условиях народных восстаний и выступлений оппозиционной элиты происходит коллапс государства¹.

Механизм, описываемый демографически-структурной теорией, действует на протяжении периода, предшествующего революции, и во время самой революции — то есть, для того, чтобы проверить адекватность теории, мы должны проверить ее действие непосредственно во время экосоциального кризиса, а именно, проанализировать, каким образом фракционировалась элита, как она поднимала

на борьбу народ, и как сам народ поднимался на восстание под воздействием голода и малоземелья, как развивался финансовый кризис, имела ли место потеря управляемости и т. д.

В то же время мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что демографический фактор является лишь одним из действующих факторов, и демографически-структурная теория не полностью объясняет последовательность событий. Механизм действия другого, технологического фактора описывается несколькими взаимосвязанными теориями, теорией военной революции, теорией диффузионизма, теорией модернизации и ее вариантом — теорией вестернизации.

Теория вестернизации предлагает свое объяснение революций XIX–XX веков: она рассматривает революцию как результат диффузионного воздействия распространяющейся по миру «современной» («modern») «западной» культуры на культуру «традиционного» общества. При этом под «западной» культурой в теории вестернизации подразумевается англосаксонская либеральная культура, в силу чего западный культурный комплекс несет с собой не только фундаментальные научно-технические достижения Европы, новое оружие, новые машины и механизированную промышленность, но и свободу частного предпринимательства, политические свободы, свободу вероисповедания и парламентаризм.

Противостоящий «Западу» традиционный культурный комплекс (в российском варианте) — это самодержавие, этатизм, православие, общинность, патриархальность, сословность и другие атрибуты традиционной российской действительности.

Носителем и распространителем западной культуры в традиционном обществе является интеллигенция. По мере модернизации и вестернизации интеллигенция численно росла и распространяла свое влияние на другие общественные слои. Но все же интеллигенция была сравнительно малочисленна и слаба, поэтому она была вынуждена искать союзников и (с помощью массовой пропаганды) использовать в своих целях социальные конфликты традиционного общества. В конечном счете в России и в других «развивающихся» странах должно было прийти время руководимых интеллигенцией политических революций². Теодор фон Лауэ называл все революции XIX — XX веков «революциями вестернизации» или «революциями извне» в том смысле, что они были индуцированы внешним, западным влиянием. Это внешнее влияние проявлялось также и в том, что, поскольку интеллигенция выступала проводником европейского влияния, то она пользовалась идеологической, политической и финансовой поддержкой Запада³.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в интерпретации фон Лауэ «революция вестернизации» чрезвычайно напоминает «бархатные революции» конца XX века. В последнее время появились работы, в которых русские революции 1905 и 1917 годов также трактуются как «бархатные» революции, организованные либералами и интеллигенцией посредством массированных «PR-компаний»⁴. Однако первые революции «вестернизации» охватили континентальную Европу еще в 1830 и 1848 годах, и выше (в п. 5.3) мы упоминали о стандартной схеме этих революций, описанной Э. Хобсбаумом. По Э. Хобсбауму, революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 года почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархическими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция, а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это проводило к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распадалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти, но в обновленном и реформированном виде⁵.

Механизм «революции вестернизации» отличается от механизма экосоциального кризиса, прежде всего, тем, что он не предполагает условий Сжатия и всеобщего народного восстания. Действительно, в ходе революций 1848 года имели место локальные восстания в городах, но речь не шла о всеобщей крестьянской войне в деревне, как это было в России начала XX века, во Франции конца XVIII века или в Китае середины XX столетия. «Революция вестернизации» имеет ограниченные масштабы и не влечет за собой разрушение государства и демографическую катастрофу — она подразумевает лишь трансформацию структуры и перераспределение ресурсов внутри общества. Но в некоторых случаях она может наложиться на экосоциальный кризис, и тогда мы можем наблюдать картину «двойственной революции», когда события начинают развиваться «по Хобсбауму», а затем в них вмешиваются широкие народные массы.

Возможность двойственного рассмотрения русской революции, с учетом действия различных факторов и с точки зрения различ-

ных теорий неоднократно отмечалась в историографии. Как известно, многие историки рассматривают русскую революцию 1905 года как две «параллельные» революции⁶. Одним из первых эту двойственность отметил в 1907 году П. Б. Струве, который выделил в революции два течения: первое из них он называет «modern» — П. Б. Струве видел в этом течении движение к «современности», под которым разумелась «вестернизация». Второе течение он называл «элементарным», подразумевая под этим стихийное стремление низов к освобождению от «материальных тягот» — попросту стремление простолюдинов быть сытыми и иметь надел, который сможет их прокормить⁷. Это второе течение находит свое объяснение в демографически-структурной модели революции, причем оба течения настолько тесно переплетены, что их нельзя рассматривать отдельно.

8.2. ФРАГМЕНТАЦИЯ ЭЛИТЫ: ОППОЗИЦИОННЫЕ ГРУППИРОВКИ

Фрагментация элиты является одной из важных предпосылок революции как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации. Демографически-структурная теория полагает главной причиной этой фрагментации обеднение части элиты, происходящее в результате роста ее численности («Сжатие в элите»); в результате этого процесса низшие слои элиты переходят в оппозицию существующему режиму. В предыдущих главах было показано, что этот процесс действительно имел место и что часть обедневшей элиты принимала участие в движении народников. Другая часть дворянской элиты высказывала свое недовольство в рамках движения земцев-конституционалистов. Это движение имело опору в местном земском самоуправлении, что придавало ему большую силу. Земцы-конституционалисты выступали за ограничение самодержавия и создание выборного представительства, которое до февраля 1905 года мыслилось как представительство высших сословий, то есть движение выступало с сословных позиций⁸.

Теория вестернизации также предполагает фрагментацию элиты, но на другой основе — в результате того, что часть элиты усваивает западные культурные ценности — так появляется интеллигенция, противостоящая традиционалистскому дворянству. Наличие этого процесса в России также не вызывает сомнений. В середине XIX века вестернизация нашла свое выражение в идеологической сфере и по-

родила идейное течение, которое называли западничеством и которое противостояло традиционалистскому славянофильству. В конце XIX века в качестве наследницы западников выступала либеральная оппозиция, представленная в основном интеллигенцией (которая являлась особой элитной группой).

В январе 1904 году эти два процесса фрагментации сомкнулись: в Петербурге состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», объединившего земских конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. На съезде присутствовали 19 земцев и 26 лиц «свободных профессий», но в избранном ими «Совете Союза» обе фракции были представлены одинаковым числом членов⁹. Если принимать буквально программу «Союза освобождения», то «Союз» прежде всего был партией западников, выступавших за экономическую, политическую, культурную модернизацию по западному образцу¹⁰. Русская действительность была для «освобожденцев» синонимом отсталости и азиатчины, негативным явлением, которое нужно было преодолеть, чтобы устремиться вдогонку за Европой. Один из лидеров партии кадетов В. А. Маклаков писал, что идеал интеллигенции «был так далек от русской действительности, что она не старалась его с ней преемственно связывать»¹¹. При подготовке программных документов «Союза освобождения» изучались только западные политические формы, русские традиции демонстративно игнорировались¹². Князь М. С. Путятин, один из приближенных Николая II, отозвался о либералах так: «Это — партия истинных конституционалистов по западноевропейским шаблонам. Тысячелетняя история России для них не существует»¹³.

Однако при анализе условий союза оппозиционных дворян и вестернизированных интеллигентов возникает естественный вопрос: насколько искренни были земцы-конституционалисты, присягая на верность западным идеалам? Как мы увидим далее, в 1906 году многие из них изменяют союзу с западниками и перейдут на позиции поддержки самодержавия, поэтому следует сделать вывод, что дворянской оппозицией (в соответствии с демографически-структурной теорией) руководили преимущественно материальные интересы в области распределения ресурсов, а не диффузионное влияние Запада. «Протест земства носил скорее характер дворянской фронды, чем либеральной оппозиции», — отмечает А. Н. Медушевский¹⁴.

Для того чтобы не затрагивать материальные интересы дворянства, в программе «Союза освобождения» не предлагалось никаких мер для решения земельного вопроса или облегчения положения рабочих; она была посвящена исключительно задачам борьбы против

самодержавия, за конституцию и политические свободы¹⁵. Очевидно, что в начальный период своего существования «Союз» еще не собирался привлекать на свою сторону народные массы и ничего им не обещал. По сути, писал В. А. Маклаков, программа «Союза» умещалась в двух словах «Долой самодержавие!».

Оценивая силы либеральной оппозиции, министр внутренних дел В. К. Плеве говорил, что основная угроза самодержавию исходит не от бастующих рабочих, а от земских либералов; он считал, что всякая игра земцев в конституцию «должна быть в корне пресекаема». В России, полагал В. К. Плеве, «еще крепок в народе престиж царской власти», а потому, если и будет революция, «то искусственная, а не такая, как на Западе, где ее делали восставший народ или войска»¹⁶. Таким образом, В. К. Плеве был уверен в том, что народ не пойдет за либералами, что, как и во времена народников, оппозиционерам не удастся с помощью пропаганды возбудить народное движение.

Однако, помимо либералов существовали и другие, элитные по происхождению, оппозиционные группы, которые — в отличие от либералов — многое обещали народу.

Раскол в европейской идеологии и появление марксистского «Интернационала» привели к расколу среди русских западников, от основной массы которых отделилось течение социал-демократов («эс-деки»). Российская социал-демократическая партия (РСДРП) организационно оформилась летом 1903 года на съезде, происходившем сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. «Программа-минимум» «эс-деков» в общих чертах совпадала с программой либералов (дополнительно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня). В дальнейшем, после того, как слабый российский пролетариат численно возрастет, предполагалась борьба за ликвидацию частной собственности на средства производства. Эта программа в основном повторяла Эрфуртскую программу германской социал-демократической партии с добавлением некоторых требований, учитывающих многонациональный состав Российской империи и преобладание крестьянского населения. Кроме того, в теоретической части программы говорилось не просто о политической борьбе (как в германском прототипе), а о социальной революции и диктатуре пролетариата. Это изменение было внесено по настоянию В. И. Ленина, опиравшегося на работы К. Маркса. В соответствии с марксистской идеологией социал-демократы считали движущей силой развития рабочий класс, и они обещали крестьянам лишь отмену выкупных платежей, но не землю¹⁷.

Первоначально состав партии был по большей части интеллигентским; социал-демократы принадлежали к той небольшой части рус-

ской интеллигенции, которая находилась под идеологическим влиянием «Интернационала». В результате кружковой работы и привлечения рабочих к началу 1905 года численность партии увеличилась до 9 тыс. человек, из которых 62% составляли рабочие, 5% — крестьяне, 33% — интеллигенты. Во время революции численность партии возросла до 31 тыс., причем социальный состав почти не изменился¹⁸.

Марксистская идеология оказала влияние и на ту (тоже небольшую) часть интеллигенции, которая продолжала традиции народников. В январе 1902 года была создана партия социалистов-революционеров («эсеров»). В программе этой партии (принятой в 1906 году) так же сначала выдвигались минимальные требования (практически такие же, как у эсдеков) и тоже говорилось о грядущем в далекой перспективе социальном перевороте, который ликвидирует частную собственность на средства производства. Однако в силу народнической традиции эсеры уделяли крестьянам гораздо большее внимание, чем эсдеки. В программе констатировалось, что «партия социалистов-революционеров ставит себе цель использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель... и переход их в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин... на началах уравнительного пользования»¹⁹. Таким образом, эсеры (в отличие от «истинных марксистов») пытались использовать русские общинные традиции и намеревались поставить на службу марксистской идее готовую вспыхнуть крестьянскую войну. При этом они гораздо лучше, чем эсдеки, понимали причины этой войны: в программе эсеров говорилось о роли аграрного перенаселения²⁰.

Еще одной отличительной особенностью эсеров была их приверженность к террористическим методам — с одной стороны, это была дань старой народнической традиции, но с другой стороны, террор был проявлением крайнего радикализма партии, вербовавшей в свои ряды людей, готовых пойти на смерть.

Численность партии эсеров перед революцией не превосходила 10 тыс. человек, в ходе революции она увеличилась до 65 тыс. В 1905–1907 годах эсеры вели активную пропаганду в деревне, и, поскольку их лозунги были привлекательны для крестьянской массы, то они сумели организовать 1555 крестьянских братств, в которых было 23 тыс. членов. По сравнению с общей численностью крестьян-

ского населения это было очень немного, но другие партии совсем не имели крестьянских организаций, и число крестьян в них было незначительно. Среди эсеров крестьяне составляли 45%, рабочие — 43%, интеллигенты — 11,2%. В руководящем составе партии преобладали интеллигенты (77%), причем в большинстве дворянского происхождения, так же, как в народнических организациях 1870-х годов²¹.

Как отмечалось выше, в российской интеллигенции был высок процент представителей народов, проживавших в западных областях империи и более близких к западной культуре, чем православные великороссы, — поляков, евреев, немцев, финнов. Естественно, что много их было и в рядах оппозиционных партий. Б. Н. Миронов делает акцент на том, что «среди лидеров социалистов-революционеров и большевиков преобладали евреи, среди меньшевиков — грузины, евреи и лица других нерусских национальностей»²². Вряд ли в данном случае можно говорить о «преобладании», но представители нацменьшинств среди социалистов действительно были относительно многочисленны. Из 5047 марксистов и социал-демократов, привлеченных к суду в 1893–1902 годах 23% составляли евреи (к сожалению, у нас нет данных о поляках)²³. Многочисленность евреев в рядах оппозиции станет вполне понятной, если мы учтем, что это была дискриминируемая и притом на 100% грамотная прослойка населения — в то время как в целом по стране грамотность составляла лишь 21%²⁴. Идеи западного либерализма (и социализма) были привлекательны для национальных меньшинств тем, что они обещали им автономию и свободу вероисповедания — требования этих демократических свобод были включены в программы всех «западнических» партий. Оппозиция в данном случае использовала в своих целях идеи национального освобождения, так же, как Дж. Мадзини использовал их в Италии. Национально-освободительная борьба сливалась с социальной борьбой, и это привело к тому, что в 1906 году в состав РСДРП вошла еврейская социал-демократическая партия «Бунд», насчитывавшая 33 тыс. членов, а также польские и латышские социал-демократы (40 тыс. членов)²⁵.

Как следует из приведенного выше краткого обзора, силы вестернизации в России были достаточно велики. «Однако, — пишет фон Лауэ, — с самого начала этот внушительный фронт разделяла невидимая трещина: традиционный барьер между образованными, с одной стороны, и крестьянами и работниками — с другой»²⁶. «В то время как верхние слои российского общества ориентировались на Запад, невежественный и суеверный крестьянин сохранял свои традиционные привычки. В глубине своего сердца он хранил инстинктивное

подозрение, если не ненависть, к своим европеизированным господам, поскольку, в прошлом, начиная с Петра Великого, вестернизация России производилась за его счет»²⁷.

Наиболее важным фактором, формировавшим психологию крестьян, была сила традиции, приверженность крестьян к своим, русским, обычаям и к православной вере, утверждавшей превосходство русских над неправославными народами. Крестьяне и рабочие не доверяли интеллигентам, в которых они видели людей другой, чуждой народу культуры, одевающихся по-европейски и говорящих на своем, зачастую непонятном языке. Это недоверие долгое время препятствовало распространению в народе влияния радикальных партий, народников, а потом эсеров и социал-демократов, которые, казалось бы, провозглашали народные лозунги, но были основаны прозападными интеллигентами (и дворянами) и выступали с вестернизаторских позиций. Однако постепенно, с распространением образования и городской культуры, сопротивление народных масс вестернизации уменьшалось.

Все упоминавшиеся выше партии и течения принадлежали к «западничеству», и в целом «западничество» господствовало в идеологической атмосфере России начала XX века. Ранее, полвека назад, противовесом «западничеству» служили славянофилы с их апелляцией к традициям православия, крестьянской общины, соборности. После убийства Александра II традиционалистская реакция привела к тому, что славянофильство (в некоей «официальной» форме) стало правительственной доктриной. Однако в проведении своей политики самодержавие не нуждалось в поддержке со стороны каких-либо общественных организаций; до октября 1905 года существовал официальный запрет на организацию политических партий, и все оппозиционные партии, о которых говорилось выше, были нелегальными. У сторонников правительства, естественно, не было желания нарушать закон, поэтому создание традиционалистской партии было невозможно. Это было одной из причин того, что, приняв официальные формы, славянофильство утратило характер общественного течения. Другая причина состояла в том, что интеллигенция имела «западнический» характер, и по мере развития процесса вестернизации традиционализм шаг за шагом сдавал свои позиции. В 1893 году П. Н. Милюков писал о «разложении славянофильства»; такой же точки зрения придерживались некоторые историки культуры²⁸.

Славянофильство находило поддержку лишь у небольшой группы писателей и гуманитариев, прежде всего тех, кто искал в народной культуре материал для своего творчества. В 1901 году была со-

здана небольшая просветительская организация «Русское собрание», в которую входили, в частности, Н. Рерих и К. Маковский. Задачей «Собрания» объявлялось «изучение явлений русской и славянской жизни в ее настоящем и прошлом». После начала революции, в марте 1905 году была создана полулегальная «Монархическая партия», но поначалу это был лишь узкий кружок представителей высшей знати. Настоящий подъем традиционалистское движение испытало лишь в октябре 1905 года, мы вернемся к этому вопросу при анализе октябрьских событий²⁹.

8.3. инициирование «РЕВОЛЮЦИИ ИЗВНЕ»

Как отмечалось выше (в п. 5.5), во время больших войн механизм Сжатия вызывает развитие кризиса по трем направлениям: во-первых, военные поражения приводят к потере авторитета власти и таким образом способствуют проявлению социальных конфликтов; во-вторых, невозможность увеличения налогов с обедневшего населения вызывает трудности с финансированием военных расходов, эмиссию бумажных денег и гиперинфляцию; в-третьих, социальный раскол делает войска ненадежными и увеличивает риск восстаний солдат-крестьян. Русско-японская война не была «большой войной», но все эти составляющие назревавшего кризиса проявились и в 1904–1905 годах. Финансовый кризис к лету 1905 года, по признанию С. Ю. Витте, поставил страну перед перспективой «полного финансового, а затем и экономического краха»³⁰. С другой стороны, во время русско-японской войны отчетливо проявилось нежелание крестьян воевать за власть, отказывающуюся дать им землю. «К крайнему прискорбию, во время паники, происходившей у Мукдена, — докладывал генерал Н. П. Линевиц, — потоком потекло из армии в тыл на север частью с обозами, а частью просто поодиночке и даже группами около шестидесяти тысяч нижних чинов... Уходящие из армии в тыл нижние чины говорят, что они уходят потому, что воевать не могут»³¹. Командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин отмечал «большую легкость», с которой солдаты сдавались в плен³², и количество пленных у Мукдена — как и позже, в годы Первой мировой войны — втрое превосходило количество убитых. В итоге в конце войны в японском плену оказалось 74 тыс. русских солдат, в то время как русские взяли в плен только 2 тыс. японцев. Но наибольшее значение имело то, что поражения, понесенные на полях Маньчжурии, стали тяжелым ударом по авторитету власти³³.

В контексте теории модернизации военные поражения традиционных режимов не раз способствовали их падению и приходу к власти «модернизаторского руководства» — в качестве примеров можно привести падение Второй империи во Франции и крушение австрийского абсолютизма в 1860 году. Таким образом, события в России развивались по обычному европейскому сценарию: либеральная оппозиция поспешила воспользоваться падением престижа традиционной власти. Вестернизованная оппозиция была относительно малочисленной, поэтому, действуя в одиночестве, она не могла произвести революцию. Оппозиция могла достигнуть успеха, лишь подняв на борьбу народные массы, положение которых, согласно теории «революционной инициативы», таково, что они всегда готовы к выступлению против властей. Как отмечает Э. Хобсбаум, все революции 1848 начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Это вовлечение в революцию народных масс часто осуществлялось путем политической провокации: организовывалась мирная манифестация, а затем в колонне поднимали красные флаги, в результате чего начинались столкновения с полицией (как было в Берлине в марте 1848 года) или из толпы демонстрантов начинали стрелять по войскам, которые отвечали залпами в толпу (как было в Париже в феврале 1848 года). Нашей целью является проследить процесс вовлечения народных масс в революцию 1905 года — и поскольку эта тема является малоисследованной, то придется остановиться на ней подробнее³⁴.

В сентябре 1904 году в Париже состоялась конференция, на которой «Союз освобождения» договорился с эсерами о совместных действиях по свержению самодержавия, вплоть до проведения террористических актов. Для оценки роли внешних сил в дестабилизации политической системы существенно, что проведение конференции субсидировалось японской разведкой: ее организатор, лидер финских сепаратистов К. Циллиакус, получал деньги от японского военного атташе полковника Акаши Мотоиро. Американский исследователь В. Коупленд полагает, что это не было тайной для «освободителей» и других участников конференции³⁵. Помимо организации конференции полковник Акаши выделил 750 тыс. иен для закупки оружия и финансировал социал-демократическую газету «Вперед»³⁶. Вполне естественно, что Япония была заинтересована в поддержке русской оппозиции, а либералы, со своей стороны, откровенно радовались победам Японии и поражениям русской армии; немецкий журналист Гуго Ганц писал из Петербурга, что общей молитвой либералов было: «Боже, помоги нам быть разбитыми!»³⁷

По агентурным данным министерства юстиции, конференция приняла решение развернуть пропагандистскую компанию в России и (по инициативе В. Я. Богучарского) для руководства ею было создано особое «посредническое бюро» в Петербурге. Полиция называла это бюро «комитетом» или «конвентом», и среди известных полиции членов «комитета» были писатели М. Горький и Н. Ф. Анненский, публицисты-народники А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин, историк В. И. Семевский и либеральный адвокат Е. И. Кедрин. По данным полиции, «комитет» должен был руководить «действиями всех подпольных организаций, непосредственно направленными к ниспровержению самодержавной власти», «одновременным возбуждением стачек и беспорядков» и т. п.³⁸

В августе 1904 года Николай II передал пост министра внутренних дел П. Д. Святополку-Мирскому, который был готов пойти на некоторые уступки оппозиции. 6–9 ноября по инициативе «Союза освобождения» был проведен Земский съезд: на нем присутствовали 32 (из 34) председателя губернских управ, 7 предводителей дворянства, 7 князей, несколько графов и баронов. Подавляющим большинством голосов было принято требование создания законодательного выборного представительства. Представитель съезда М. В. Родзянко в беседе с П. Д. Святополком-Мирским прямо угрожал, что если не будет представительства, то «будет кровь»³⁹.

После съезда в поддержку его решений началась «банкетная кампания»; как отмечает Р. Пайпс, при этом, несомненно, был использован опыт французской революции 1848 года⁴⁰. «Союз освобождения» рекомендовал всем участникам митингов-«банкетов» принимать одни и те же резолюции с требованием созыва Учредительного собрания. В 34 городах состоялось 120 собраний, в которых участвовало свыше 50 тыс. представителей интеллигенции и дворянства. В конце ноября резолюцию, близкую резолюции земцев, принял состоявшийся в Москве съезд предводителей дворянства. Это означало, что под воздействием западных идей (и ухудшения своего материального положения) большая часть дворянства идет на прямую конфронтацию с теряющей свой авторитет «народной монархией»⁴¹.

Понимая, что оппозиция начинает втягивать в борьбу широкое массы, П. Д. Святополк-Мирский предупреждал царя, что «если не сделать либеральные реформы, то перемены будут уже в виде революции», однако царь противопоставлял прозападную либеральную интеллигенцию и народ, он говорил, что «перемен хотят только интеллигенты, а народ не хочет»⁴². В начале декабря П. Д. Святополк-Мирский предложил программу реформ, включающую введение

выборных представителей в Государственный Совет. На совещании 2 декабря царь ответил на предложение П. Д. Святополка-Мирского, что «власть должна быть тверда и что во всех разговорах земцев он видит только эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»⁴³. «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, — поясняет С. Ю. Витте, — но оно хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним»⁴⁴. Царь (как потом выяснилось, вполне обоснованно) предупреждал либералов-дворян, что ограничение самодержавия может нарушить стабильность и вызвать направленные против них крестьянские волнения. «Мужик конституции не поймет, — говорил Николай II П. Трубецкому, — а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я поздравляю вас, господа!»⁴⁵ Таким образом, царь и представители этактистской бюрократии справедливо полагали, что на данной стадии движение развивается по инициативе интеллигенции и части дворянства и в основе его лежат групповые интересы. Теоретически такое развитие событий может быть объяснено как совместное действие диффузионного и демографического фактора. «Сжатие в элите» толкало часть дворянства к оппозиции, а прогрессирующая вестернизация придавала силы растущей интеллигенции; падение авторитета самодержавия в результате военных поражений придавало силы обеим оппозиционным группам, побудило их объединиться и перейти в наступление на монархию.

Одновременно с организацией Земского съезда оппозиция искала союзников в массах. В первую очередь была развернута агитация среди студентов. 5 декабря оппозиция организовала многотысячную демонстрацию студентов в Москве; шествие направлялось к резиденции генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича; когда оно было остановлено полицией, то из толпы раздались выстрелы; полиция в свою очередь открыла стрельбу, несколько человек было убито, многие ранены⁴⁶. Выстрелы из толпы, несомненно, были провокацией в духе 1848 года, показывающей, каким образом оппозиция намерена добиваться своих целей⁴⁷.

П. Д. Святополк-Мирский осудил действия московского обер-полицеймейстера Д. Ф. Трепова по разгону демонстрации 5 декабря. В ответ великий князь Сергей Александрович срочно прибыл в Петербург, где еще продолжалось обсуждение программы реформ Святополка-Мирского. Великий князь обвинил министра внутренних дел в покровительстве оппозиции и в измене престолу. В результате пункт о введении выборных был вычеркнут из проекта реформ, а П. Д. Святополк-Мирский был вынужден подать в отставку (которая была отсрочена царем на месяц)⁴⁸.

Указ, изданный после совещания, в духе «народной монархии» обещал ввести государственное страхование рабочих, разработать меры по «устроению крестьянской жизни» и т. д. Царь как будто искал поддержки у народа против вестернизированной оппозиции⁴⁹. До этого момента народ оставался в стороне от развивающегося конфликта. Хотя Сжатие в низших классах продолжалось, положение трудящихся масс в 1904 году все же немного улучшилось: урожай был хорошим, в промышленности происходило оживление, массовые увольнения прекратились и правительство не ожидало новой волны стачек⁵⁰.

Оппозиция убедилась, что Земской съезд, «банкетная кампания» и демонстрации студентов не оказали нужного влияния на власть, что необходимо привлечение к борьбе народных масс. Это означало, что необходимо — в соответствии с обычной тактикой «революций извне» — использовать существующие социальные конфликты, и в частности, борьбу рабочих за улучшение своего положения. «Освобожденцы» старались наладить агитацию среди рабочих; их вожаков стали приглашать на проводимые оппозицией банкеты. На одном из банкетов А. В. Пешехонов подошел к приглашенным рабочим и с явной досадой спросил их: «Где же, наконец, тот пролетариат, о котором так много говорят и который все не желает появляться на сцене?»⁵¹ В ноябре 1904 года лидеры «Союза освобождения» В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова обратились за поддержкой к вожаку петербургских рабочих священнику Г. Гапону: по свидетельству самого Гапона, «интеллигентные либералы» «посоветовали» ему, чтобы рабочие написали петицию правительству⁵². Однако Гапон медлил: он понимал, что в данный момент у рабочих не было объективных причин для выступления. В конце концов пришлось использовать самый незначительный повод, увольнение четырех рабочих на Путиловском заводе. Г. Гапон призвал к забастовке, и хотя дирекция пошла на уступки, он выдвигал новые и нереальные требования, вплоть до введения 8-часового рабочего дня, которого не было еще ни в одной стране мира. Забастовщики посылали толпы «агитаторов» на другие предприятия и часто силой заставляли рабочих прекращать работу. Семейным рабочим гапоновское «Собрание» выплачивало пособие по 70 копеек в день (для этого требовались большие деньги, но источники финансирования остаются неизвестными). К вечеру 7 января забастовка стала всеобщей: бастовало 130 тыс. рабочих⁵³.

5 января по отделам «Собрания» начались митинги с чтением петиции, которую рабочие понесут царю, но окончательного текста пе-

тиции еще не было. Наиболее подробные сведения о том, как составлялась петиция, сохранились в воспоминаниях одного из соратников Гапона, И. Павлова. «Известно, что Гапон старался не допускать вначале партийного влияния... — писал И. Павлов. — Но когда события приняли решительно революционный ход, он признал общие действия с партиями, и в особенности, с с.-д. партией, в особенности необходимыми. 6 января... было назначено собрание, на которое были приглашены представители партий... По ознакомлении с содержанием проекта представитель с.-д. заявил, что в такой редакции петиция для социал-демократии неприемлема. Гапон предложил тогда сделать исправления или составить другую петицию»⁵⁴. «Представитель с.-д.» тут же написал свой проект, в котором на первом месте стояло требование созыва Учредительного собрания, а среди других требований упоминалось «отделение церкви от государства». Еще одно требование, «прекращение войны по воле народа», совпало с пожеланием японского правительства и, очевидно, восходило к условиям, выработанным на конференции в Париже⁵⁵. Гапон согласился с этим проектом, вероятно, потому что, как свидетельствует П. Рутенберг, он плохо разбирался в политике и имел манеру «соглашаться» со всеми, даже если высказывались прямо противоположные мнения⁵⁶. О политической неопытности Г. Гапона писали многие знавшие его люди, в том числе С. В. Зубатов и В. И. Ленин⁵⁷.

О том, кто был «представитель с.-д.», написавший петицию, можно только догадываться — впрочем, один из хорошо осведомленных руководителей МВД, В. И. Гурко, писал, что петиция «была составлена при участии Максима Горького и представляла, в сущности, не что иное, как социал-демократическую программу-минимум»⁵⁸. Сподвижник Гапона А. Е. Карелин впоследствии писал, что кроме Гапона, петицию мог написать только М. Горький, что об участии Горького говорит сам слог петиции⁵⁹.

Г. Гапон поддерживал прямые связи с Максимом Горьким. М. Горький в то время формально не являлся членом социал-демократической партии, и хотя многие считали его в душе социал-демократом, он оставался независимым политиком и мыслителем. Как отмечалось выше, Горький был одним из членов «посреднического бюро», и именно на его квартире, по данным полиции, накануне 9 января ежедневно происходили многолюдные совещания оппозиции. В числе других на этих совещаниях присутствовали известные либералы К. К. Арсеньев и Н. И. Кареев. На квартиру Горького постоянно приходили посланцы Г. Гапона; он общался с ближайшим поверенным Гапона Д. В. Кузиным⁶⁰. По свидетельству А. Е. Карелина, Гапон

очень уважал М. Горького и часто говорил своим помощникам: «Если что вам говорит Горький, слушайте его»⁶¹.

Таким образом, оформленная как челобитная к «царю-батюшке» петиция содержала требования вестернизированной оппозиции⁶². Сора­тники Гапона попытались было возражать, говоря, что такие тре­бования не могут исходить от рабочих. Г. Гапон приказал им молчать и своим авторитетом подавил сопротивление⁶³.

Вступив в контакт с партиями, Г. Гапон оказался окружен прислан­ными ими советниками. Одним из них был Петр Рутенберг, видный эсеровский боевик, который, как признавались позже вожди эсе­ров, был послан ими «пасти» Гапона. На последних митингах перед 9 января П. Рутенберг постоянно находился рядом с Гапоном, иног­да «транслируя» для народа слова потерявшего голос священника⁶⁴. М. Горький характеризовал своего старого знакомого П. Рутенбер­га как «друга и учителя» Гапона, а жена П. Рутенберга и ее адвокат В. Бернштам утверждали, что П. Рутенберг был в числе лиц, редак­тировавших петицию⁶⁵.

Между тем в глазах народа движение было чисто традиционалист­ским: готовилось всем понятное религиозное действо, крестный ход народа к царю-батюшке за правдой. «Гапону и его людям за два — три дня удалось привести людей в состояние не только религиозно­го экстаза, но и высочайшего духовного подъема», — писал И. Н. Ксе­нофонтов⁶⁶. «Названный священник приобрел чрезвычайное зна­чение в глазах народа, — писал 8 января прокурор Петербургской судебной палаты Э. И. Вуич. — Большинство считает его пророком, явившимся от бога для защиты рабочего люда...»⁶⁷ Никакие вестер­низированные лозунги не смогли бы привести массы в религиозный экстаз, тем более, что рабочие по-прежнему не доверяли интеллиген­там. «Отчуждение массы рабочих от интеллигенции было настолько велико, — свидетельствует В. И. Невский, — что даже в то время, ког­да врачи с медикаментами явились рано утром 9-го в район, рабочие говорили им: „Не надо нам вас“. „Спасибо, но... не надо нам вас. Луч­ше... уходите, пожалуйста“»⁶⁸.

Вечером 8 января Г. Гапон совещался сначала с социал-демокра­тами, а потом с эсерами. На встрече с эсерами Гапон спрашивал, есть ли у них бомбы и оружие, и, получив утвердительный ответ, на­стаивал, чтобы завтра эсеры были в рядах шествия и следили за ним. «Если его около дворца останоят и не пропустят к царю, то он даст знак белым платком — тогда... строй баррикады, бей жандармов и по­лицию». «Тогда, — говорил Гапон, — не петиции будем подавать, а ре­волюцией сводить счеты с царем и капиталистами»⁶⁹. Согласно дого-

воренности, эсеры и социал-демократы должны были идти в задних рядах шествия, иметь с собой оружие и красные флаги, но до времени не выставлять их⁷⁰.

План «революции» должен был составить П. Рутенберг, с которым Гапон имел особую беседу поздно вечером. Наутро у эсеровского боевика была карта с диспозицией сил, и движение колонн производилось по этому плану⁷¹. Позднее выяснилось, что у Рутенберга было также и особое задание от ЦК эсеров. Вот, что пишет об этом А. В. Герасимов: «Внезапно я спросил его, верно ли, что 9 января был план застрелить государя при выходе его к народу?» Гапон ответил: «Да, верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нем гораздо позже. Это был не мой план, а Рутенберга...»⁷²

Наутро колонны двинулись к центру города, впереди несли царские портреты, иконы и хоругви. Люди, одетые в праздничную одежду, как положено при крестном ходе, шли с непокрытыми головами и пели молитвы. Полицейские, подчиняясь обычаю, стояли на обочинах тоже с непокрытыми головами. Сила традиции была такова, что два полицейских офицера по собственной инициативе пошли перед колонной, в которой находился Гапон, расчищая дорогу крестному ходу. В других колоннах революционеры не считали нужным следовать предписанному Гапоном порядку. Горький и его друзья-большевики шли с колонной Выборгского отдела; они первыми, еще до начала столкновений, стали кричать «Долой самодержавие!» и подняли красный флаг. Замысел, очевидно, состоял в том, чтобы — как это было 17 марта 1848 года в Берлине — путем выбрасывания красных знамен спровоцировать полицию и вызвать крупномасштабные столкновения. Горький непосредственно участвовал в этой провокации и потом сохранил этот флаг на память. В колонне Невского отдела вооруженные эсеры вышли в голову колонны, и, ведя толпу, сумели пробиться к Зимнему дворцу; по дороге они производили беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы. На Васильевском острове революционеры начали строить баррикаду, как только началось шествие; на баррикаде был водружен красный флаг⁷³. После того как начались столкновения, эсеры возвели еще несколько баррикад, стали громить оружейные магазины и вооружать народ. М. Горький и Н. Ф. Анненский во время расстрела демонстрации оказались в публичной библиотеке; Горький призывал находившихся в библиотеке студентов идти сражаться. На Васильевском острове были сооружены три баррикады, но после непродолжительного сопротивления они были взяты штурмом войсками⁷⁴. У восставших было слишком мало оружия; бомбы, обещанные социал-ре-

волюционерами, оказались пустым обещанием. «Совсем уж плохо было то, — писал В. И. Невский. — что с.-р., зная свою слабость, обещали то, что выполнить не могли»⁷⁵.

После расстрела демонстрации Гапон в сопровождении П. Рутенберга направился к Горькому⁷⁶. По словам Гапона, Горький обнял его и заплакал. «Что теперь делать, Алексей Максимович?» — спросил Гапон⁷⁷. Вечером Горький привел переодетого Гапона на многолюдное собрание (или скорее, митинг) интеллигенции в Вольном экономическом обществе. После митинга состоялось совещание «доверенных лиц», на котором обсуждался вопрос, «как достать оружие и организовать восстание», а потом Гапон вернулся к Горькому, где написал обращение к рабочим, которое утром было переделано Рутенбергом⁷⁸. Горький в письме к Е. П. Пешковой так подводит итоги дня: «Настроение — растет, престиж царя здесь убит — вот значение дня. Итак, началась русская революция, с чем тебя и поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждем новых событий более ярких и героизма бойцов...»⁷⁹

Как следует из письма, Горького не смущала кровь, и он праздновал начало русской революции. Оппозиция была уверена, что революция уже началась. Один из руководителей петербургских социал-демократов С. И. Сомов писал о собрании вечером после расстрела 9 января: «Тон собрания был крайне бодрым, большинство его участников выражало твердую уверенность, что теперь рабочие окончательно распроятся со своими прежними иллюзиями и на следующий день начнутся активные выступления народных масс...» Однако на следующее утро⁸⁰, продолжает С. И. Сомов, «самый вид улиц предместья принес первое опровержение наших расчетов... По пути нам то и дело попадались большие плакаты — треповские объявления, которые молчаливо читались группами рабочих...»⁸¹ Новый генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов поспешил объяснить рабочим суть произошедших событий, в объявлениях говорилось, что рабочие были увлечены «студентами» на ложный путь, что «именем рабочих были заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие», что «нужды трудящихся близки сердцу императора и они будут рассмотрены». В этой связи говорилось, что царь повелел разработать вопрос о страховании, что министерство финансов «готово приступить к разработке вопроса о дальнейшем сокращении рабочего времени...»⁸² От заводоуправлений стали поступать сообщения о повышении расценок, о сокращении рабочего дня — и уже через три — четыре дня после расстрела рабочие вернулись на заводы; забастовка окончилась.

«Народный пророк» Гапон где-то прятался, он исчез, и вызванный им религиозный энтузиазм быстро испарился. Растерянные рабочие вернулись на свои заводы, но кое-кто счел необходимым поквитаться с «обманщиками». В городе начались избиения интеллигентов. «Студентов и интеллигентов ловили на улицах, стаскивали на глазах у прохожих с извозчиков, — писал В. И. Невский, — избивали и тут же бросали на улице в кучу, и потом либо убивали их, либо отправляли их в участок...»⁸³ Это было начало того массового движения традиционалистов против вестернизированной интеллигенции, которое потом проявило себя в октябрьских погромах.

Директор департамента полиции А. А. Лопухин в докладе министру внутренних дел следующим образом подводит итог событий: «... Священник Гапон, еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с упомянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и по внесении в нее последовательно общеконституционных положений закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства, что ни в коем случае не могло быть сознательно продиктовано рабочими. Зайдя так далеко в размерах и конечных целях им же вызванного по ничтожному случаю движения, Гапон, под влиянием подпольных политических агитаторов, решил закончить это движение чрезвычайным актом и, инспирируемый агитаторами, стал пропагандировать мысль о необходимости публичного представления государю императору петиции от забастовавших рабочих об их нуждах... Именно в этот вечер Гапон распространил текст петиции... в которой независимо от пожеланий об улучшении экономических условий были включены дерзкие требования политического свойства. Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке»⁸⁴.

«Так совершилось величайшее по своей трагичности и последствиям событие, прозванное революционерами „Кровавым воскресеньем“, — писал жандармский генерал А. И. Спиридович. — Провокация революционных деятелей и Гапона, глупость и бездействие подлежащих властей и вера народная в царя — были тому причиной»⁸⁵.

Выводы высших полицейских чинов имеют определенную ценность, так как они опираются на всю доступную информацию

и стремление избежать повторения событий делает их достаточно объективными. Что может добавить к этим выводам теория вестернизации? По основным параметрам — утверждение западного парламентаризма как цель движения, роль интеллигенции, использование социальных конфликтов традиционного общества, тактические приемы — первый период русской революции можно трактовать как классическую «революцию вестернизации», «революцию извне». В соответствии с теорией вестернизации российская либеральная интеллигенция, осознав свою слабость, встала на путь «революционизации» народа, используя для этого методы политической провокации. П. Б. Струве впоследствии писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации настрадавшихся народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом деле революции играла роль *ловко инсценированная провокация*...»⁸⁶.

Огромное значение событий 9 января состоит в том, что они нанесли тяжелый удар по идеологическим основам традиционного общества — народной вере в царя и церковь. А. Е. Карелин описывает, как вернувшиеся после расстрела люди «не только молодые, но и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы»⁸⁷. Топтали не только портреты царя, но и *иконы* — рушилась не только вера в царя, но и вера в Бога. Это крушение нашло убедительное подтверждение в статистике преступлений против церкви: после революции оно увеличилось в три с лишним раза⁸⁸. Таким образом, события 9 января подорвали веру в православного царя и «народную монархию».

8.4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1905 ГОДА

Либеральная оппозиция сделала все, чтобы усилить волну негодования, поднявшуюся после расстрела. «Царь Николай, — писал лидер либералов П. Б. Струве, — стал открыто врагом и палачом народа... Сегодня у русского освободительного движения должны быть единое тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало...»

В то время как Петербург постепенно успокаивался, в других городах известия о расстреле вызвали рабочие волнения. Однако эпицентр этих волнений находился не в русских губерниях, а в Польше и в Литве — там, где любое недовольство многократно усиливалось националистическими настроениями. Поляки и литовцы в это

время были до крайности возбуждены призывом в русскую армию для участия в войне на Дальнем Востоке; доля уклонившихся от призыва составляла от 11% в Польше до 28% в Литве⁸⁹. 14 января в Варшаве из толпы демонстрантов начали стрелять по полиции; полиция ответила огнем, после чего начались беспорядки, продолжавшиеся три дня. По официальным данным, в эти дни погибли 61 «бунтовщик» и несколько полицейских. В Лодзи бастовало 70 тыс. рабочих и также имели место кровопролитные столкновения с полицией⁹⁰. Как отмечает Джеффри Хоскинг, по существу в Польше началось национальное восстание, подобное восстанию 1863–1864 годов⁹¹. Но характерно, что крестьяне не принимали участия в этом восстании: они помнили, что в 1864 году русский царь наделил их землей за счет восставшей шляхты.

По сравнению с Польшей, в Центральной России было относительно спокойно. В Москве число единовременно бастовавших не превышало 20 тыс. человек, забастовка продолжалась около недели и обошлась без столкновений. В промышленной Владимирской губернии, где насчитывалось 140 тыс. фабричных рабочих, бастовали только 8 тыс. человек. При этом нужно учесть, что забастовщики, как и раньше, применяли метод полунасиленной «агитации», и полиции приходилось брать под охрану предприятия, где рабочие желали продолжать работу. Кроме того, примерно половина забастовщиков выставляла экономические требования, не связанные с событиями 9 января⁹².

Признавая масштабы волнений, С. Ю. Витте все же довольно оптимистически оценивал ситуацию; он говорил, что 80% народа еще не затронуто революционной пропагандой и советовал царю опереться на народ и армию⁹³. Чтобы успокоить рабочих, была создана «Комиссия для выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изысканию мер к устранению таковых в будущем» под председательством сенатора Н. В. Шидловского; в эту комиссию пригласили выборных от рабочих. 24 января на совещании промышленников министр финансов В. Н. Коковцов объявил о намерении правительства приступить к разработке рабочего законодательства. Однако уступки рабочим вызвали недовольство промышленников, которые стали выступать в поддержку либеральных реформ⁹⁴.

В то время как рабочее движение постепенно шло на спад, студенческие волнения, наоборот, нарастали. В начале февраля вернувшись в вузы после каникул студенты приступили к проведению массовых антиправительственных манифестаций. 7 февраля состоялся

бурный митинг 5 тыс. студентов и преподавателей Петербургского университета. В большинстве вузов была объявлена студенческая забастовка; занятия прекратились⁹⁵.

Вспышка рабочих волнений произвела большое впечатление на правящую бюрократию и усилила позиции либералов в правительстве. 17 января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов предупредил царя о том, что власть не может считать дворянство своей опорой. «В самом дворянстве происходит раскол, — говорил министр, — земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили того консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее — наоборот». А. С. Ермолов утверждал, что нельзя полагаться на войска, которые могут отказаться стрелять в беззащитную толпу, что с каждым выстрелом возрастает опасность покушений на жизнь императора. Чтобы успокоить оппозицию, говорил Ермолов, необходимо вернуться к вопросу о выборном представительстве⁹⁶.

Граф Бобринский свидетельствует, что «страшно испуганные наступлением революции, великие князья теперь отбросили всякую спесь», что «в министерских сферах тоже перепугались и ждут исхода»⁹⁷. Этот испуг имел некоторые основания: эсеры угрожали отомстить за расстрелы; 3 февраля 1905 года бомбой террориста был убит великий князь Сергей Александрович. Хорошо осведомленный А. А. Лопухин утверждал, что именно страх, появившийся после гибели Сергея Александровича, заставил Николая II пойти на уступки⁹⁸.

Еще одним фактором, действовавшим в поддержку либералов, стало вмешательство Европы: 24 января Вильгельм II «дружески посоветовал» Николаю II учредить собрание земских представителей для подготовки законопроектов. 4 февраля германский император прислал царю подробный обзор того, что думает о России «так называемый цивилизованный мир»; одновременно он обратился к «кузине» Марии Федоровне (вдовствующей императрице) с просьбой повлиять на сына⁹⁹.

Наконец, важную роль сыграл финансовый кризис. В начале войны правительство, ввиду крайнего напряжения платежных сил населения, признало невозможность увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, оно не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения. Война финансировалась в основном за счет внешних займов, и затруднения с их получением могли привести к финансовому кризису¹⁰⁰. В начале февраля в Петербург с полуофициальной миссией прибыл организатор французских займов для русского правительства влиятельный

банкир Э. Нецлин; предупредив о возможных трудностях в получении займов, он также рекомендовал царю сделать уступки либеральной оппозиции¹⁰¹. Отвечая Э. Нецлину, Николай II заявил, что серьезно думает о реформах¹⁰².

Совокупное действие всех перечисленных выше факторов привело к тому, что Николай II согласился на создание выборного представительства — причем, по мнению Б. В. Ананьича, вопрос о французском займе играл если не решающую, то по крайней мере значительную роль¹⁰³. 18 февраля 1905 года в рескрипте на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина царь объявил о своем намерении отныне «привлекать... достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений...»¹⁰⁴ Рамки компетенции выборного представительства предстояло определить учреждаемому под председательством А. Г. Булыгина «особому совещанию».

Таким образом, хотя масштабы инициированной оппозицией вспышки рабочих волнений были меньшими, чем ожидалось, оппозиции удалось добиться от самодержавия существенных уступок. В значительной степени — в соответствии с теорией вестернизации — этот успех объяснялся поддержкой оппозиции со стороны европейских правительств и общественности западных стран. Большую роль сыграли и финансовые трудности правительства: согласно демографически-структурной теории, государство в период Сжатия должно испытывать финансовый кризис. В начале 1905 года правительство было весьма чувствительно к вопросу о заключении займов и было вынуждено следовать «пожеланиям» Запада. Напомним, что в 1847 году в результате такого же финансового давления прусский король обещал созвать Соединенный ландтаг.

Правые фракции либералов приветствовали уступки самодержавия, и это обстоятельство на время ослабило давление оппозиции. Рабочие протесты также шли на спад, по сравнению с январем в марте число участников политических забастовок уменьшилось более, чем в 10 раз¹⁰⁵. Однако в феврале в политическую борьбу вмешался новый мощный фактор: в Черноземном регионе начались крестьянские волнения. В борьбу, которую начали либералы, вслед за рабочими вступают крестьяне.

О настроениях крестьян в этот период можно судить по материалам петиций, посылавшихся крестьянами царю после того, как 18 февраля была разрешена их подача. Приговоры и петиции, посылавшиеся весной и летом 1905 года, требовали передачи крестья-

нам помещичьей земли (полностью или частично), но сравнительно редко содержали политические требования¹⁰⁶. Черниговский губернатор связывал начало волнений с забастовками в близлежащих промышленных городах; исследователи, со своей стороны, отмечают большую роль крестьян-отходников, которые приносили в деревню новости из городов и часто становились инициаторами волнений¹⁰⁷. Однако основной причиной крестьянских волнений было малоземелье; как отмечает А. М. Анфимов, уезды, в которых начались волнения 1905 года, отличались особенно острым крестьянским малоземельем в сочетании с большой долей помещичьих земель в общем земельном фонде¹⁰⁸.

В течение февраля в Курской, Орловской и Черниговской губерниях было «разобрано» 20 экономий. Масштабы волнений пока были меньшими, чем в 1902 году, но крестьяне действовали более решительно; в нескольких случаях были сожжены помещичьи усадьбы. Вожаки крестьян в Курской губернии призывали к разгромам помещиков царевым именем, в уезде появились «царские золотые грамоты». Крестьянское движение, таким образом, было направлено не против самодержавия, а против помещиков (многие из которых были либералами)¹⁰⁹.

Правительство сразу же отреагировало на начало крестьянского движения: была частично снята задолженность по продуктовым долгам (выросшая после голода 1891 года до размеров, превосходивших недоимки по выкупным платежам). Этатистская бюрократия была не прочь противопоставить крестьян либеральной оппозиции. В начале мая Д. Ф. Трепов представил царю записку И. Гофштеттера, в которой предлагалось созвать Земский собор, на котором царь с помощью крестьянского большинства провозгласит новую земельную реформу¹¹⁰.

Левое крыло либералов, со своей стороны, пыталось привлечь народные массы к борьбе. В то время, писал П. Н. Милюков, «революционное движение далеко не успело проникнуть в массы, его роль заменяла „симуляция революции“ интеллигентами...»¹¹¹ На съезде «Союза освобождения», состоявшемся 25–28 марта, в программу Союза было впервые внесено требование «нового наделения безземельных и малоземельных крестьян государственными... землями, а где их нет — частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель». В этой программе нашлось место и требованиям рабочих, и в частности, говорилось о необходимости введения 8-часового рабочего дня. В отношении обещанного царем представительства говорилось, что выборы в него должны осуществляться

путем всеобщей и равной подачи голосов. Таким образом, по мере обострения борьбы программа «Союза освобождения» приобретала более радикальный характер¹¹². Это противоречило представлениям о классическом либерализме XIX века, но соответствовало новым западным веяниям — тому «новому либерализму», который шел на уступки радикалам, и зарождение которого было связано с именами Клемансо и Ллойд-Джорджа¹¹³.

Важным направлением деятельности «Союза освобождения» стало создание профессиональных организаций в той среде, в которой функционировали «освобожденцы», — то есть в среде интеллигенции. Весной 1905 года были созданы союзы врачей, учителей, адвокатов, железнодорожных служащих и т. д.; все эти организации были объединены в «Союзе союзов»¹¹⁴.

Судя по общим данным о числе забастовщиков, рабочее движение в мае — июле несколько оживилось. Однако центр его находился по-прежнему в Польше: в Лодзи 9–11 июня бастовало 70 тыс. рабочих, шли баррикадные бои, число убитых бунтовщиков превышало 200 человек. В мае — июне бастовали более 30 тыс. текстильщиков Владимирской губернии; в Петербурге 9 июля была проведена стачка в память погибших 9 января; в ней участвовало 35 тыс. рабочих, но это была лишь однодневная акция¹¹⁵. Как отмечает С. Шварц, в целом для забастовок этого периода были характерны экономические требования¹¹⁶. Что касается крестьянского движения, то летом было много конфликтов на почве потрав и покосов, но случаи «разборки» помещичьих имений были единичными.

Разгром при Цусиме нанес новый удар по авторитету самодержавия, и в обстановке смятения правительство одно время обсуждало вопрос о немедленном созыве Земского собора, но затем этот проект был оставлен¹¹⁷. Было решено пойти на мирные переговоры с Японией; это решение было обусловлено также и усугублявшимися финансовыми проблемами: переговоры о кредитах сорвались, и стало ясно, что, по словам С. Ю. Витте, дальнейшее ведение войны возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха»¹¹⁸. Таким образом, *вновь, как и в период Крымской войны, выяснилось, что Россия не может вести войну в обстановке внутреннего конфликта, Сжатия и порожденного им финансового кризиса.*

Период до августа 1905 года проходил под знаком ожидания результатов работы булыгинского «совещания» по подготовке законов о будущей Думе. В середине июня законопроект попал в печать и выяснилось, что правительство стремится максимально ограничить роль Думы. Земский съезд, состоявшийся 6–8 июля, потребовал

предоставления Думе законодательных прав, а также немедленного провозглашения политических свобод. Съезд принял обращение к народу с призывом работать вместе с земцами ради «достижения истинного народного представительства». Было решено начать «освободительную» агитацию в народе; некоторые земства стали устраивать совещания с крестьянами. 31 июля — 1 августа по инициативе либералов и с их участием состоялся учредительный съезд «Крестьянского союза». Вместе с тем продолжавшиеся в разных местах аграрные волнения начали вызывать опасения дворянства. 18 июня 26 губернских предводителей дворянства представили царю записку, в которой, поддерживая предложения земцев, в то же время сетовали на то, что ослабление власти может вызвать попытки земельного передела¹¹⁹.

В июле 1905 года состоялась серия правительственных совещаний в Петергофе, на которых обсуждался законопроект о Думе. Правительство искало для себя будущую думскую опору, и в этой связи высказывались суждения о расколе элиты и о ненадежности опоры на дворянство. «С 1890 года 9/10 гласных принадлежат к российскому дворянству, — говорил В. Н. Коковцов, — поэтому к ошибкам и заблуждениям земства дворянство не может считать себя непричастным... Какое же основание верить в то, что дворяне в Думе будут представителями консервативных начал? Не служит ли предостережением против такого заблуждения пример последнего съезда в Москве? Ведь в нем участвовали по преимуществу дворяне, в числе коих находились многие представители славных в прошлом дворянских родов... Жалованная грамота дворянству не удостоверяет верность его престолу»¹²⁰. «Позвольте Вас спросить: к какому сословию принадлежат князья Долгорукие, Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичи? — возмущенно вопрошал великий князь Владимир Александрович. — Они дворяне. А что они говорят и пишут?»¹²¹ Но в то же время высказывались опасения и по поводу другого сословия, считавшегося опорой престола, крестьянства. «Не достаточно ли какому-нибудь адвокату посулить выборщикам из крестьян передел земли, чтобы склонить их голоса в свою пользу?» — спрашивал А. А. Нарышкин¹²². «Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов», — отвечал граф Бобринский¹²³. Правительство сочло, что основная масса крестьян еще не затронута революционной агитацией, и представители крестьян должны были составить 43% выборщиков депутатов в будущую Думу. 34% выборщиков должны были принадлежать к землевладельческой курии и 23% — к городской¹²⁴.

«Расчет все явственнее сводился к тому, чтобы поставить перед ведущими штурм самодержавия силами крестьянскую думу и прикрыть ею власть», — писал Ю. Б. Соловьев¹²⁵.

6 августа был опубликован Манифест о Государственной думе, из которого следовало, что дума будет избираться через многоступенчатую систему выборов и иметь совещательный характер. Введение имущественного ценза лишало избирательных прав практически всех рабочих. «Союз союзов» еще в июле призвал к бойкоту Думы и к устройству массовых протестов. Однако массовых народных протестов не последовало; по сравнению с летними месяцами активность рабочего и крестьянского движения в сентябре заметно снизилась. Это успокаивало правительство. В то же время оставалось неясным, как поведет себя крестьянство. В конце сентября С. Ю. Витте на совещании министров предостерегал, что «студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною» и предлагал для предотвращения крестьянского движения «тотчас по собрании Думы передать ей крестьянский вопрос»¹²⁶. Это была позиция этатистской группировки в правительстве, которая считала возможным пожертвовать интересами (в значительной части либерального) дворянства ради государственных интересов и традиционного принципа «самодержавие, православие, народность». А. Я. Аврех называл этот курс «цезаризмом» и считал С. Ю. Витте главным проводником прокрестьянской «цезаристской» политики¹²⁷. «Тогда было признано, — писал С. Ю. Витте, — что держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию. Царь и народ!.. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству»¹²⁸.

Таким образом, весной и летом 1905 года революционное движение (за исключением Польши) развивалось в сравнительно медленном темпе. В попытке привлечь на свою сторону крестьян и рабочих либеральная оппозиция сделала решительный шаг влево, но не получила ожидаемого отклика. Правительство по-прежнему рассматривало традиционалистское крестьянство как свою опору в борьбе с вестернизированной оппозицией и предоставило ему значительное число мест в Думе. При этом баланс сил рассчитывался не по сословным и классовым интересам, а по вектору противостояния вестернизационных и традиционалистских группировок. Но как вскоре выяснилось, этот расчет был ошибочным: в действительности страна находилась на пороге крестьянского восстания.

8.5. МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

Между тем либеральная оппозиция прилагала все усилия, чтобы снова вовлечь в борьбу массы. Находившийся под влиянием либералов «Крестьянский союз» призвал крестьян писать петиции и приговоры с требованиями, перечисленными в специально изданной листовке. Среди этих требований, помимо всеобщего избирательного права, появилось радикальное требование передачи всей земли тем, кто ее обрабатывает¹²⁹. В середине сентября собрался новый Земский съезд, и в программу земцев были включены требования надления крестьян землей за счет частичного выкупа земли помещиков, а также 8-часовой рабочий день. «В обиход вошло выражение латинского поэта, — писал П. Н. Милюков. — „Если не смогу склонить высших (богов), двину Ахеронт (адскую реку)“»¹³⁰. Под «Ахеронтом» разумелись народные массы. Однако такая тактика ставила под удар интересы землевладельцев и часть земцев покинула съезд: союз между оппозиционной фракцией дворянства и вестернизированной интеллигенцией начал распадаться¹³¹. Однако либеральная интеллигенция продолжала вовлекать в борьбу народ.

«Передаточным звеном» между либералами и народом по-прежнему были студенты. 3 сентября в Выборге состоялся студенческий съезд, на котором было принято решение «использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации боевых отрядов...»¹³². В течение сентября в Московском университете прошло несколько митингов, на которые приглашали рабочих. Эта агитация была одним из побудительных мотивов забастовки московских печатников, которая началась 19 сентября. К 4 октября в Москве бастовало около 12 тыс. фабричных рабочих¹³³.

Главную роль в организации октябрьской всеобщей стачки сыграл «Всероссийский железнодорожный союз» (ВЖС) — профсоюз железнодорожных служащих, входивший в созданный либералами «Союз союзов». Это был профсоюз инженеров, техников, управленцев; он насчитывал около 6 тыс. человек, что составляло примерно 15% железнодорожных служащих. Нужно отметить, что поскольку российская интеллигенция в целом была в значительной мере дворянского происхождения, то и на железных дорогах работало много обедневших дворян. На белорусских линиях, к примеру, около 20% конторщиков и счетоводов составляли выходцы из дворян. Это были «изгой» дворянского сословия, которые, несомненно, болезненно переживали свой переход из дворянства в конторщики. Поэтому не-

удивительно, что по своей идеологии ВЖС (как и вся «народническая» интеллигенция) был близок к экстремистски настроенным эсерам. Что касается рабочих (которых на железных дорогах насчитывалось 700 тыс.), то в ВЖС их практически не было¹³⁴.

Съезд ВЖС еще в июле принял решение о проведении всеобщей забастовки, но в центральном бюро союза не было согласия относительно времени ее проведения; многие считали, что подходящий момент еще не наступил. Как и в событиях 9 января, существенную роль сыграла провокация. В первых числах октября в Петербурге собрался съезд ВЖС, посвященный созданию пенсионных касс. 5 октября в центральное бюро в Москве неожиданно поступило (оказавшееся ложным) известие об аресте всех депутатов, и бюро сразу же разослало телеграммы с призывом к стачке. Хотя члены ВЖС составляли лишь 1% всех железнодорожных рабочих и служащих, с началом забастовки остановились практически все железные дороги. Условия функционирования дорог были таковы, что для остановки движения достаточно было сбоя в работе какой-нибудь из технических служб, например, диспетчерской, телеграфной и т. д. После остановки движения рабочие собирались на митинг; некоторые из них поддерживали забастовку, другие не поддерживали — но они не могли возобновить движение, и им приходилось «бастовать». Таким образом, считается, что в железнодорожной забастовке участвовали все 750 тыс. рабочих и служащих этой отрасли¹³⁵.

Остановка всех железных дорог послужила мощным импульсом к развертыванию забастовочной борьбы. На одних фабриках рабочие использовали ситуацию, чтобы предъявить свои требования; другие фабрики останавливались просто в результате прекращения подвоза сырья. Толпы забастовщиков врываются на еще работающие предприятия и принуждали их рабочих присоединяться к стачке. По данным фабричной инспекции, в октябре бастовало 519 тыс. рабочих — около трети всех фабричных рабочих России. Большинство бастующих требовало увеличения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня, почти $\frac{2}{3}$ из них выдвигали политические требования — вплоть до созыва Учредительного собрания. В выдвижении политических требований большую роль играла агитация студентов и социал-демократов; в университетах почти непрерывно проходили митинги с участием рабочих. В стачке участвовало 200 тыс. студентов и учащихся средних школ. 13 октября «Союз союзов» призвал к забастовке входившие в него профсоюзы служащих. Во всеобщей забастовке приняли участие 150 тыс. служащих государственных, городских, земских учреждений, 150 тыс. рабочих и служащих торговых

предприятий и городского транспорта¹³⁶. «Сегодня к полудню забастовали водопровод, газовые заводы и электрическая станция, — докладывал московский градоначальник Г. П. Медем, — некоторые магазины и лавки прекратили торговлю; в 3 часа дня группа адвокатов... ворвалась в здание суда, потребовала прекращения разбираемого дела, а затем заставила прекратить занятия канцелярию суда»¹³⁷.

Таким образом, всеобщая стачка была инициирована народной и либеральной интеллигенцией из ВЖС и «Союза союзов», но в дальнейшем развивалась стихийно¹³⁸. В Петербурге представители бастующих предприятий для координации усилий создали Совет рабочих депутатов, затем такие советы были созданы и в некоторых других городах. 12 октября собрался учредительный съезд конституционно-демократической партии, на котором кадеты заявили о поддержке всеобщей стачки. Во вступительной речи на съезде П. Н. Милюков отмежевался от «аграриев и промышленников», заявив о «идейном, внеклассовом» характере новой партии. В программе кадетов содержались требования, заявленные сентябрьским земским съездом и направленные на привлечение масс, — положение о наделении крестьян землей и 8-часовом рабочем дне. Таким образом, либеральная интеллигенция делала шаг от союза с дворянской оппозицией к союзу с низшими классами¹³⁹.

Положение правительства осложнял постоянный финансовый кризис. Французские банки медлили с предоставлением займа, и президент Франции Лубэ прямо говорил С. Ю. Витте, что «без системы представительства и конституции Россия более идти не может»¹⁴⁰. Под давлением обстоятельств шаг влево была вынуждена сделать и этактистская бюрократия. 9 октября С. Ю. Витте представил царю записку, в которой предлагал ему сделать выбор: либо ввести военную диктатуру и подавить стачки вооруженной силой, либо пойти на кардинальные уступки, в том числе, расширить функции Думы и избирательные права, законодательно уменьшить продолжительность рабочего дня, и в качестве крайней меры, организовать выкуп помещичьих земель, арендуемых крестьянами. Великий князь Николай Николаевич, которому царь предложил взять на себя роль диктатора, отклонил это предложение, сославшись на ненадежность войск, и посоветовал царю принять программу С. Ю. Витте. 17 октября царь подписал манифест, в котором сообщалось о «даровании населению незыблемых прав гражданской свободы» и о том, что отныне никакой закон не может получить силу без санкции Думы.

«Да, России дается конституция. Немного нас было, которые боролись против нее, — жаловался царь Д. Ф. Трепову. — Но поддержки

в этой борьбе ниоткуда не пришло. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное!»¹⁴¹

Назначенный председателем Совета министров С. Ю. Витте вступил в переговоры с бастующими. Руководству ВЖС были даны обещания «принять решительные и безотлагательные меры» по улучшению быта железнодорожников, и 20 октября оно призвало к прекращению стачки. Вслед за прекращением забастовки железнодорожников приступили к работе и многие бастовавшие фабрики.

Конституция означала модернизацию по западному образцу, а модернизация неминуемо должна была встретить сопротивление традиционалистских сил. Основой национальной традиции была православная церковь, которая всячески противилась распространению либеральных идей, в особенности по вопросу свободы вероисповедания.

«А вы, друзья, — обращался к своей пастве Иоанн Кронштадтский, — крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество и помните, что Самодержавие — единственное условие благоденствия России, не будет Самодержавия — не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас».

Хотя впоследствии церковь официально осудила погромы, после 17 октября многие епископы выступили с призывами поддержать царя в борьбе с «крамольниками». Соборы стали центрами организации «крестных ходов»; тысячи людей с иконами и портретами царя вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою поддержку православной монархии; священники шли во главе толп. Более чем в 100 городах между манифестантами и стачечниками произошли столкновения; так как манифестанты численно превосходили «крамольников», то столкновения принимали характер погромов. Повсюду на улицах избивали студентов и интеллигентов; в Томске стачечники были окружены в одном из зданий железнодорожного управления, которое было затем подожжено. В южных городах манифестации вылились в еврейские погромы; общее число жертв составило около 1600 человек¹⁴².

В ноябре — декабре 1905 года традиционалистское движение оформилось политически — был создан «Союз русского народа», который впоследствии стали называть «черной сотней». Однако программа «Союза» не шла дальше старого лозунга «самодержавие, православие, народность»; «черносотенцы» ничего не обещали ни крестьянам, ни рабочим, поэтому они не пользовались поддержкой в деревнях и рабочих кварталах.

Подводя итоги событиям октября 1905 года, можно констатировать, что они в общих чертах укладываются как в рамки демографически-структурной теории, так и в рамки теории вестернизации: не получив от правительства обещанных уступок, оппозиционная фракция элиты снова пытается поднять на борьбу народ и инициировать социальные конфликты. Теперь (в отличие от 9 января) она открыто, с помощью студентов, агитирует рабочие массы и провозглашает социальные лозунги: 8-часовой рабочий день и передача земли крестьянам. С помощью небольшого профсоюза железнодорожных служащих оппозиции удается остановить железные дороги и вовлечь рабочих в массовую стачку. На политику правительства оказывает воздействие и угроза финансового кризиса, которая вновь придает убедительность «пожеланиям» западных финансистов и политиков. В конечном счете правительство вынуждено пойти на новые, более существенные уступки и удовлетворить основные требования оппозиции. Правительство обещает либералам конституцию, но народные массы почти ничего не получают, социальные требования, с помощью которых оппозиция вовлекла в движение народ, остаются без ответа.

Необходимо, однако, отметить, что фиксируя реальную инициативу элитных групп в развертывании революции, мы не должны забывать, что эти группы обращались к народу, *принимая за очевидное, что он готов подняться на борьбу*. Эта готовность была следствием *Сжатия* и тяжелого материального положения трудящихся масс. То обстоятельство, что оппозиционные фракции элиты прилагали усилия, чтобы вовлечь народ в борьбу, отнюдь не означало, что народ не мог подняться сам по себе — такое уже было в 1902 году. Тогда главным побудительным мотивом был неурожай и голод — осень 1905 года принесла такой же неурожай, и крестьянство вступило в борьбу.

8.6. КРЕСТЬЯНСТВО ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ

Всеобщая железнодорожная стачка привела в движение огромные массы рабочих и крестьян. Для последних железная дорога с ее четкой дисциплиной была символом государственной мощи; остановка дороги означала поломку государственного механизма. «Крестьяне, — вспоминал очевидец событий, — толпами сходились к линии, убеждались, что чугунка стоит, расспрашивали железнодорожников о причинах забастовки и, зараженные новыми идеями, возвращались в свои села и деревни. Вести о забастовке будоражили деревню»¹⁴³.

В. М. Гохленер, изучавший крестьянское движение в Саратовской губернии, установил, что оно начиналось в селах, расположенных близ железных дорог и затем распространялось в глубинные районы¹⁴⁴.

Социал-демократы и эсеры вели агитацию в деревнях, но ее роль до крайности преувеличивалась партийными историками. Т. Шанин, ссылаясь на данные полиции, отрицает роль партийной агитации в крестьянских волнениях¹⁴⁵. Действительно, в Саратовской губернии, к примеру, в первой половине 1905 года большевистские листовки распространялись от случая к случаю лишь в 50–60 селах — а сел в губернии насчитывалось несколько тысяч¹⁴⁶. О. Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии, которые, правда, относятся, в более позднем периоде, к 1907–1914 годам. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селениях, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды¹⁴⁷. «„Складно говорившие“ агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!» — отмечает О. Г. Буховец¹⁴⁸.

Другое дело — «агитация», проводимая вернувшимися в родные места отходниками, многие из которых участвовали в рабочих забастовках и демонстрациях. Земский начальник Ряжского уезда доносил рязанскому губернатору: «С прибытием крестьян с отхожих промыслов в селения вдруг откуда-то начали всплывать разного рода слухи о всеобщем переделе... об установлении рублевой поденной платы сельских рабочих»¹⁴⁹. «В уезд прибывает много рабочих с заводов и шахт, — доносили 22 октября орловскому губернатору из Кромского уезда. — Они говорят крестьянам: гоните управляющих, сами становитесь управляющими»¹⁵⁰. Пронский уездный исправник сообщал рязанскому губернатору: «Крестьяне чувствуют себя господами положения... Безошибочно можно сказать, что нет в уезде селения, в котором крестьяне не намеревались бы вырубить помещичий лес или разгромить усадьбу и в особенности в последнее время, когда в селения начался наплыв мастеровых и другого рабочего люда из столиц, т. к. много заводов и фабрик закрыто»¹⁵¹. «Документы показывают, что крестьяне-рабочие... — пишет Т. Шанин, — часто приносили информацию о революционных событиях или руководили крестьянскими общинами в борьбе 1905–1907 гг.»¹⁵². Через отходников в деревню поступали известия о беспорядках в городах, и суть этой информации сводилась к тому же, о чем сигнализировала оста-

новившаяся железная дорога — это были свидетельства ослабления государственной власти.

Очевидное ослабление власти было важным фактором развития событий, однако *основными факторами были хроническое малоземелье крестьян и неурожай 1905 года*. Неурожай имел локальный характер. В целом по Европейской России душевой чистый сбор составил 23,3 пуда, а потребление — 18,4 пуда, что было лишь немногим ниже средних показателей. Но по семи губерниям Черноземья чистый сбор составил только 15,4 пуда, вдвое меньше среднего уровня предыдущего пятилетия. Тяжелое положение сложилось также в Поволжье, особенно в Саратовской губернии, где урожай 1905 года был в 2,5 раза меньше среднего¹⁵³. При этом нужно учесть, что крестьянам принадлежал не весь урожай, что часть зерна лежала в помещичьих амбарах и как обычно готовилась к отправке за границу. Весной, когда запасы подойдут к концу, миллионам крестьян угрожал голод и единственным выходом было «разобрать» хлеб, хранящийся в помещичьих экономиях.

П. Н. Першин подсчитал чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских полях во всех уездах Европейской России и отметил на карте те уезды, в которых сбор не превышал 12 пудов на душу. В зоне голода проживало 30 млн. человек, она охватывала Черноземье, Поволжье, Белоруссию, Литву и восточную часть Центрального района¹⁵⁴.

Резонансное действие трех факторов, хронического малоземелья, неурожая и ослабления государственной власти привело к тому, что крестьянство восстало. Как показывает П. С. Кабытов, именно осенью 1905 года в действиях крестьян исчезают свойственная им ранее робость и нерешительность¹⁵⁵. Поскольку действия карательных сил были парализованы железнодорожной забастовкой, то крестьяне стали хозяевами в сельской местности. Во времена прежних выступлений бунтовщики обычно ограничивались захватом зерна в помещичьих экономиях, теперь же они, забрав зерно, сжигали поместья. Из Тамбовской губернии сообщали в октябре 1905 года: «Горизонт весь в многочисленных заревах». 1 ноября тамбовский губернатор телеграфировал С. Ю. Витте: «Аграрное движение быстро разрастается, масса усадеб уничтожена, землевладельцы бегут...». Из Курской губернии генерал Ф. В. Дубасов докладывал царю: «...Свыше ста усадеб разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот»¹⁵⁶. «Народные бунты в деревнях усиливаются, — писала дочь саратовского губернатора П. А. Столыпина, — крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель... Проезжая по железной дороге

через Саратовскую губернию, можно было видеть из окон ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подоженными усадьбами»¹⁵⁷. На вопросы одного саратовского помещика, зачем они разоряют все дотла, крестьяне ответили: «Ежели мы оставим постройки в целости, то через 2–3 месяца ты сможешь вернуться и зажечь по-старому, ну, а если построек не будет, то раньше двух лет тебе здесь делать нечего...»¹⁵⁸

Восстание охватило в основном Черноземье и Поволжье. По данным МВД, в октябре – декабре 1905 года было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений ($\frac{1}{15}$ всего их числа), размеры убытков помещиков составили 29 млн. руб. В некоторых районах, например, в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы. Всего в Саратовской губернии за время революции было разрушено $\frac{2}{5}$ всех поместий, и потери помещиков оценивались в 9,6 млн. руб., в Самарской губернии ущерб составил 3,9 млн. руб., в Курской – 3,1 млн. руб., в Черниговской – 3 млн. руб., в Тамбовской губ. – 2,5 млн. руб.¹⁵⁹ Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что *восстание бушевало в малоземельных уездах, и почти не затронуло многоземельные районы*¹⁶⁰. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, – писал С. Н. Прокопович. – Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ниоткуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти „общим согласием“. Во многих местах разобраны или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ»¹⁶¹. Если выносился такой приговор, то крестьяне внимательно следили, чтобы в разгроме усадьбы участвовали все, даже женщины и дети¹⁶². Как отмечает Л. Т. Сенчакова, «общество» и «волость», общинный и волостной сходы, были готовыми формами организации крестьян, которые использовались ими в борьбе с помещиками. Однако выше уровня волости крестьянская организация практически не поднималась; случаи, когда крестьяне объединялись всем уездом, чтобы воевать против помещиков всего уезда, были редкими¹⁶³. Наиболее ярким примером такого рода может служить Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии, просуществовавшая с 31 октября 1905 года по 16 июля 1906 года.

Борьба носила в основном местный, локальный характер, каждая деревня воевала со своим помещиком, пытаясь заставить его заде-

шево распродать крестьянам свои земли и уйти. Разгромив усадьбу своего помещика, крестьяне обычно успокаивались и ждали, что будет дальше. При этом, несмотря на впечатляющие масштабы разрушений, восстание было отнюдь не всеобщим и не повсеместным. Для Воронежской губернии, например, подсчитано, что в восстании принимали участие жители 243 из 2509 сел и деревень, то есть им была охвачена только десятая часть населенных пунктов¹⁶⁴.

Крестьянское восстание было стихийным и неуправляемым, и собравшийся в ноябре съезд «Крестьянского союза» не пытался говорить от лица восставших. Однако выступления на этом съезде и его решения позволяют выяснить настроения крестьянства. Депутаты требовали свободы слова и собраний, но при этом они по-прежнему не выступали против царя, обвиняя во всем министров и чиновников. По мнению многих исследователей, крестьяне больше интересовались экономическими вопросами, чем политическими¹⁶⁵. Они имели свои цели, отличные от целей либералов или рабочих: они требовали раздела между крестьянами всех частных земель и ликвидации частной земельной собственности. Когда делегация рабочих во главе с социал-демократами потребовала предоставить ей право участия в дебатах, крестьяне ответили, что не нуждаются в учителях¹⁶⁶.

Как доказывает Т. Шанин, крестьянское восстание было выступлением, не зависимым от борьбы в городах, оно имело свои цели и причины¹⁶⁷. В городах происходила, по терминологии Т. фон Лауэ, «революция извне», — в деревнях началась крестьянская война. «Самая серьезная часть русской революции 1905 года, — писал С. Ю. Витте, — конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге „Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники“ — лозунге, осуществления которого начали добиваться силой»¹⁶⁸.

Однако крестьянская война 1905 года не походила на «пугачевщину». Как ни странно, восстание было почти бескровным, крестьяне громили помещичьи усадьбы, но не трогали помещиков и по мере возможности избегали столкновений с властями. Когда в деревню приходили войска, им не оказывали активного сопротивления — потому что безоружные крестьяне попросту не могли сопротивляться вооруженной силе. В действиях крестьян просматривалось желание не доводить борьбу до кровопролития. Это желание проявилось также в том, что съезд «Крестьянского союза» высказался против вооруженного восстания и не одобрил разгрома поместий, считая крайним средством борьбы сельскую забастовку и отказ от уплаты по-

дате¹⁶⁹. В действиях крестьян кое-где еще проглядывала вера в царя, но правительство применяло для подавления волнений самые жесткие меры, в некоторых случаях даже артиллерию. Министр внутренних дел П. Н. Дурново 31 октября 1905 года отдал приказ, в котором призывал карателей действовать «круто и сурово»¹⁷⁰.

Крестьянское восстание означало, что в революцию вовлекаются глубинные пласты общества, огромные массы сельского населения. Однако революционный процесс не остановился на этом — он продолжал расширяться, вовлекая в себя последний оплот самодержавия — армию. Армия состояла в основном из крестьян, поэтому массовые крестьянские волнения неминуемо передавались и в солдатскую среду. Первая бунтарская вспышка произошла еще в июне — это было восстание на броненосце «Потемкин». Во время всеобщей стачки отмечалось невиданное прежде явление — массовое участие солдат в митингах и демонстрациях. В конце октября и в ноябре имело место 5 вооруженных солдатских митингов, 6 вооруженных демонстраций и 7 вооруженных солдатских выступлений, сопровождавшихся борьбой с правительственными войсками. 26–27 октября произошло вооруженное восстание в Кронштадте; 12–17 ноября — в Севастополе; 2–3 декабря происходили волнения в московском гарнизоне¹⁷¹. Особенно взрывоопасным было положение на флоте. «Состояние флота становилось все хуже, — вспоминал военный министр А. Ф. Редигер, — и он являлся несомненной опасностью для страны. Государь это вполне сознавал и однажды по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте вполне спокойно сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну»¹⁷².

Таким образом, в ноябре 1905 года в деревне началась крестьянская война. В определенной степени эта война была инициирована подготовленной либералами октябрьской стачкой, большую роль сыграл неурожай в Черноземных областях, но главной, глубинной причиной было малоземелье, перенаселение и Сжатие — процессы, описываемые демографически-структурной теорией.

Крестьянское восстание вызвало огромную тревогу в правительственных сферах: становилось ясно, что революция распространяется на огромные крестьянские массы. Д. Ф. Трепов в срочном порядке представил царю проект наделения крестьян посредством принудительного отчуждения у помещиков половины земли. Д. Ф. Трепов настаивал, чтобы о новой «Великой реформе» возвестил сам царь и притом немедленно, однако Николай II отправил проект С. Ю. Вите, а тот полагая, что закон должна принять Дума, в ожидании ее созыва поручил доработку проекта главноуправляющему землеуст-

ройством и земледелием Н. Н. Кутлеру. В качестве немедленной меры было принято решение о сложении выкупных платежей. Это была существенная уступка властей, царь практически полностью (за исключением маленького поземельного налога) снимал с крестьян центральные прямые налоги; теперь крестьяне платили только местные, мирские и земские подати, и в целом прямое обложение крестьян уменьшилось более чем вдвое¹⁷³. Кроме того, было решено облегчить покупку помещичьей земли крестьянами с помощью ссуд Крестьянского банка.

Восстание крестьян и слухи о готовящейся реформе вызвали панику среди дворянства. 17 ноября 1905 года 277 крупнейших помещиков 33 губерний срочно съехались в Москву на совещание, на котором было объявлено о создании «Союза землевладельцев». «Союз» обвинил С. Ю. Витте в «недостойной политике, опирающейся на революционные силы» и потребовал немедленно «успокоить и водворить мир в сельских местностях», используя власть, «не ограниченную в средствах суда и расправы». Одновременно была организована придворная агитация против проекта Н. Н. Кутлера, а группа гвардейских офицеров (в традициях екатерининских времен) составила заговор с целью устранения С. Ю. Витте¹⁷⁴.

С. Ю. Витте действительно медлил с «судом и расправой» и не вводил военного положения. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, — вспоминал В. А. Маклаков. — Он бездействовал, давая революции разрастаться»¹⁷⁵. Премьер-министр пытался остановить революцию, заключив соглашение с либералами. В середине ноября состоялся очередной Земский съезд, оказавшийся последним. Либеральная «общественность» окончательно раскололась; правые либералы создали партию октябристов и заявили о поддержке правительства; левые либералы (кадеты) продолжали настаивать на прямом и равном избирательном праве, но намеревались вести дальнейшую борьбу парламентскими средствами. Кадеты уже не поддерживали демонстраций и забастовок и пугались мысли о возможности вооруженного восстания. Правда, не вошедшая в партию кадетов группировка либеральной интеллигенции из «Союза освобождения» вместе с «Союзом союзов» по-прежнему выступала за сотрудничество с социал-демократами и революционные методы борьбы¹⁷⁶.

Таким образом, издание манифеста 17 октября и крестьянское восстание вызвали перегруппировку политических сил. С одной стороны, начиналась реакция: на правом фланге происходила консолидация нелиберальной части дворянства и традиционалистских мо-

нархических группировок типа «Союза русского народа». С другой стороны, инициировавшая революцию оппозиционная элитная группировка раскололась на три части: октябристы помогали правительству остановить революцию, кадеты отошли от внепарламентской борьбы, и лишь левая интеллигенция продолжала борьбу в союзе с социал-демократами. В то же время вовлеченные либералами в борьбу рабочие пока ничего не получили от революции и были полны решимости добиваться Учредительного собрания, равных избирательных прав, но главным образом — 8-часового рабочего дня. Крестьяне, вовлеченные в борьбу либералами и рабочими, по-прежнему требовали земли.

Процесс отхода либералов от инициированной ими борьбы и перехода части из них в лагерь противника является достаточно типичным для «революций вестернизации» и хорошо изучен на примере революций 1848 года. «С момента появления баррикад в Париже все умеренные либералы... стали потенциальными консерваторами, — писал Э. Хобсбаум. — По мере того, как умеренное мнение более или менее быстро изменилось или вовсе исчезло, рабочие... остались одни или, что даже более фатально, столкнулись с союзом консервативных и бывших умеренных сил со старыми режимами: „партией порядка“, как называли это французы»¹⁷⁷. Таким образом, западники, добившись удовлетворения своих требований, прекратили активную борьбу. То течение русской революции, которое можно отождествить с «революцией вестернизации», на этом практически закончилось — продолжающаяся (и нарастающая) революция носит теперь чисто социальный характер. Перед лицом этой социальной революции часть западников объединилась с традиционалистами для борьбы против наступающих народных масс.

8.7. НАРОД ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ

Октябрьская стачка не дала рабочим того, что они требовали: 8-часовой рабочий день и увеличение заработной платы. Поэтому на петербургских фабриках началось движение за введение 8-часового дня явочным путем: проработав 8 часов, фабричные прекращали работу и шли «снимать» рабочих других предприятий. В ответ предприниматели по соглашению с правительством объявили грандиозный локаут: 72 петербургских завода прекратили работу; 100 тыс. рабочих остались без средств существования¹⁷⁸. Таким образом, новый кризис был неизбежен. До конца ноября в Петербурге существовало

своего рода «двоевластие» правительства и Петербургского совета, который опирался на советы в других городах и явочным порядком вводил на предприятиях 8-часовой рабочий день. 27 ноября Петербургский совет призвал всех граждан не платить налоги, изымать вклады из сберегательных касс и требовать расчета только золотой монетой. Среди вкладчиков началась паника; за месяц из касс было изъято 110 млн. руб., налоги почти не поступали, правительство снова находилось на грани банкротства — финансовый крах был отсрочен лишь займом в 100 млн. руб., предоставленным французскими банками в конце декабря¹⁷⁹. Этот заем был в известной степени отражением произошедшей перегруппировки политических сил: западные банкиры и политики вслед за русскими западниками стали оказывать поддержку новому правительству.

К началу декабря перегруппировка политических сил усилила позиции правительства, и оно перешло в наступление; 3 декабря Петербургский совет был арестован в полном составе. В Москве и в ряде других городов советы призвали к всеобщей забастовке, которая по замыслу социал-демократов должна была перейти в вооруженное восстание. Однако рабочие теперь боролись практически в одиночестве: либералы вышли из борьбы, лидер кадетов П. Н. Милюков осудил призыв к новой стачке как «преступление против революции». В стачке приняла участие лишь небольшая часть служащих, входивших в «Союз союзов» (всего лишь 30–40 учреждений). Количество бастовавших рабочих достигло 433 тыс., но в целом стачка имела намного меньшие масштабы, чем в октябре¹⁸⁰.

Однако распространение революционных настроений на армию, казалось, могло дать рабочим шанс на победу. В начале декабря в частях московского гарнизона происходили волнения, и когда 9 декабря началось восстание в Москве, у генерал-губернатора Ф. В. Дубасова было лишь 1350 верных солдат. Но и численность восставших была невелика — около 2 тыс. вооруженных дружинников (среди них 250–300 студентов). Союз железнодорожников (ВЖС) принял участие в забастовке, и движение было вновь парализовано, что затруднило действия правительственных войск. Однако через несколько дней военные сумели наладить работу Николаевской железной дороги, по которой из Петербурга в Москву был переброшен гвардейский Семеновский полк. С прибытием подкреплений правительственные войска перешли в наступление, и 17–18 декабря восстание было подавлено. Массовые аресты рабочих активистов нанесли удар по руководству всеобщей стачки, и вскоре она прекратилась. Затем были проведены массовые увольнения участников выступлений; весной

1906 года в Петербурге число безработных достигло 40 тыс., в Москве — 20 тыс., по всей России — около 300 тыс. человек; что составляло примерно пятую часть общей численности фабричных рабочих¹⁸¹.

В деревне в ноябре и в декабре продолжались массовые выступления, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений. Если в октябре, по данным С. М. Дубровского, было зафиксировано в общей сложности 219 выступлений, то в ноябре — 796, а декабре — 575¹⁸². В декабре по всей сельской местности свирепствовали карательные экспедиции; в Саратовской губернии (где размах волнений был наибольшим) было казнено по суду и без суда 379 участников выступлений, сотни людей были отправлены в ссылку¹⁸³. Министр внутренних дел П. Н. Дурново приказывал киевскому генерал-губернатору «немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища... аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно». Этим указаниям вполне соответствовало распоряжение тамбовского вице-губернатора полицейскому командованию: «меньше арестовывайте, больше стреляйте...». Генерал-губернаторы в Екатеринославской и Курской губерниях действовали еще решительнее, прибегая к артиллерийским обстрелам взбунтовавшегося населения. Первый из них разослал по волостям предупреждение: «Те села и деревни, жители которых позволят себе какие-либо насилия над частными экономиями и угодьями, будут обстреливаемы артиллерийским огнем, что вызовет разрушения домов и пожары». В Курской губернии также было разослано предупреждение, что в подобных случаях «все жилища такого общества и все его имущество будет... уничтожено»¹⁸⁴. В начале 1906 года восстания были в основном подавлены. В январе число выступлений упало до 179, а в феврале — до 27¹⁸⁵.

В подавлении восстаний большую роль сыграла пропаганда кадетов, которые уговаривали рабочих и крестьян перенести борьбу на легальную, парламентскую основу. В конечном счете, оставшись без союзников, рабочие и крестьяне потерпели поражение. Поддерживавшая их левая интеллигенция была деморализована; в учреждениях осуществлялись массовые увольнения «левых». Многие левые интеллигенты отошли от борьбы; часть ушла к кадетам, «Союз союзов» прекратил существование. Студенческое движение было парализовано закрытием университетов (они открылись только в сентябре 1906 года)¹⁸⁶.

Подводя итоги краткому описанию декабрьских событий, можно отметить, что события развивались по описанной Э. Хобсбаумом классической модели революций 1848 года: после отхода либералов

от революции она приняла чисто социальный характер; оставшись в одиночестве, рабочие восстали в защиту своих прав и потерпели поражение. Социальный конфликт развивался по линии, намеченной демографически-структурной теорией: «Сжатие в народе» привело в восстанию, как в городах, так и в деревнях. Политический кризис сопровождался финансовым, однако последний был нейтрализован внешними займами. Это в значительной степени помогло правительству сохранить управляемость административной машины и армии; армия в целом подчинялась приказам, и благодаря этому восстание было подавлено. Таким образом, революционный процесс остался незавершенным и не прошел всех фаз, описываемых демографически-структурной теорией.

8.8. СОЮЗ ЭЛИТЫ И ГОСУДАРСТВА

В период рабочего восстания дворянство окончательно осознало ту опасность, которую несет ему революция, и отшатнулось от либералов. С. Ю. Витте писал, что в начале революции «дворянство увидело, что придется делить пирог с буржуазией — с этим оно было согласно, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний... только в сентябре 1905 года проявился во всей своей стихийной силе... Вот когда дворянство и буржуазия увидели этого зверя, то они начали пятиться, то есть начал производиться процесс поправления...»¹⁸⁷

С конца 1905 года началось массовое изгнание либеральных дворян из земств. Либеральное земское дворянство, инициировавшее революцию вместе с интеллигенцией, так же, как и интеллигенция, выходит из революционного процесса. Раскол дворянства преодолевается, происходит его консолидация на платформе решительной борьбы за сохранение своей собственности и против этатистских проектов наделения крестьян за счет помещиков. В начале января 1906 года собравшийся в Москве съезд предводителей дворянства предложил альтернативную аграрную программу, включавшую переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения мало-земельных крестьян на окраины. Съезд обратился к царю с ходатайством об отклонении проекта Н. Н. Кутлера¹⁸⁸. Дворянство защищало свои имущественные интересы, апеллируя к (не признаваемому крестьянами) принципу неприкосновенности частной собственности

сти на землю. В противовес догме С. Ю. Витте и Н. Н. Кутлер взывали к реализму: «...слишком упорное отстаивание принципа частной собственности... может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего...», — говорилось в проекте¹⁸⁹. Николай II сделал выбор в пользу дворянства. 10 января царь собственноручно написал на докладе о проекте Н. Н. Кутлера: «Не одобряю. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»¹⁹⁰. *Этот символический акт означал, что монархия и дворянская элита объединяются на почве защиты помещичьего землевладения.*

Н. Н. Кутлер был уволен, однако дворянство видело в главноуправляющем земледелия лишь исполнителя указаний С. Ю. Витте и требовало смещения премьер-министра. «Правительство Витте явно идет против высочайшей воли императора, вновь подтвердившего святость и неприкосновенность частной собственности», — говорилось в докладе февральского съезда «Союза землевладельцев»¹⁹¹. Действительно, при обсуждении Основных законов С. Ю. Витте горячо возражал против запрещения Думе касаться вопроса о принудительном отчуждении помещичьих земель. Главным аргументом С. Ю. Витте была сохранявшаяся угроза крестьянских восстаний, и ему удалось отстоять пункт о возможности отчуждения, но позиции премьера в борьбе с дворянством постепенно слабели¹⁹².

Правительство С. Ю. Витте держалось в значительной степени благодаря той моральной поддержке, которую ему оказывал Запад и которая проявлялась на переговорах о предоставлении кредитов. Для окончательного преодоления финансового кризиса требовалось заключить большой заем, и во время переговоров французские политики снова выступали с «пожеланиями» в либеральном духе. 4 апреля в Париже было подписано соглашение о займе на 848 млн. руб.; это огромное финансовое вливание должно было обеспечить стабильность нового политического режима. Однако, как только заем был заключен, правительство С. Ю. Витте было отправлено в отставку¹⁹³.

Процесс консолидации дворянства был оформлен на съезде уполномоченных дворянских обществ, состоявшемся в Москве 21–28 мая 1906 года. Съезд осудил деятельность «самозванных земцев» и «неуполномоченных» предводителей дворянства, выдвигавших либеральные требования весной 1905 года. В избранном «объединенным дворянством» Совете уже не было либеральных деятелей, и в направленном царю адресе дворянство снова присягало на верность самодержавию. «Верховная самодержавная власть есть неизменное верование русского народа... — говорилось в адресе, — теперь более чем когда-либо

должна быть оберегаема от всяких на нее посягательств»¹⁹⁴. Дворянство призывало царя защитить помещичье землевладение и настаивало на тех принципах решения аграрного вопроса, которые были сформулированы январским съездом предводителей дворянства. Члены Совета объединенного дворянства должны были «обрабатывать» министров и, используя свое положение при дворе, добиваться принятия правительством дворянской программы¹⁹⁵. При этом важную роль играло то обстоятельство, что правительство и Госсовет по большей части состояли из дворян, то есть дворянская элита еще сохраняла определенные возможности контроля над властью через ее персональный состав.

Существенно, что консолидация дворянства проходила под традиционалистскими монархическими лозунгами. *Почувствовав опасность социальной революции, дворяне оставили свои вестернизаторские устремления и перешли в лагерь традиционализма.* «Патриоты»-дворяне создали «Русскую монархическую партию», насчитывавшую около 10 тыс. членов; другая патриотическая организация, «Русское собрание», включала до 2 тыс. человек, в том числе, представителей высшей знати¹⁹⁶. Традиционалистское движение, таким образом, принимало дворянский и охранительный характер, причем оно было призвано охранять не только самодержавие и православие, но и помещичье землевладение.

«Успокоение» масс было достигнуто в значительной мере за счет обещания созыва Думы, которая должна была рассмотреть требования всех недовольных. Закон о выборах в Думу был издан в разгар восстания, 11 декабря; он устанавливал, что крестьяне (как и в законе от 6 августа) составят 43 % выборщиков, землевладельцы — 32 %, горожане — 22 % и рабочие — 3 %. Социал-демократы и эсеры в запале борьбы призывали бойкотировать выборы, и кадеты остались единственными представителями левой оппозиции. На выборах они обещали крестьянам — землю, рабочим — сокращение рабочего дня, и народные массы приняли активное участие в голосовании¹⁹⁷.

Открытие заседаний Думы состоялось 27 апреля. «Торжественно отпраздновала деревня день открытия Государственной Думы, — писал современник, — молебствия в церквях, красный колокольный звон, процессии с красными знаменами — символ победы»¹⁹⁸. Решимость добиться своих требований через Думу была велика, крестьяне говорили своим посланникам: «Иди и умри там со славой, иначе умрешь здесь со стыдом»¹⁹⁹. На выборах кадеты получили 35 % мест в Думе, депутаты крестьян, впоследствии составившие группу «трудовиков», — свыше 20 % мест²⁰⁰. В то же время выборы продемонстри-

ровали слабость традиционалистских партий: они ничего не обещали народу и не получили думских мест.

Главным вопросом, обсуждавшимся в Думе, сразу же стал аграрный вопрос: кадеты предлагали частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп, «трудовики» допускали возможность полного отчуждения без выкупа²⁰¹. Правительство отвергало всякое принудительное отчуждение и игнорировало работу Думы. Конфликт между правительством и Думой протекал на фоне усилившихся крестьянских волнений: в апреле было зафиксировано 47 крестьянских выступлений, в мае — 160, в июне — 739. Крестьянские волнения отражались также и волнениями в солдатской среде: в апреле было 4 солдатских выступления, в мае — 24, в июне — 84²⁰².

В ходе думских прений быстро выяснилось, что крестьянские депутаты, «трудовики», находятся в меньшинстве, и максимум того, что может дать Дума, — это частичный выкуп помещичьих земель. Кроме того, пришло время сева и перед крестьянами встал вопрос — батрачить на помещика, как прежде, или продолжать начатое осенью восстание. Эти факторы и воздействие «думской агитации» привели к тому, что крестьяне снова поднялись против помещиков. Однако движение по-прежнему носило местный характер, каждая деревня вела свою «войну» с местным помещиком. Разгромов помещичьих усадеб теперь было относительно немного, основным методом борьбы стали сельскохозяйственные забастовки: крестьяне отказывались батрачить на помещика и не допускали до работы пришлых поденщиков²⁰³.

В 1906 году крестьяне боролись практически в одиночестве. Либералы и интеллигенция отошли от внепарламентской борьбы; рабочие были запуганы массовыми увольнениями и неохотно поднимались на забастовки²⁰⁴. Правда, в апреле — мае количество стачечников несколько возросло, но эти цифры были получены за счет однодневных первомайских стачек, и к тому же наибольшая активность забастовщиков отмечалась в Польше. Петербург и Москва участвовали в стачках гораздо менее активно; как пишет С. В. Тютюкин, «передовые отряды российского пролетариата, и прежде всего рабочие крупнейших заводов, нередко воздерживались от отдельных частных выступлений, экономя силы для решающего натиска»²⁰⁵. В. И. Ленин ожидал, что пик крестьянского восстания будет достигнут летом 1906 года и советовал отложить до этого времени вооруженное восстание в городах. При этом крестьянское восстание (как доказывает Т. Шанин) развивалось независимо от борьбы рабочих или агитации партий²⁰⁶. Таким образом, положение изменилось кардиналь-

ным образом: если в октябре 1905 года крестьяне шли за рабочими, то теперь рабочие собирались идти за крестьянами. Но только собирались: из планировавшегося выступления ничего не получилось.

Правительство было до крайности обеспокоено как требованиями Думы, так и подкреплявшим их крестьянским движением. В июне 1906 года этакатистские круги предприняли еще одну попытку прийти к соглашению с оппозицией. Генерал Д. Ф. Трепов встретился с П. Н. Милюковым и предложил ему участвовать в составлении «министерства доверия»; при этом Д. Ф. Трепов выразил согласие как с требованием всеобщих и равных выборов, так и с требованием частичного отчуждения помещичьей земли. Однако (как показывает Р. Мэннинг), решающую роль сыграло вмешательство Совета объединенного дворянства, рекомендовавшего министру внутренних дел П. А. Столыпину распустить Думу. Консолидация дворянства привела к тому, что оно постепенно подчинило себе правительство. 9 июля Первая Государственная дума была распущена. В манифесте о роспуске Думы говорилось, что действия депутатов «смутили» крестьян, которые перешли в ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества и к неповиновению властям²⁰⁷.

П. А. Столыпин ожидал, что роспуск Думы вызовет «общие беспорядки» и подготовил войска, но масштабы беспорядков оказались намного меньше ожидаемых. Собравшись в Выборге, депутаты разогнанной Думы обратились к населению с призывом о гражданском неповиновении; они призывали не платить налоги и не давать рекрутов. По мнению самих кадетов, это обращение было «жалким минимумом действий»; оно было равнозначно отказу либеральной интеллигенции от борьбы. Социал-демократы и эсеры призывали к всеобщей забастовке; она началась 24 июля, но не приняла всеобщего характера, проходила вяло и закончилась через несколько дней. Многие большие заводы отказались примкнуть к стачечникам — это говорило о том, что рабочий класс тоже выходит из борьбы. Крестьяне еще продолжали борьбу, но крестьянское движение оставалось раздробленным и неорганизованным, и разгон Думы не оказал существенного влияния на местную «войну», которую крестьяне вели со своими помещиками²⁰⁸.

Убедившись в слабости оппозиции, новый премьер-министр П. А. Столыпин перешел в решительное наступление. 1 августа 1906 года были введены военно-полевые суды, которые в течение следующих нескольких месяцев послали на казнь более 1 тыс. «зачинщиков беспорядков». Крестьянскому движению был нанесен тяжелый удар, число выступлений сократилось с 682 в июле до 117 в ок-

тябре. Правда, восстания не были подавлены до конца, и к лету 1907 года число выступлений снова поднялось, в июне оно достигло 216. Новый всплеск крестьянских волнений был связан с неурожаем 1906 года, который принял масштабы, даже большие, чем в 1905 году. В 1906/07 хозяйственном году потребление хлеба в среднем по стране составило только 15,4 пуда — то есть было ниже, чем в голодном 1901/02 году. По подсчетам П. Н. Першина, в зоне голода оказалось 235 уездов с населением 44 млн. человек, на 14 млн. больше, чем год назад. Однако реакция крестьян на голод в этот раз была более слабой — сказались усталость от борьбы, усиление правительства и отсутствие союзников. К зиме 1907 года крестьянское движение было окончательно подавлено; в декабре имело место лишь 12 выступлений — революция закончилась²⁰⁹.

Используя постепенное затухание волнений, Совет объединенного дворянства поставил вопрос об изменении нормы представительства в Думе с тем, чтобы обеспечить дворянское большинство. Эти требования были подкреплены II съездом уполномоченных дворянских обществ в ноябре 1906 года, однако правительство не решилось сразу же пойти по этому пути. Выборы во Вторую думу в начале 1907 года привели к новому поражению правительственных партий; крестьяне отвечали на репрессии тем, что голосовали за левых, и при выборах депутатов лояльные правительству выборщики от дворян оставались в меньшинстве. В итоге социал-демократы, эсеры, народные социалисты и «трудовики» получили 43% мест — и если принять во внимание неравноправную избирательную систему, то становится очевидно, что абсолютное большинство избирателей проголосовало за социалистов и примыкавшим к ним «трудовиков».

Открывшаяся 20 февраля Вторая дума, как и Первая, сразу же вошла в конфронтацию с правительством по вопросу об аграрной реформе. Хотя кадеты, следуя тактике «бережения Думы», стремились смягчить это противостояние, правительство не желало пойти навстречу. Полиция устроила провокацию, якобы обнаружив в помещении Думы листовки, призывавшие к восстанию, — и 3 июня 1907 года Дума была распущена; 30 социал-демократических депутатов были сосланы в Сибирь. Одновременно с роспуском Думы царским манифестом — в нарушение Основных законов — было объявлено об изменении порядка выборов. По новому закону помещики должны были составить половину общего числа выборщиков — таким образом, новая Дума отдавалась во власть дворянства²¹⁰.

Помимо общности основных тенденций, сходство русской революции с революциями 1848 года (в частности, с прусской револю-

цией) определялось и прямым заимствованием исторического опыта. Как отмечалось выше, тактические приемы русских революционеров зачастую были заимствованы у их предшественников. Однако консерваторы тоже заимствовали свои приемы у Запада: премьер-министр П. А. Столыпин попросту подражал тактике Отто фон Мантейфеля: он писал, что следует примеру прусского двора, который семь раз распускал парламент, пока не добился нужного результата²¹¹. Русская конституция 1906 года содержала статью (87-ю), аналогичную 105-й статье прусской конституции 1848 года, которая позволяла правительству после роспуска собрания принимать нужные законы в «чрезвычайном порядке». Порядок выборов был таким же, как в Пруссии: избиратели по состоятельности или сословным признакам делились на классы («курии»), которые отдельно избирали установленное число выборщиков, затем выборщики объединялись и избирали депутатов. Этот порядок позволял, манипулируя численностью выборщиков, подбирать состав собрания, что и делал О. Мантейфель, а затем — П. А. Столыпин. В конечном счете, два раза разогнав Думу, П. А. Столыпин изменил по 87 статье избирательный закон так, чтобы получить необходимое правительственное большинство. Характерно, что на разгон Думы русские парламентарии реагировали так же, как и прусские: они ограничились тем, что призывали население к «пассивному сопротивлению»: отказу от уплаты налогов и поставки рекрутов.

Таким образом, русская революция закончилась так же, как и прусская: монархия превратилась из неограниченной в конституционную, и царь должен был поделиться властью с олигархией крупных собственников. Однако уступки были сравнительно невелики: роль парламента была сведена к минимуму путем ограничения его законодательных функций и манипулирования выборами.

Подводя итоги заключительного периода революции, можно отметить, что к этому времени *почти полностью исчезает противостояние между западниками и традиционалистами*, существовавшее на первом этапе революции. Обе противостоящие группировки разрушаются, основная часть дворянства переходит из лагеря западников в лагерь традиционалистов, а большинство крестьянских депутатов поддерживает в Думе западников. Конфронтация происходит теперь по основному социальному вопросу — вопросу о земле; обусловленное действием демографического фактора «Сжатие в народных массах» выходит на первый план, оттесняя все прочие социально-экономические и политические проблемы. Перед лицом этой угрозы дворянство уже не замечает «Сжатия в элите» и присоединя-

ется к монархии в целях поддержания статус-кво. Прозападная интеллигенция выходит из борьбы, лагерь западников разрушается, и в результате они теряют большую часть своих конституционных завоеваний.

Помимо выделения главных «значащих» факторов революции, необходимо кратко остановиться и на тех факторах, которые оказались «незначущими». Общеизвестно, что крупная буржуазия не сыграла особой политической роли в происходивших событиях. В качестве причины политической инертности промышленников и торговцев обычно указывают то обстоятельство, что они были в общем довольны тем покровительством, которое оказывало им царское правительство. Только на заключительном этапе революции представители капитала попытались было создать свою партию, но эти попытки имели своим результатом лишь организацию «Совета съездов представителей промыслов и торговли», который подчеркнуто отмежевался от политических выступлений. Правда, капиталисты были отчасти представлены в «Союзе 17 октября», но главную роль в этой партии играли крупные землевладельцы²¹².

Мелкая торгово-промышленная буржуазия также не сказала своего самостоятельного слова в революции. Хотя этот социальный слой был достаточно многочисленным, он оказался расколот на части. Одна часть его пошла за интеллигенцией в партию кадетов; по имеющейся статистике в составе Калужской, Симбирской и Смоленской губернских организаций этой партии мелкие буржуа (торговцы, мещане, приказчики, ремесленники, домовладельцы) составляли 32%, интеллигенты — 31%, чиновники — 18%, землевладельцы — 10%, крестьяне и рабочие — 8%. Таким образом, кадетскую партию можно назвать интеллигентски-мелкобуржуазной, но главную роль в ней играла все же либеральная интеллигенция. Другая часть мелкой буржуазии пошла за «черносотенцами», но традиционалистские силы оказались слабыми, и, за исключением событий октября 1905 года, ничем себя не проявили. Наконец, третья и, возможно, наибольшая часть мелких буржуа осталась пассивной²¹³.

8.9. ИТОГИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С точки зрения демографически-структурной теории революция 1905–1907 годов была началом *экосоциального кризиса*. В этот период появляются такие признаки кризиса, как *восстания, социальные реформы, попытки перераспределения собственности*, чрезвычайно важное

значение имел также *голод*, который появился не впервые, но впервые сыграл революционизирующую роль. И хотя некоторых важных признаков классического экосоциального кризиса в 1905–1907 годах еще не наблюдается, это объясняется тем, что первая революция была лишь началом кризиса, и основные события были еще впереди.

Подводя итоги нашему краткому описанию событий революции, попытаемся схематически (и максимально упрощенно) отобразить взаимодействие различных факторов, влиявших на динамику политических событий. Основными дестабилизирующими факторами, как отмечалось выше, были: аграрное перенаселение и низкий уровень жизни («Сжатие в народных массах»), разорение дворянства («Сжатие в элите») и вестернизация. Факторами, поддерживавшими стабильность системы, были сила традиции, авторитет самодержавной власти, сила полицейского аппарата и армии.

В течение сорока лет после Великой реформы действие дестабилизирующих факторов постепенно усиливалось, и политическое равновесие становилось все менее устойчивым. Толчком, нарушившим равновесие, стал внешний фактор — поражение в войне, которое нанесло сильный удар по авторитету самодержавия. *В соответствии с демографически-структурной теорией революция началась с раскола элиты: часть дворянства, недовольная этатистской политикой правительства, вступила в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим знаменем либеральный лозунг ограничения самодержавия.* «Вначале это была идиллия либеральных предводителей дворянства... — отмечал П. Н. Милюков, — они хотели представительства „имущественных классов“»²¹⁴. Прозападный либеральный блок («Союз освобождения») подчинил своему влиянию студенчество (также исповедующее западные идеи), однако силы блока были недостаточны, и либералы предприняли попытки спровоцировать выступления рабочих. После расстрела 9 января начались рабочие стачки и первые волнения в деревне, и, чтобы привлечь на свою сторону массы, «Союз освобождения» пообещал рабочим 8-часовой рабочий день, а крестьянам — выкуп части помещичьих земель. В события вмешался поддерживавший либералов Запад, и совокупное действие всех факторов заставило царя обещать создание выборного представительства (18 февраля). Волнения стали стихать, и, воспользовавшись этим, царь попытался аннулировать уступки и лишить обещанную Думу реальных полномочий. В ответ либеральный блок снова активизировал свои усилия, через посредство студентов попытался подтолкнуть к протестам рабочих, а главное — с помощью железнодорожных служащих организовал забастовку на железных дорогах. Железнодоро-

рожная забастовка инициировала всеобщую стачку, и царь был вынужден согласиться на наделение Думы законодательными полномочиями (манифест 17 октября).

Таким образом, до 17 октября революционный процесс имел смешанный характер: с одной стороны, это была «революция вестернизации», поддерживаемая интеллигенцией, с другой стороны, находящая объяснение в рамках демографически-структурной теории «дворянская фронда» и так же объясняемые этой теорией социальные выступления низов. После 17 октября многие либералы сочли, что цель достигнута, и отошли от борьбы; остальные (кадеты) решили продолжать оппозиционные действия в рамках Думы и также отказались от активных действий. Между тем неурожай и беспорядки в городах инициировали вступление в борьбу огромных крестьянских масс; таким образом, стало проявляться действие самого мощного фактора, аграрного перенаселения. «Революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, давно вызревающим внутри традиционного общества и находящим объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Перестройка политических сил привела к распаду лагеря вестернизаторов. Основная часть дворянства, напуганная крестьянским восстанием, перешла в лагерь традиционалистов и сплотилась вокруг престола, а либеральная фракция дворянства сошла с политической арены. Раскол дворянской элиты был ликвидирован, и объединенное дворянство обратилось против бунтующих низших сословий. Этатисты в правительстве попытались было маневрировать между крестьянством и дворянством, но дворянство добилось их изгнания и подчинило себе правительство.

Между тем рабочие, требовавшие 8-часового рабочего дня и ничего не получившие, поднялись на восстание, а в деревне продолжались погромы дворянских поместий. Решающим обстоятельством в судьбе революции стало то, что, хотя волнения стали распространяться и на армию, в целом она все же подчинялась правительству. «Гвардия в 1905–1906 годах спасла положение, без нее переворот 1917 года мог произойти уже тогда», — писал военный министр А. Ф. Редигер²¹⁵. Правительству удалось избежать как финансового краха, так и потери управления — тех роковых процессов, которые, согласно демографически-структурной теории, определяют брейкдаун, разрушение государства. Революция 1905 года оказалась незавершенной; восстания в городе и деревне были подавлены. После арестов активистов и массовых увольнений рабочие вышли из борьбы; крестьянство еще раз поднялось на борьбу летом 1906 года, но в конечном счете потерпело поражение.

Таким образом, революцию инициировали недовольные фракции элиты, они втянули в борьбу массы, а когда достигли своей цели, вышли из борьбы; в итоге элита консолидировалась и подавила выступления масс. Как отмечалось выше, такая схема была характерна и для европейских «революций вестернизации», однако в русской революции была важная особенность, а именно — то, что революция в городах сопровождалась восстанием крестьян, которые выступали под собственными лозунгами. Эта особенность отражала большой масштаб аграрного перенаселения и Сжатия, преобладание экономических процессов традиционного общества над процессами индустриализации.

Согласно теории, Сжатие должно побуждать правительство проводить реформы, направленные на облегчение положения народа, тем более во время революции, когда народ требует этих реформ. Ответом правительства на эти требования стала отмена выкупных платежей и облегчение условий кредита. Одно время обсуждался вопрос о новой Великой реформе, которая должна была отдать крестьянам большую часть помещичьих земель. Проведение такой реформы означало бы торжество этатистской политики и, возможно, предотвратило бы революцию 1917 года. Однако консолидировавшееся дворянство сумело подчинить своему влиянию Николая II и разгромить этатистскую партию в правительстве. В результате, как отмечает П. Гатрелл, крестьянство убедилось в том, что государство поддерживает принцип «святости» крупного землевладения. *Таким образом, массовый протест против крупного землевладения неизбежно переходил в протест против государства, то есть против царской власти*²¹⁶. Как и предупреждал Николая II выдающийся философ Е. Н. Трубецкой, «недальновидность власти превратила в России вопрос аграрный в вопрос о форме правления»²¹⁷. Традиционалистская иллюзия о «царе-батюшке» была окончательно развеяна, и в дальнейшем властям предстояло иметь дело не с выступлениями, направленными против помещиков, а с восстаниями против самодержавия. Это обстоятельство означало также и кризис традиционализма, который постепенно терял свою роль опоры существующей общественной системы.

Представляют интерес те выводы из революции, которые сделало правительство. Прежде всего, нужно отметить, что правящая бюрократия прекрасно сознавала различие между целями политической революции «modern» и «гораздо более серьезными» социальными целями народа — то различие, о котором писал П. Б. Струве. «Смута политическая, революционная агитация... начали пускать

корни в народе, питаюсь смутой гораздо более серьезною, смуту социальною, развившейся в нашем крестьянстве», — говорил П. А. Столыпин в Госсовете 15 марта 1910 года²¹⁸. П. Н. Дурново, министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте, в написанной позже (в феврале 1914 года) «Записке» подчеркивал, что *социалистические* устремления масс довлеют над *политическими* целями либерального «общества». «...Народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905–1906 годов»²¹⁹.

Характерно, что в этих условиях П. Н. Дурново предлагает не идти на уступки корыстным интересам либеральной оппозиции и ставит перед правительством этак статистские цели: «Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия... Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения»²²⁰. Однако, несмотря на заявления такого рода, с точки зрения крестьянства, правительство не выступало в роли «беспристрастного регулятора социальных отношений», так как отказывалось передать землю народу.

Либеральная оппозиция также сделала из революции свои выводы, в значительной степени совпадающие с выводами правительства. В этом смысле очень показательны статьи из сборника «Вехи», в котором его авторы — и в их числе ведущие деятели оппозиции — признавали опасность для интеллигенции политики вовлечения в революцию

народных масс, провоцирования их на социальную борьбу. П. Б. Струве писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации настрадавшихся народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль *ловко инсценированная провокация*... но не в этом суть дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали* (выделено П. Б. Струве — С. Н.). Делали революцию, в то время когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»²²¹. *Испугавшись спонтанного взрыва крестьянской войны, вестернизованные либералы отныне отказывались от союза с народом и «делания революции»*, они провозглашали своей задачей «политическое воспитание» — то есть политическую пропаганду в верхах. Испуг был столь силен, что М. О. Гершензон, писал о том, что «нужно благословлять власть, которая своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ненависти народной»²²². Очевидно, этим испугом и объясняется принципиальное нежелание либеральной оппозиции вступать в союз с массами в ходе следующего революционного кризиса в 1917 году.

Определенные выводы сделали и социал-демократы. Л. Д. Троцкий написал в тюрьме книгу «Итоги и перспективы русской революции», в которой утверждал, что в силу проявившейся слабости русской буржуазии главную роль в будущей революции будет играть рабочий класс. Но необходимым для победы условием является поддержка крестьянства, а для того, чтобы получить ее, нужно санкционировать раздел крестьянами помещичьих земель. Эта идея была совершенно необычной для большевиков, которые желали (после национализации) сохранить крупные и эффективные хозяйства, — поэтому В. И. Ленин в то время не поддержал эту программу; он принял ее лишь в апреле 1917 года²²³.

8.10. АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Анализ социально-экономического развития в 1908–1914 годах тесно связан с проблемой объективных причин революции 1917 года и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно традиционной точке зрения, была эта революция. Однако несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. «Из-за утраты веры в закономер-

ность исторических событий... — отмечает известный американский историк Леопольд Хаймсон, — в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 году»²²⁴.

Далее в этой главе мы попытаемся кратко проанализировать имеющиеся данные о результатах столыпинских реформ в контексте продолжающегося процесса демографического Сжатия. Одним из наиболее важных моментов в динамике социально-экономического развития были изменения в уровне жизни крестьянства. Крестьянские восстания были подавлены, но необходимо признать, что в конечном счете крестьянство добилось некоторого облегчения своего положения. Наиболее важной правительственной уступкой была отмена выкупных платежей. В конце XIX века крестьяне платили с десятины в среднем 72 коп. выкупных платежей, 5 коп. поземельного налога и 58 коп. земских и мирских сборов²²⁵. Отмена выкупных платежей на практике означала почти полное снятие с крестьян государственных прямых налогов, более 9/10 крестьянских податей теперь шли органам местного самоуправления, земствам и «миру». Если в 1901 году в среднем по России крестьяне платили всех (государственных, земских и мирских) прямых налогов в пересчете на хлеб 3,5 пуда с души, то в 1912 году — 1,7 пуда с души²²⁶.

По данным бюджетных обследований в Воронежской и Калужской губерниях, подати всех видов отнимали 8–10 % чистого крестьянского дохода; стало быть, снятие платежей составляло в среднем около 5 % дохода. Однако бывшие помещичьи крестьяне Черноземья платили не 72 коп., а 1 руб. 80 коп. с десятины²²⁷, и для этой категории крестьян отмена выкупа означала прибавку 10–15 % дохода. Как отмечалось выше, неспособность крестьян платить выкупные платежи была одним из главных признаков «оскудения» Центра; теперь государство почти не требовало с крестьян денег, если не принимать во внимание косвенные налоги. *Это был весьма показательный результат Сжатия, которое, согласно теории, делает крайне затруднительной уплату прямых налогов.*

Для прекращения крестьянских восстаний большое значение имело то обстоятельство, что в манифесте о закрытии Первой думы царь

обещал предпринять реформы, направленные к расширению крестьянского землевладения. Правительство противопоставило крестьянской программе «черного передела» свою программу реформ, которую обычно связывают с именем П. А. Столыпина²²⁸. «Столыпинская аграрная программа настолько совпадала с аграрной программой Совета объединенного дворянства, — писал А. Я. Аврех, — что все тогдашние наблюдатели, от кадетов до большевиков, прежде всего подчеркивали это родство»²²⁹. Как отмечалось выше, программа I съезда уполномоченных дворянских обществ (май 1906 года) содержала три основных пункта: переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины; эти пункты стали основными положениями правительственной программы²³⁰.

Нужно отметить, что современные исследователи придерживаются различных точек зрения на связь П. А. Столыпина и Совета объединенного дворянства. Но даже те из них, кто отрицает прямое влияние Совета на премьер-министра, признают идейное совпадение позиций. Так, А. П. Бородин цитирует одного из лидеров Объединенного дворянства князя Б. Н. Щербатова, который находил «поразительное сходство между нашими тогдашними пожеланиями и проектами правительства»²³¹. Однако при совпадении идейной позиции жесткость деклараций П. А. Столыпина вызывала критику даже в среде Объединенного дворянства. Так, выступая в Думе в декабре 1908 года, П. А. Столыпин говорил, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»²³². Один из лидеров Объединенного дворянства, В. И. Гурко, счел необходимым публично поправить премьер-министра, заявив, что «мимо этих „слабых и пьяных“ мы пройти не можем; мы должны иметь в виду, что слабость их и пьянство не от них самих зависит...»²³³

С идейной стороны правительственная программа опиралась на общепринятые положения либеральной политической экономии. Либеральные экономисты уже давно доказывали, что земельные переделы, принудительный севооборот и чересполосица в крестьянских общинах являются факторами, негативно влияющими на продуктивность земель. После реформ 1860-х годов количество переделов уменьшилось, и по правительственным данным, относящимся к 28 губерниям, переделы проводились примерно в половине всех общин²³⁴. Считалось, что архаические черты общины служили главной причиной того, что средний урожай на частновладельческих

землях в 1891–1900 годах был на 21% выше, чем на наделных. Теоретически ликвидация общины могла повысить урожайность и смягчить проблему аграрного перенаселения, однако П. Гатрелл полагает, что аргументация противников общины не столь очевидна, а Л. Волин отмечает, что более высокие урожаи на частных землях отчасти объяснялись их лучшим качеством²³⁵. Как бы то ни было, требование создания из крестьянских полос компактных наделов, передачи их в частную собственность и разрушения общины было одним из традиционных требований русских либералов, начиная с выступления тверского дворянства в 1862 году. При этом имелось в виду, что бедные крестьяне, получив землю в частную собственность, будут вынуждены вскоре продать ее крепким хозяевам, у которых найдутся средства, чтобы повысить урожайность посредством применения современной агротехники. Что же касается разорившихся крестьян, то их наплыв в города еще более удешевит рабочую силу и создаст выгодные условия для развития промышленности, для постепенной индустриализации страны²³⁶.

Другой аргумент правительства имел демографический характер. П. А. Столыпин указывал, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод. В этом положении, утверждал П. А. Столыпин, есть только два выхода: освоение новых земель и переход части населения в другие отрасли труда²³⁷. В этой аргументации П. А. Столыпин следовал за некоторыми известными экономистами, в частности, за А. А. Чупровым и Б. Бруцкусом, которые, кроме того, доказывали, что именно существование земельных пределов является причиной аномально высокого естественного прироста и, следовательно, разрушение общины есть средство в борьбе с аграрным перенаселением²³⁸.

Стремление правительства и дворянства к разрушению общины было вызвано также и тем, что общинные порядки формировали отрицательное отношение крестьян к помещичьей частной собственности. При обсуждении столыпинского проекта в Совете министров 10 октября 1906 года подчеркивалось, что отсутствие в сознании общинного крестьянства «правильного взгляда на частную собственность» в значительной мере обуславливает «происходящие в последнее время почти повсеместно... разгромы частновладельческих имений»²³⁹. С другой стороны, община представляла собой готовую организацию, которую широко использовали восставшие. «В мае 1906 года собрался I съезд уполномоченных дворянских обществ, —

отмечает П. Н. Зырянов. — Чуть ли не в один голос дворяне потребовали ликвидации общины, которая сильно насолила им за два года революции»²⁴⁰. Столыпинское правительство, писал С. Ю. Витте в воспоминаниях, «принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских — по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев... чтобы больше не было дворянских погромов. Как это сделать? Очень просто — крестьяне-собственники будут защищать помещичью собственность»²⁴¹. По-видимому, это и было основной причиной, по которой ранее консервативное большинство дворянства внезапно склонилось к поддержке чуждой ему либеральной доктрины. Этот переход был настолько неожиданным, что глава русских либералов (и известный историк) П. Н. Милюков был вынужден упрекнуть П. А. Столыпина в забвении того факта, что русская действительность стоит ближе к коллективистской традиции, чем к правительственным мечтам о европеизации земледелия²⁴². «Ясно, что составители указа 9 ноября очень мало думали о хозяйственной стороне дела, — подчеркивал известный экономист и один из кадетских лидеров А. А. Кауфман, — и что главное их внимание было направлено на чисто политическую задачу... Общинному духу стали приписывать возникновение аграрных волнений и беспорядков. И вот община из друга сделалась врагом самодержавного правительства» (выделено А. А. Кауфманом — *С. Н.*)²⁴³. Кадеты так же, как и некоторые представители дворянства и этактического чиновничества, высказывали опасения, что быстрое разрушение общины вызовет массовое разорение малоземельных крестьян и аграрные волнения²⁴⁴.

Царский указ, изданный 9 ноября 1906 года, в промежуток между разгоном Первой и созывом Второй думы, предоставлял каждому владельцу общинного надела право выйти из общины, потребовав укрепления надела в личную собственность с выделением земли «к одному месту», на «отруба» или хутора. «В широкие крестьянские массы, — писал наблюдавший за ходом реформы немецкий профессор Ауаген, — вгоняется клин путем создания сословия крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»²⁴⁵. Э. Кингстон-Мэнн называет эту политику политикой «репрессивной модернизации», утверждая, что русские «модернизаторы» в своем преклонении перед частной собственностью были «сбиты с пути истинного» и не понимали положительной роли общинных традиций²⁴⁶.

Вторая дума (в значительной степени голосами крестьянских депутатов) отвергла указ о реформе; она была распущена, и в конце концов указ был утвержден Третьей думой, в которой преобладали дворянские депутаты. Другой закон от 29 мая 1911 года позволял общинам проводить землеустройство с компактным выделением земли и одновременным укреплением ее в личную собственность; при этом община могла сохраняться.

В целом за 1906–1915 годы в 45 губерниях Европейской России, в которых проходила реформа, из общины вышло 26,6% дворов, которые имели 16,3% земли. Наделы выходявших крестьян были меньше средних потому, что укреплялась только пахотная земля, а угодья оставались в общине. Кроме того, из общины часто выходили бедняки, собиравшиеся продавать надел, или отходники, уже давно не обрабатывавшие самостоятельно свою землю. В ходе реформы перешло к отрубному и хуторскому землепользованию 10,3% хозяйств, имевших 10% всей земли²⁴⁷.

По семи губерниям Черноземного района вышло из общины 26,5% дворов, которые имели 15,6% общинной земли, но на отруба и хутора выделилось только 8,8% хозяйств; примерно четверть укрепленных в собственность земель была сразу же продана²⁴⁸. Таким образом, одним из результатов реформы было появление массы разоренных крестьян, продающих землю и уходящих в города — российское Сжатие приобрело классические очертания.

Степень разрушения общины в различных губерниях сильно различалась, так, например, в Курской губернии из общины вышло 42% дворов, в Орловской — 38%, а в Тамбовской — только 22%. Средние размер выделившегося двора по Тамбовской губернии составлял 4,1 дес., в то время как средний размер общинных хозяйств — 7 дес. Средний размер хуторов и отрубов равнялся 6,4 дес., тогда как рассчитанный экономистами прожиточный минимум для такого рода хозяйств составлял 10,5 дес. В Землянском уезде Воронежской губернии почти половина отрубных дворов не имела лошадей. Как отмечают многие исследователи, зажиточные крестьяне предпочитали оставаться в общине — таким образом, ставка П. А. Столыпина на «сильных и крепких» хозяев не вполне оправдалась²⁴⁹.

Реформа П. А. Столыпина противопоставляла социалистической программе передела земли *вестернизационную* программу агротехнической модернизации по европейскому, и в частности, по немецкому образцу²⁵⁰. Это можно назвать прусским путем развития капитализма: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого регулирования было произведено укрупнение креп-

Табл. 8.1. Динамика выхода из общины, землеустройства и переселения на окраинные земли (за вычетом вернувшихся обратно)²⁵¹.

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Число дворов, вышедших из общины (тыс.)	48	508	579	342	146	122	135	98	30
Число землеустроенных дворов (тыс.)	12	60	205	262	319	248	387	472	
в т. ч. единоличных дворов (тыс.)	8	42	119	152	207	123	193	204	
Число переселенцев (тыс.)	400	620	537	201	73	144	196	214	16

ких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков²⁵². Чересполосица, крупные размеры поселений, удаленность полей, принудительный севооборот в общинах (а в России также и переделы) препятствовали применению удобрений и переходу на улучшенные схемы многопольного севооборота. После «регуляции» в Пруссии появились относительно крупные и компактные хозяйства «гроссбауэров». Известный агроном Вильям Лебе так описывает значение проведенной реформы: «Результаты операции и раздела земель были: переход от трехполья к улучшенной многопольной системе и к плодосмену, введение и всеобщее распространение травосеяния, вообще усиление возделывания кормовых растений, осушение полей, увеличение количества навоза, улучшение скотоводства, повышение производительности хозяйства. Много дворов выселилось на вновь отмежеванные участки, чем достигается большое облегчение сельскохозяйственных работ, уменьшение количества межей, возможность содержать меньше рабочего скота, расширение продуктивного скотоводства и экономия рабочего времени...»²⁵³. Урожайность в Германии в начале XIX века была примерно той же, что и в России в начале XX века — 45–50 пудов с десятины; это было все, что могли давать истощенные почвы. К 1870-м годам урожай немецких полей увеличился вдвое, до 90 пудов с десятины. Следующим шагом было применение рядовых сеялок и сортовых семян, а затем — использование минеральных удобрений, эти нововведения к 1910 году увеличили урожайность до 140 пудов с десятины²⁵⁴.

Столыпинская реформа, несомненно, должна была способствовать более тщательной обработке земли и увеличению урожайности. По оценке Н. П. Огановского, на хуторах можно было ждать повышения урожайности на 25 % примерно через пять лет²⁵⁵. Но эффект мог быть не столь велик, как ожидалось: исследования Н. И. Вавилова показали, что применение в России западноевропейской агротехники не дает такого прироста урожайности, как на Западе, в силу неблагоприятных климатических условий²⁵⁶. Это подтверждается, в частности, сведениями В. А. Лабузова, которые показывают, что хуторские хозяйства Южного Урала не имели существенных агрономических преимуществ перед хозяйствами крестьян-общинников и точно так же страдали от частых в этом регионе засух²⁵⁷. Кроме того, при экономических расчетах часто не учитывались затраты хуторян на перенос построек и обустройство на новых местах; эти затраты существенно затрудняли и замедляли процесс аграрных преобразований²⁵⁸. Необходимо напомнить о том, что и в Германии агротехнические реформы давали лишь медленный и постепенный эффект, что рост населения долгое время поглощал их плоды: спустя тридцать лет после начала реформ Германия испытала большой голод, который стал одной из причин революции 1848 года²⁵⁹.

Что касается краткосрочных эффектов реформы, то наиболее существенным было то обстоятельство, что реформа позволила многим крестьянам, постоянно занимавшимся отходничеством, продать свою землю и переселиться в город. Это способствовало уменьшению аграрного перенаселения и сокращению числа безлошадных хозяйств, но в то же время увеличивало безработицу в городах.

Реформа подразумевала внедрение не только новой агротехники, но и новых сельскохозяйственных машин. Однако распространение усовершенствованных орудий труда воспринималось крестьянами далеко неоднозначно. Появление в крупных хозяйствах жаток, сенокосилок, молотилок лишало батраков работы и не ослабляло, а усугубляло аграрное переселение. Еще перед революцией 1905 года распространение новых машин на Степном юге вызвало сокращение отхода батраков из Центрального Черноземья. Во время революции крестьяне многих уездов ополчились против новых машин и с ожесточением крушили помещичий инвентарь, а батраки во время сельских стачек требовали убрать из поместий машины²⁶⁰.

Другой важной составляющей столыпинских реформ была организация массового переселения крестьян на окраины. Переселение представлялось наиболее простым путем (хотя бы частичного) ре-

шения земельной проблемы и, как отмечалось выше, принципиальное решение о поощрении переселения было принято еще в июне 1904 года. В контексте происходившего разрушения общины переселение было также одним из способов обеспечения землей тех бедняков, которые уходили из общины, продавая свою землю. Однако правительственная программа не была подкреплена ресурсами; расходы на переселение в 1907–1913 годах составили лишь около 200 млн. руб., что составляло только 1% всех государственных расходов за эти годы. В 1906–1916 годах в восточные районы переселилось 3078 тыс. крестьян, но ввиду отсутствия средств 546 тыс. человек вернулись обратно. Когда неудачливые переселенцы стали возвращаться назад, это отбило охоту к переселению у собиравшихся в путь, и волна переселения быстро спала. В итоге на новых местах закрепилось только 2532 тыс. переселенцев²⁶¹.

Кроме того, в ходе переселенческой кампании выяснилась принципиальная невозможность разрешить аграрный вопрос путем внутренней колонизации²⁶². Пригодной для переселения была лишь узкая полоса территории в Южной Сибири, и запас земель здесь быстро оказался исчерпанным. Сибирь могла принимать не более 200 тыс. переселенцев в год, а ежегодный прирост населения в Европейской России составлял более 1,5 млн. душ. «Правительство осознало это, и с 1911 года переселенческое движение сократилось», — констатирует Л. Н. Литошенко²⁶³.

Еще одной мерой властей, направленной на снижение остроты аграрного кризиса, была организация покупки крестьянами частных земель. Для этой цели в 1906 году было произведено снижение процентной ставки Крестьянского банка до 4,5%, при этом было разрешено предоставлять кредиты практически на всю сумму покупки. Это решение было подано как царская милость, поскольку реальная стоимость кредита была примерно на 1% больше, и фактически крестьяне покупали землю на 15–20% ниже стоимости; получавшуюся разницу продавцам доплачивал банк. Теперь крестьяне, казалось бы, могли приобретать землю на относительно льготных условиях, что до какой-то степени напоминало программу частичного выкупа помещичьих земель, предлагавшуюся кадетской партией — с той разницей, что дворяне продавали землю добровольно. После разгрома нескольких тысяч имений часть помещиков решила продать свои владения, количество предлагавшейся к продаже земли резко возросло, и правительство выделило Крестьянскому банку практически неограниченные средства для скупки этих земель и перепродажи их крестьянам в рассрочку. Таким образом, были созданы усло-

вия для расширения крестьянского землевладения, что могло до некоторой степени смягчить земельный голод²⁶⁴.

Облегчение условий кредита вызвало положительную реакцию в крестьянской среде и способствовало постепенному затуханию крестьянских восстаний. Если число крестьян, желавших купить землю через посредничество Крестьянского банка, составляло в 1904 году 97 тыс., то в 1906 году оно возросло в 4 раза; в Черноземном районе изъявила желание прикупить землю десятая часть крестьян-домохозяев²⁶⁵. Банк в соответствии с идеей реформы оказывал предпочтение тем крестьянам, которые покупали целые хутора; такие крестьяне получали кредит на всю сумму покупки. А. М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 дес., должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год по меньшей мере половину урожая²⁶⁶. Задолженность крестьян банку возросла с 352,4 млн. руб. в 1905 году до 1350,8 млн. руб. в 1915 году²⁶⁷. В 1913 году платежи крестьян Крестьянскому банку составили 88 млн. руб., то есть сравнялись с отмененными выкупными платежами. «Так, в иной форме, повторилась пресловутая „выкупная операция“, — писал А. М. Анфимов, — только с той разницей, что прежде 90 млн. руб. выплачивали за 95 млн. дес. наделных земель, а теперь — за 15 млн. купленных земель»²⁶⁸.

За 1905–1914 годы дворяне продали, в основном Крестьянскому банку, 22 % своих земель. Однако результаты снижения кредитного процента были отчасти нейтрализованы повышением цен на землю: если в 1904 году десятина стоила в среднем 12 руб., то в 1909 году — 144 руб. Тем не менее за 1905–1914 годы в 47 губерниях Европейской России (без Прибалтики) крестьяне приобрели 9,7 млн. дес. частной земли, что увеличило их долю в землевладении (суммарно наделном и частном) с 68 до 72 %. Правда, некоторая часть этих земель принадлежала «чумазым лендлордам», богатым крестьянам, превратившимся в помещиков; если мы будем считать крестьянскими лишь участки менее 50 десятин, то доля крестьян за указанный период увеличилась с 64 до 68 %. Ситуация в Черноземье была примерно такой же, что и по России в целом. В 1905 году в семи губерниях (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Черниговская) доля крестьянской земли (включая купчую с участками менее 50 десятин) составляла 67 %. За 1905–1915 годы крестьяне прикупили 486 тыс. дес. земли; если считать, что вся эта земля была в мелких участках, то доля крестьянского землевладения возросла до 69 %. Хотя доля некрестьянских земель немного уменьшилась, ра-

дикальных изменений не произошло, и крестьяне по-прежнему требовали «черного передела»²⁶⁹.

«Таким образом, — подводит итог Р. Пайпс, — взвесив все обстоятельства, следует признать, что результаты столыпинских реформ были весьма скромными. „Аграрной революции“ не получилось...»²⁷⁰

Удалось ли П. А. Столыпину ослабить перенаселение в деревне? За 1906–1913 годы из деревни Европейской России выбыло 4138 тыс. крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2566 тыс. переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6704 тыс. человек. Однако за это же время естественный прирост составил 14127 тыс. чел.; в итоге за восемь лет деревенское население возросло на 7489 тыс. чел, или на 7,3%, и, несмотря на все старания, проблема аграрного перенаселения еще более обострилась²⁷¹. Как отмечалось выше, «Комиссия 1901 года» определяла численность излишних рабочих в 23 млн., что составляло 53% всей рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 году имелось 32 млн. «лишних» рабочих, что составляло 56% всей рабочей силы²⁷².

Однако в Черноземье мероприятия правительства принесли сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 году доля «лишних» работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация, во всяком случае, не ухудшилась. В 1905–1912 годах количество крестьянских дворов в Тамбовской губернии возросло на 13%, а надел земли на двор уменьшился с 7 до 6,6 дес., но это уменьшение было компенсировано увеличением урожайности. Однако по-прежнему сохранялась большая разница в земельном обеспечении бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. В Липецком уезде бывшие государственные крестьяне имели 7,5 дес. земли, а бывшие помещичьи — только 4,0 дес. на двор; в Усманском уезде, соответственно 8,0 и 4,6 десятины²⁷³.

Уменьшению душевых наделов способствовало ускоренное дробление больших семей — еще один результат реформы П. А. Столыпина, отражавший процесс модернизации социальной структуры российской деревни по западному образцу. Распад патриархальных семей имел негативные последствия: с уменьшением размеров семьи крестьянам становилось все труднее содержать лошадей, поэтому число безлошадных хозяйств росло. Средняя численность двора на Черноземье в 1904–1916 годах уменьшилась с 7,3 до 6,8 души, а число рабочих лошадей на двор — с 1,4 до 1,1²⁷⁴.

О тяжелом положении беднейших крестьян говорит такой показатель, как рост ссуд, выделяемых учреждениями мелкого кредита

на покупку семенного зерна. В 1908 году было выдано ссуд на 13,4 млн. руб., в 1913 году — на 54 млн. руб.²⁷⁵

Реформа способствовала резкому усилению оттока населения из наиболее перенаселенных районов Черноземья. В 1900 году в Епифанском уезде Тульской губернии половина земли принадлежала частным владельцам (в основном, помещикам) и крестьяне находились в бедственном положении. В 1906–1910 годах из уезда выселилось 40% дворов (!). Благодаря этому количество дворов без посева в 1899–1911 годах сократилось на 28%, а общее число дворов почти не увеличилось, то есть обеспечение земель, хотя и незначительное, но улучшилось²⁷⁶. Некоторое представление о динамике перенаселения дает также изменение арендной платы; средняя арендная плата по 7 губерниям Черноземья составляла в 1901 году 42% процента от урожая, а в 1912–1914 годах — 41%. Что касается заработной платы батраков, то в 1906–1910 годах она уменьшилась, а в 1910–1913 годах вернулась к уровню 1901–1905 годов (см. рисунок 8.2). Таким образом, в отношении арендной платы и заработной платы ситуация практически не изменилась, однако, само по себе то обстоятельство, что удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, было некоторым успехом²⁷⁷.

Увеличилась ли продуктивность сельского хозяйства? В 1910–1914 годах по сравнению с 1901–1905 годами валовой сбор зерновых по Европейской России увеличился на 12,2%, урожайность возросла на 6,5%. По семи губерниям Черноземья валовой сбор увеличился на 8,4%, урожайность возросла на 8,9%²⁷⁸. Как отмечает И. Д. Ковальченко, такое увеличение нельзя признать значительным, в особенности учитывая огромный рост населения²⁷⁹. Средний чистый душевой сбор на Черноземье в 1900–1904 годах составлял 31,3 пуда, в 1909–1913 годах — 28,3 пуда, в 1910–1914 годах — 26 пудов. Правда, по сравнению с неурожайными 1905–1909 годами тренд поднялся, но в новой фазе подъема значения душевого производства были ниже, чем в предыдущей (см. рисунок 7.5).

В целом по России положение было, естественно, более сложным. Центральный район жил привозным хлебом, и динамика урожая здесь не отражает реальную картину обеспеченности района продовольствием. На Юге продолжалось освоение целинных земель; новым обширным регионом колонизации стал Северный Кавказ. После строительства Новороссийского порта три кавказские губернии стали давать существенную часть экспорта, поэтому их необходимо учитывать в общем хлебном балансе России. Данные о производстве хлеба на Кавказе имеются с 1893 года, и график на рисун-

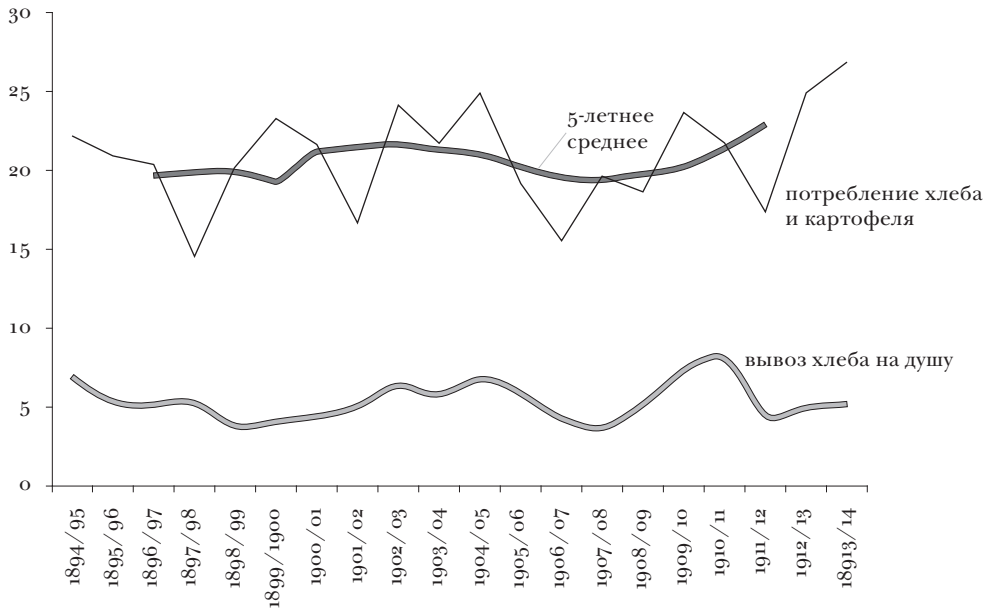

рис. 8.1. Динамика потребления хлеба и картофеля (в пересчете на хлеб 5:1) и вывоза хлеба на душу населения по 53 губерниям Европейской России (пуд.)²⁸⁰.

ке 8.1 отражает картину потребления, производства и вывоза хлеба в 1893–1914 годах.

Так же как и на Черноземье, 5-летний тренд чистого остатка зерновых и картофеля для Европейской России не показывает видимой тенденции к увеличению или уменьшению потребления. Кривая движется вдоль средней линии в 20,6 пуда, плавно поднимаясь до 21,8 пудов в 1900–1904 годах, опускаясь до 19,3 пудов в 1905–1909 годах и затем снова поднимаясь.

Однако если рассматривать более длительный период времени, то надо заметить, что среднее потребление по 53 губерниям в 1894–1913 годах (20,9 пуда) было выше, чем среднее потребление по 50 губерниям в 1870–1880-х годах (19,2 пуда). Это явление было связано в основном с распашкой пастбищ и ростом расхода зерна на фураж. ЦСК не собирало данные о потреблении зерна на корм скоту, но осенью 1917 года Статистико-экономическое отделение Министерства продовольствия попыталось подсчитать, сколько хлеба уходит на фураж. Были запрошены сведения о нормах кормления скота из губерний, и поскольку начинался голод, то обычные нор-

мы были урезаны до минимума. В итоге получилось, что в расчете на одного человека на фураж в 50 губерниях уходит никак не менее 6,3 пуда зерна²⁸¹ — если же брать 53 губернии, то расход на фураж составит 6,5 пуда²⁸². Как отмечалось выше, минимальная норма потребления в пищу составлял 15,5 пудов на душу населения, таким образом, норма потребления в пищу и на фураж перед Первой мировой войной равнялась 22 пудам. Это примерно соответствовало реальному потреблению в известных высокими урожаями 1909–1913 годах (22,9 пуда), однако в предшествующее пятилетие урожаи были хуже, и среднее потребление (19,6 пуда) не дотягивало до нормы. Колебания тренда потребления носили циклический характер, в значительной мере они определялись климатическими факторами, чередованием периодов высоких и низких урожаев. В 1912/13 и 1913/14 годах вывоз на душу населения существенно уменьшился, что в сочетании с очень богатыми урожаями привело к росту потребления (см. рисунок 8.1). Некоторые авторы склонны считать этот рост показателем того, что продовольственное положение радикально улучшилось²⁸³, в то время как другие специалисты полагают, что изменения не были столь существенными, что положение оставалось тяжелым²⁸⁴. А. М. Анфимов полагал, что прогресс был достигнут в результате главным образом действия климатических и ценовых факторов, и в меньшей степени в результате реформы²⁸⁵. В 1905–1912 годах цены на хлеб в Германии повысились на 29%, что вызвало повышение экспортных цен; стоимость пшеницы в русских вывозных портах уже в 1905–1908 годах увеличилась на 32%. Повышение цен обеспечило рост прибылей российских производителей, которые теперь могли вкладывать больше средств для увеличения производства — но благоприятная конъюнктура не могла длиться вечно, и в 1913 году цены стали снижаться, предвещая новый кризис²⁸⁶.

Следует обратить внимание также на важные сдвиги в структуре сельскохозяйственного экспорта. Среднегодовой вывоз зерна и муки в 1911–1913 годах увеличился по стоимости сравнительно с 1901–1905 годами на треть, а вывоз продуктов животноводства вырос *в два с половиной раза (!)* и составил почти половину от зернового экспорта²⁸⁷. Это свидетельствует о быстром развитии экспортного животноводства, о том, что часть прежде вывозившегося зерна стала скармливаться скоту и птице для производства шедшей на экспорт животноводческой продукции. Это, в свою очередь, приводило к увеличению расхода зерна на фураж и к относительному сокращению зернового экспорта, к формальному росту потребления зерна внутри стра-

Табл. 8.2. Рост производства в 1901–05–1910–14 годах, процент выхода из общины и землеустройства в Черноземном районе²⁸⁸.

	<i>Рост производства (%)</i>	<i>Процент вышедших из общины</i>	<i>Процент земли у вышедших</i>	<i>Процент землеустроенной земли</i>
Курская	13,3	43,8	28	0,14
Орловская	3,6	39	26,4	0,11
Тульская	2,0	21,6	14,5	0,33
Рязанская	9,7	17	9,4	0,12
Воронежская	15,8	20,1	12,7	0,19
Пензенская	10,7	25,2	15,7	0,30
Тамбовская	2,2	24	14	0,20
Корреляция с ростом производства		0,03	0,00	-0,23

ны, но в действительности это зерно вывозилось теперь в виде яиц, масла, невыделанных кож, живого скота и т. д.

Возвращаясь к вопросу о влиянии столыпинской реформы на рост производства, можно заметить, что, как видно из таблицы 8.2, корреляция между ростом производства и такими параметрами, как процент выхода из общины или процент землеустроенных земель, отсутствует. Следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе. По-видимому, связь между «обуржуазиванием» земельных отношений и интенсификацией сельского хозяйства была не столь простой, как казалось. Л. И. Бородин и И. Д. Ковальченко отмечали, что Степной район, характеризовавшийся самым глубоким «обуржуазиванием» крестьянства, характеризовался также и самой низкой интенсивностью сельскохозяйственного производства²⁸⁹.

С другой стороны, результаты реформы еще не успели сказаться в полной мере; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил П. А. Столыпин, «двадцать лет покоя». По расчетам Л. С. Дякина, требовалось даже не 20, а 50 или 80 лет²⁹⁰ (как это было в Германии). *Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между*

тем в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за 5 или 10 лет²⁹¹. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что было уже поздно», — подчеркивает В. П. Данилов (выделено В. П. Даниловым — С. Н.)²⁹².

Изменение потребления хлебов по отдельным губерниям можно проследить, опираясь на данные урожайной и транспортной статистики. Данные железнодорожной статистики можно считать точными, но данные о водных перевозках менее достоверны. Для 1908–1913 годов эти данные были обработаны статистиками в ходе подготовительных работ к нормированию продовольствия в 1916–1917 годах²⁹³, но при этом отмечалось, что для средневожских губерний погрешность в водных перевозках может быть достаточно большой. Еще одна проблема состоит в том, что данные о перевозках «второстепенных» хлебов (кукурузы, гречихи, проса) имеются только за 1912–1914 годы, поэтому мы исключили из рассмотрения (наряду со средневожскими) южные степные губернии, где кукуруза и гречиха играли существенную роль в посевах и перевозках. В таблице 8.3 приведена информация о потреблении в 1908–1911 и 1909–1913 годах для 30 оставшихся губерний, которая может считаться относительно надежной. Кроме того, в этой таблице указано потребление в 1898–1902 годах для 13 губерний, в которых как водные перевозки, так и перевозки второстепенных хлебов были незначительны, и таким образом, имеется возможность определить потребление, учитывая лишь объем урожая и железнодорожных перевозок.

Потребление в таблице 8.3 — это остаток зерна за вычетом посева и с учетом вывоза или ввоза, т. е. суммарное потребление в пищу и на фураж (небольшое количество зерна и картофеля использовалось также на винокурение). При рассмотрении этих данных нужно учесть, что норма потребления зерна в пищу и на фураж, в среднем равная 22–23 пудам, колеблется по районам. В нечерноземных областях, где больше пастбищ и сена, потребление фуража меньше, и норма может составлять 20–21 пуд; на Черноземье пастбищ больше, и норма может доходить до 24–25 пудов. Из данных таблицы 8.3 следует, что в 1898–1902 годах в нечерноземных губерниях потребление было на уровне нормы (в Минской и Смоленской губерниях), немного ниже нормы (в Калужской и Могилевской губерниях) или даже существенно ниже нормы (в Псковской и Витебской губерниях). К 1909–1913 годам во все эти губернии резко увеличился ввоз продовольствия и продовольственное положение в большинстве из них

Табл. 8.3. Погубернская динамика душевого потребления хлебов в 1898–1902 годах (пуд.)²⁹⁴.

Губерния	1898–1902		1908–1911		1909–1913	
	потреб- ление	ввоз (+) или вывоз (-)	потреб- ление	ввоз (+) или вывоз (-)	потреб- ление	ввоз (+) или вывоз (-)
Петроградская			21,0	16,9	23,9	19,5
Московская	21,5	14,5	21,3	16,6	22,2	16,8
Архангельская			15,2	9,9	16,1	10,8
Вологодская			17,5	3,4	17,7	2,8
Новгородская			17,7	5,1	18,8	5,7
Псковская	17,7	1,5	19,6	3,5	19,9	3,4
Эстляндская			33,1	3,4	30,6	5,1
Лифляндская			26,0	4,7	26,3	5,6
Витебская	16,6	2,4	17,8	3,8	18,4	3,7
Могилевская	18,7	-0,1	18,1	1,9	19,2	1,6
Минская	19,9	0,3	20,8	1,4	20,9	1,3
Тверская			16,2	5,6	17,7	5,5
Смоленская	22,9	1,5	19,4	4,8	21,0	3,8
Калужская	19,1	2,7	16,7	5,5	18,2	5,0
Владимирская			21,6	8,2	22,8	8,8
Ярославская			18,2	3,1	23,0	7,6
Костромская			20,3	4,1	22,7	5,8
Нижегородская			17,5	1,1	23,6	5,0
Тульская	25,8	-9,5	18,5	-11,8	20,0	-10,1
Рязанская	24,3	-4,9	16,9	-5,2	18,4	-4,1
Вятская			22,5	-1,7	23,5	-1,9
Пермская			26,0	2,2	27,8	2,8
Орловская	25,0	-3,0	20,6	-2,8	21,9	-2,9
Курская	30,1	-5,6	24,5	-3,4	27,2	-4,6
Воронежская			20,1	-6,1	25,1	-6,7
Тамбовская	26,6	-11,6	20,3	-12,7	24,6	-10,9
Киевская			23,7	-1,5	25,4	-2,0
Полтавская			23,8	-8,7	26,5	-9,2
Харьковская	23,9	-3,8	24,1	-6,1	27,6	-6,3
Черниговская	19,7	-2,5	16,8	0,4	18,4	-0,3

(кроме Калужской и Смоленской) немного улучшилось — оставаясь при этом на уровне нормы или чуть ниже нормы.

Для Черноземных губерний характерно, что в 1898–1902 годах (несмотря на большой вывоз хлеба) потребление было повсюду на уровне нормы или выше нормы — исключение составляет только Черниговская губерния. Но в 1908–1911 годах потребление в большинстве губерний падает ниже нормы, причем особенно тяжелое положение складывается в Тульской и Рязанской губерниях, откуда продолжается большой вывоз, несмотря на явный недостаток продовольствия в деревне. В 1909–1913 годах благодаря хорошим урожаям положение в Курской и Харьковской губерниях заметно улучшается, но в Тульской, Рязанской и Орловской губерниях потребление остается ниже нормы — то есть мы наблюдаем явный кризис Северного Черноземья.

Если обратиться к сравнительным данным за 1908–1911 и 1909–1913 годы, то можно сделать вывод, что на севере, в Архангельской и Вологодской губерниях, несмотря на увеличение, среднее потребление оставалось ниже минимальной нормы. Тяжелое положение было также в Новгородской губернии, но столичная Петроградская губерния снабжалась существенно лучше. Из губерний Центра неудовлетворительное положение в 1908–1911 годах было в Тверской, Калужской, Ярославской и Костромской губерниях (в двух последних оно стало лучше). На Черноземье в зоне голода находились Рязанская и Тульская губернии, на Украине — Черниговская. Относительно высокий уровень потребления был в Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерниях, причем особенно заметно положение улучшилось в Воронежской губернии. На Востоке, в Вятской и Пермской губерниях уровень потребления был удовлетворительным, но Уфимская губерния уже испытывала последствия аграрного перенаселения. «Как и в центре России, перед крестьянством Уфимской губернии вставал земельный вопрос, — пишет М. И. Роднов. — Около 20–30% дворов, сеявшие до 2 дес., представляли из себя пауперов-полупролетариев, избыточное, ненужное население, которое не могли принять города... Вся эта масса вела непрерывную борьбу за выживание, оказываясь в годы частых неурожаев за гранью физиологического существования»²⁹⁵.

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные, полуголодные области²⁹⁶. Если обратиться к данным 1908–1911 годов, то мы увидим, что *регион бедности представлял собой связанную область, охватывающую основную часть Центра, смежные с Центром черноземные и западные губернии и Север*. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соот-

ветствовал Московскому царству времен Ивана Грозного — *это были перенаселенные коренные области России, с которых в дальнейшем шло расселение на окраины*. Поскольку перенаселение, в соответствии с теорией, способствовало развитию в этих регионах промышленности и ремесел, то регион бедности в основном совпадал с промышленными и «потребляющими» губерниями, а регион достатка — это были зернопроизводящие окраинные губернии. Не случайно, что именно по границе между «бедными» и «богатыми» губерниями прошла линия фронта в гражданскую войну, что бедные промышленные и потребляющие губернии стали крепостями красных, в то время как богатые окраинные губернии поддерживали антибольшевистские силы²⁹⁷.

Окраины, Степной Юг, Южное Черноземье, Пермь были богатыми областями. Однако в том, что касается Черноземья, необходимо в соответствии с требованиями демографически-структурной теории акцентировать важность имущественной дифференциации и напомнить о делении крестьянства на две примерно равные группы, бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. Это деление обуславливало ярко выраженное неравенство в средней величине земельного надела и уровне потребления. С точки зрения статистики, это означало, что даже при том, что среднее потребление по губернии выше минимального уровня, потребление большей части населения могло быть ниже минимума. Таким образом, даже в «благополучных» губерниях существовали сотни тысяч голодных и озлобленных бедняков, мечтающих о «черном переделе».

Некоторые авторы для характеристики уровня потребления в начале XX века используют также данных земских бюджетных обследований, проводившихся в некоторых губерниях в начале XX века. Сводка этих данных приводится, в частности, в сборнике материалов под редакцией А. В. Чайнова²⁹⁸. Однако специалисты, работавшие над вопросом о введении продовольственных норм, считали эти данные неудовлетворительными. «Сделанная А. В. Чайновым сводка имеющихся бюджетных данных представляет довольно скудный ряд разрозненных, разноценных и часто устаревших показателей размеров душевого потребления всех хлебов... менее чем по 15 губерниям... — писал Е. Е. Яшнов. — Таким образом, от пользования в данной области бюджетными материалами приходится неизбежно отказаться, тем более, что и сама возможность распространить данные о потреблении хлеба в небольшом сравнительно числе обследованных хозяйств на все население губернии представляется в высшей степени сомнительной»²⁹⁹. Сам А. В. Чайнов относился к этим материалам чрезвычайно кри-

тически, отмечая, что хотя «русская экономическая литература богата бюджетными исследованиями... к сожалению, из этого значительного количества исследований большая часть не может удовлетворять современным требованиями. Огромная их часть построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдений, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, полученные в результате их разработки не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие из них построены на материалах, собранных явно несовершенными методами...»³⁰⁰.

Очевидно, нерепрезентативность бюджетных данных была причиной того, что Е. Е. Яшнов и его сотрудники из Особого совещания по продовольствию предпочли определять потребление зерна в губерниях с помощью урожайной и транспортной статистики — так, как это делается выше в таблице 8.3. Тем не менее некоторые историки пытаются использовать бюджетные данные, и более того, распространять их на все 50 губерний Европейской России. В частности, проанализировав эти сведения, Б. Н. Миронов сделал вывод, что «рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией»³⁰¹. Однако М. А. Давыдов убедительно доказывает, что часть зерна, потребляемого по бюджетным данным в пищу, в действительности расходовалась на фураж³⁰². Эти данные согласуются с приведенными мною расчетами, показывающими завышенность средних цифр потребления в пищу, получаемых из материалов бюджетных обследований³⁰³. Реальное потребление в пищу было ниже, чем показывают бюджеты — хотя, конечно, и признанное Б. Н. Мироновым хроническое недоедание 30% крестьян является достаточной причиной для революции.

8.11. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ

Повлияла ли революция 1905–1907 годов на положение рабочих? После «Кровавого воскресенья» правительство обещало приступить к выработке рабочего законодательства. Комитет министров в качестве образца для выработки этого законодательства назвал страховые законы О. Бисмарка, которые позволили канцлеру «взять рабочее движение в свои руки». Однако сопротивление промышленников замедлило работу над законами, и они были приняты лишь в июне 1912 года. Новое рабочее законодательство предусматривало страхование не только от несчастных случаев, но и от болезни; раз-

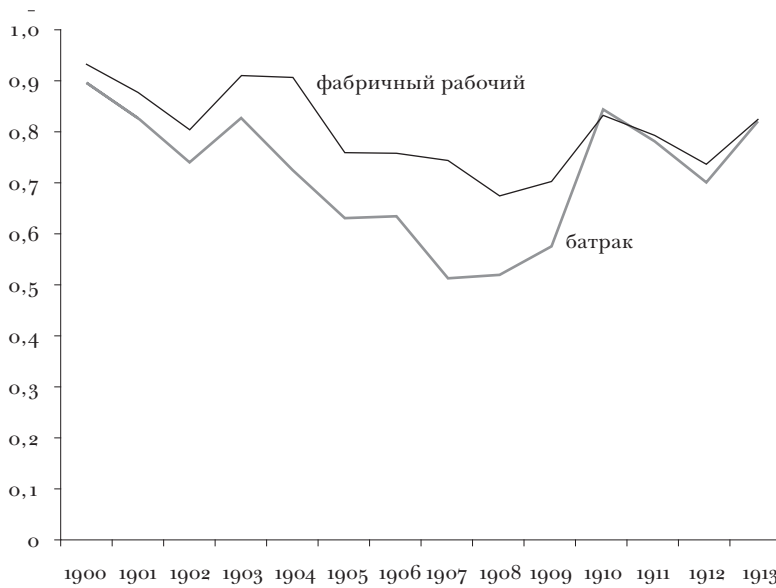

рис. 8.2. Поденная заработная плата фабричного рабочего в Центральном-Промышленном районе и батрака в период сева в Центральном-Черноземном районе в пересчете на пуды ржи³⁰⁴.

меры пособия достигали $\frac{2}{3}$ заработка. Предложения об ограничении рабочего дня 10 часами были отвергнуты, однако в результате стачек во время революции рабочие добились сокращения средней продолжительности рабочего дня с 10,6 часа в 1904 году до 9,9 часа в 1913 году³⁰⁵.

Что касается реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих, то, как видно из рисунка 8.2, в 1905–1909 годах она уменьшилась, а затем стала расти. Динамика заработной платы строительных рабочих (см. рисунок 7.8) была аналогичной. Л. И. Бородин и Т. Я. Валетов обращают внимание на то обстоятельство, что в российской промышленности было большее, чем на Западе, различие в уровне оплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих, причем, если реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в изучаемый период практически не менялась, то оплата квалифицированных рабочих возросла примерно на 15%. Исследователи объясняют это явление тем, что чернорабочие набирались в основном из крестьян (приток которых в города увеличился), а квалифицированные кадры — из потомственных горожан³⁰⁶.

Изменение заработной платы фабричных рабочих определялось главным образом динамикой цен на рожь, которая, в свою очередь, определялась ценами мирового рынка: коэффициент корреляции между ценами в Лондоне и Риге составлял 0,96³⁰⁷. С другой стороны, корреляция между рублевой заработной платой в Центрально-Промышленном районе и ценой ржи в 1900–1913 годах была равна 0,89, то есть изменение в ценах объясняло 80% изменения заработной платы³⁰⁸. Во Владимирской губернии – крупнейшем центре текстильной промышленности – корреляция между заработной платой и ценой ржи была еще большей – 0,92. Для батраков Центрально-Черноземного района влияние цен более сказывалось на зарплате в зерне (видимо, потому что им платили зерном), корреляция между зарплатой и ценой ржи была равна –0,85 (чем дороже было зерно, тем меньше была оплата в зерне)³⁰⁹. Таким образом, динамика реальной заработной платы в России определялась в основном мировыми ценами на зерно – ее понижение или повышение лишь в малой степени зависело от развития промышленности. При этом, как видно из графика на рисунке 8.2, заработная плата, выраженная в пудах ржи, существенно понизилась в 1905–1909 годах, а затем несколько выросла в 1910–1913 годах, но не достигла прежнего уровня.

Дешевизна рабочей силы (сравнительно с другими странами) была одним из важнейших факторов, стимулировавших развитие русской промышленности. Выступая в Государственном совете в апреле 1912 года С. Ю. Витте объяснял, что развитие промышленности в России определяется действием «двух живительных влияний» – протекционизма и *аграрного перенаселения*. Обилие рабочей силы давало возможность промышленникам работать при слабом техническом и энергетическом оснащении производства и держать низкий уровень заработной платы³¹⁰.

Уровень заработной платы в конечном счете определялся соотношением спроса и предложения: с одной стороны, аграрное перенаселение выбрасывало из деревни сотни тысяч разорившихся бедняков, с другой стороны, расширявшаяся промышленность испытывала потребность в новых рабочих. В 1909 году начался новый промышленный подъем, сопровождавшийся бурной учредительской деятельностью. Капиталы акционерных промышленных компаний возросли с 1988 млн. руб. в 1908 году до 2848 млн. руб. в 1913 году, причем доля иностранного капитала в новых компаниях составила лишь 13%. Приток нового национального капитала был вызван главным образом увеличением экспорта хлеба и повышением хлебных цен на мировом рынке. Стоимость экспорта возросла с 779 млн.

руб. в 1900–1902 годах до 1543 млн. руб. в 1911–1913 годах, за счет этого в стране появились капиталы, часть которых вкладывалась в промышленность. Таким образом, индустриализация финансировалась в конечном счете за счет сельскохозяйственного экспорта³¹¹.

При этом, однако, как в эпоху С. Ю. Витте, так и в предвоенное время в экономику вкладывалась лишь сравнительно небольшая часть капиталов. Немецкий историк Ю. Нецольд статистическими методами проанализировал характер связи между величиной дохода на душу населения и реальным состоянием капитализации в народном хозяйстве и показал, что доля инвестиций оставалась низкой³¹². К такому же выводу приходит Р. Аллен, который доказывает, что бум 1908–1913 годов носил преимущественно конъюнктурный характер, связанный с ростом цен на зерно; он не имел перспектив на продолжение в дальнейшем, когда цены на зерно начали снижаться³¹³. «Мотивы исследователей (П. Грегори и др.), стремящихся зависить темпы роста промышленного производства дореволюционной России, вполне понятны, — отмечает Ю. П. Бокарев. — Весьма лестно думать, что не случись революция 1917 года, необычайно быстрый рост России позволил бы ей в недалеком будущем ликвидировать свою экономическую отсталость. Исчисленный мною индекс показывает, что это не так... От России, как от развивающейся страны следовало бы ожидать весьма высоких темпов роста — таких, как в Японии, Австралии, Канаде и т. д. К сожалению, в этом плане она отставала не только от них, но и от стран с развитой экономикой, в частности, от США и Германии»³¹⁴.

В любом случае находившаяся еще в зачаточном состоянии индустриализация не могла существенно повлиять на протекание социально-экономических процессов: данные о численности рабочих (см. таблицу 8.4) показывают, что доля фабрично-заводских рабочих в населении по-прежнему оставалась незначительной, и российское общество в своей основе оставалось традиционным аграрным обществом. Промышленный подъем привел к росту численности рабочих фабрично-заводской промышленности (включая горнозаводскую) с 2528 тыс. в 1908 году до 3112 тыс. в 1913 году, то есть промышленность дала дополнительно 584 тыс. рабочих мест³¹⁵. Между тем, как отмечалось выше, только в Европейской России за это время в города перешло 4138 тыс. крестьян. Таким образом, мы видим классическую картину демографического Сжатия: разоряющиеся крестьяне устремляются в города, но промышленность оказывается не в состоянии обеспечить их работой. Противники столыпинской реформы не раз высказывали опасения, что разорившиеся крестьяне не смогут найти работу в городах, что города будут

Табл. 8.4. Численность наемных рабочих (тыс.) в России³¹⁶.

	1900 год	1913 год	Рост в %
<i>Фабрично-заводская промышленность</i>	2043	3112	52
в т. ч. обрабатывающая	1536	2467	61
горная и горнозаводская	507	645	27
<i>Транспорт и связь</i>	995	1398	41
<i>Прочие категории наемных рабочих</i>	13735	18171	32
в т. ч. сельское хозяйство	5843 (1897 год)	6500	11
мелкая промышленность	2000 (1890 год)	3706	85
прислуга	2112 (1897 год)	3000	42
чернорабочие	1738 (1911 год)	2500	44
строительство	1369 (1897 год)	1600	17
торговля	674	865	28
<i>Всего</i>	16773	22682	35
<i>Численность населения (млн.)</i>	133,0	170,9	29

переполнены толпами безработных и нищих. Наплыв в Москву выходцев из деревни и быстрый рост населения столицы привели к уменьшению душевого потребления муки и картофеля (в пересчете на муку) с 17 пудов в 1898–1902 годах до 12,4 пуда в 1908–1912 годах; при этом уменьшилось также потребление мяса, овощей, сахара³¹⁷. Официальной регистрации безработных в России не велось, и имеются лишь отдельные цифры о числе безработных в некоторых городах. Судя по этим цифрам, процент безработных в Петербурге за 1900–1913 годах возрос в два с половиной раза. Неудивительно, что именно Петербург был основным центром рабочих вступлений в 1913–1914 годах³¹⁸.

8.12. ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛОЖЕНИИ ЭЛИТЫ

Как отмечалось выше, революция 1905–1907 годов привела к консолидации дворянского сословия под консервативными лозунгами «Совета объединенного дворянства». Монархия после некоторых

«цезаристских» колебания вступила в союз с «объединенным дворянством» и после разгона II Думы изменила избирательный закон таким образом, чтобы обеспечить в Думе дворянское большинство. Объясняя необходимость этого изменения, П. А. Столыпин писал, что прежний закон отражал «громадное преобладание дикой, хищной и неорганизованной крестьянской массы, зараженной психозом сословной ненависти»³¹⁹. По новому закону один выборщик приходился в землевладельческой курии на 230 человек, в первой городской курии (для лиц с высоким имущественным цензом) — на тысячу человек, во второй городской курии — на 15 тыс. человек, в крестьянской курии — на 60 тыс., в рабочей — на 125 тыс. человек. Из 442 мест в III Думе помещикам было обеспечено 233 места (56,8%), крупной городской буржуазии — 72 места (17,6%); реально было избрано 229 дворян³²⁰. «В законе этом, — писал С. Ю. Витте, — выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130000, т. е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает „выборных“ членов Думы, он дает „подобранных“ членов Думы — подобранных так, чтобы решения были преимущественно в пользу привилегированных и сильных»³²¹.

Опорой «объединенного дворянства» были правые партии, в том числе «Союз русского народа», эти партии получили в совокупности 147 мест. Партией, получившей наибольшее количество мест (154), стала «Партия 17 октября», более чем на три четверти состоявшая из помещиков и чиновников, но возглавляемая крупным промышленником А. И. Гучковым. У кадетов, оставшихся в оппозиции, было только 54 депутата, социал-демократы имели 19 мандатов³²². Таким образом, III Дума выражала в основном интересы поместного дворянства, и *революция в конечном счете привела к тому, что самодержавие было вынуждено поделиться властью с дворянством*. Ситуация была похожей на ситуацию после Великой французской революции, и наблюдатели сравнивали III Думу с «бесподобной палатой» Людовика XVIII³²³.

Как отмечалось выше, правительство П. А. Столыпина опиралось на союз с дворянством и проводило в главном, аграрном вопросе откровенно продворянскую политику. Однако самодержавие не желало отказываться от давней традиции править самостоятельно, и уже вскоре после роспуска II Думы правительственный официоз, газета «Россия», начинает апеллировать к этой традиции, ссылаясь на восточные корни русской государственности. «Восточная демократия, — писала „Россия“ 7 октября 1907 года, — тем отличается от западной,

что она обращается вокруг идеи сильной власти»³²⁴. П. А. Столыпин, как и С. Ю. Витте, в конечном счете был германофилом и этатистом, он считал Германию «идеалом для многих культурных стран». «Центральное место в апологии сильной власти занимал, естественно, тезис о надклассовой сущности государства, — отмечал В. С. Дякин. — Традиционные этатистские воззрения русской бюрократии получили в столыпинский период дальнейшее развитие...»³²⁵

В конкретном контексте 1907 года речь шла о попытке П. А. Столыпина провести реформу местного управления и заставить дворянство поделиться своей властью с земельными собственниками-крестьянами. «Объединенное дворянство» и Дума энергично воспротивились этой попытке и затянули рассмотрение соответствующих законопроектов. В конечном счете правым удалось посеять семена недоверия между царем и премьер-министром, и после смерти П. А. Столыпина попытки реформ были постепенно оставлены³²⁶.

Однако этатистские тенденции в политике правительства сохранились, и Николай II был всегда готов продемонстрировать свою близость к народу. Особенно показательны в этом контексте торжества по поводу канонизации св. Серафима в Сарове, когда царя встречала 150-тысячная толпа крестьян, выражавшая ему любовь и преданность. Как отмечают исследователи, после Сарова Николай II стал часто употреблять выражение «царь и народ», подчеркивая свое единение с народными массами³²⁷. Еще одним проявлением этого «единения» было появление при дворе Григория Распутина — как отмечает Р. Мэсси, «в глазах императора Распутин был воплощением триединой формулы: православие — самодержавие — народность»³²⁸. Это возвышение Распутина шокировало как либералов, так и сановную аристократию — ведь «настоящий мужик» из сибирской глубинки не скрывал своего отношения к высшим классам. «Он ругал и издевался над дворянством, — вспоминает секретарь Распутина А. С. Симанович, — он называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови». «Как тресну мужицким кулаком — все сразу и притихнет, — говорил Распутин князю Ф. Юсупову. — С вашей братьей, аристократами, только так и можно. Завидуют мне больно, что в смазных сапогах по царским-то хоромам разгуливаю... Поперек горла им стою... Зато народ меня уважает, что в мужицком кафтане да в смазных сапогах у самого царя да царицы советником сделался»³²⁹.

Но, демонстрируя свою любовь к народу, царское правительство, как и во времена Александра III, стремилось к соглашению с дворянской элитой. Правые партии неустанно подчеркивали свою вер-

Табл. 8.5. Совокупные доходы различных категорий собственников в 1909–1910 годах³³⁰.

<i>Категория лиц, получающих доходы</i>	<i>Доходы</i>		<i>Доходы</i>	
	<i>св. 1 тыс. р.</i>		<i>св. 50 тыс. р.</i>	
	<i>млн. р.</i>	<i>%</i>	<i>млн. р.</i>	<i>%</i>
Владельцы торгово-промышленных предприятий	859	46	361	69
Землевладельцы	412	22	76	14
Владельцы денежных капиталов	340	18	49	9
Собственники городской недвижимости	257	14	39	7
всего	1868	100	525	100

ность самодержавию и предлагали еще более ограничить полномочия Думы. Проведенные под правительственным давлением выборы 1912 года упрочили положение правых, дав им 185 мандатов. Преобладание в Думе помещиков привело к сплочению самодержавия и дворянства на почве консервативной политики; правительство более не стремилось к реформам, а думское большинство беспрекословно поддерживало его в текущих вопросах³³¹.

Между тем соотношение сил различных сословий постепенно менялось. Промышленный подъем 1909–1913 годов привел к обогащению торговой и промышленной буржуазии, с другой стороны, продажи земли ослабили экономическую роль дворянства.

Как видно из таблицы 8.5, владельцы торгово-промышленных предприятий намного превосходили землевладельцев по совокупным размерам доходов, причем в категории богатейших собственников это превосходство было подавляющим. Дворян среди этих владельцев было ничтожно мало — всего 2%, это были в подавляющем большинстве купцы, мещане, ремесленники — настоящая торгово-промышленная буржуазия, четко отделявшая себя от дворян и помещиков. Как отмечалось выше, буржуазия не проявляла особой активности в период революции 1905–1907 годов. В предвоенный период положение начинает меняться. В 1912 году представители торгово-промышленного мира создали новую либеральную партию прогрессистов, которая встала в оппозицию правительству. Эта оппозиция проявилась как в устных и печатных выступлениях, так и в согласии прогрессистов финансировать VI съезд РСДРП, намечавшийся на 1914 год³³².

Накануне войны отмечается оживление и среди интеллигенции, традиционно поддерживавшей партию кадетов. После революции интеллигенция переживала глубокий кризис, ознаменовавшийся появлением известного сборника «Вехи», в котором вожди бывшего «Союза освобождения» призывали своих последователей отречься от былых революционных заблуждений. В III Думе кадеты проводили осторожную политику «ответственной оппозиции», но в IV Думе они вновь стали выступать с радикальными законопроектами, выдвинув требование всеобщего и равного избирательного права. Вновь, как во времена «Союза освобождения», либералы и социал-демократы вели переговоры о создании широкого антиправительственного фронта. На заседании ЦК партии кадетов весной 1914 года левое меньшинство партии потребовало вновь, как в 1904 году, заключить союз с социал-демократами и эсерами с целью проведения согласованной кампании демонстраций и стачек. Однако лидер кадетов П. Н. Милюков выступил против этого плана, заявив, что политический переворот открыл бы дорогу громадным волнениям, которые приняли бы стихийный характер, напоминающий смуты Разина и Пугачева³³³. П. Н. Милюков не раз повторял эту мысль впоследствии; будучи проницательным политиком и историком, он чувствовал, что с 1905 года над страной стоит призрак Разина и Пугачева, призрак крестьянской войны.

8.13. СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В 1908–1914 ГОДАХ

Подавление революции 1905–1907 годов не означало успокоения и возврата к дореволюционной ситуации. Крестьянские волнения затухали постепенно и их уровень в 1908–1910 годах оставался на порядок более высоким, чем до революции (см. рисунок 8.3).

Когда в 1912–1913 годах сельские волнения пошли на спад, обострилась ситуация в городах, нахлынула новая волна стачек, ослабевшая только с началом войны. Показательно также и то, что волна государственных преступлений и преступлений против собственности не схлынула с окончанием революции, а продолжала будоражить общество. На период 1906–1908 годов пришлось два революционных года, и средняя преступность в этот период примерно соответствует «уровню революции» (или лишь немного меньше его). Как видно из таблицы 8.6, по числу преступлений «против порядка управления» уровень 1909–1913 годов намного превосходит «уровень революции», что наводит на мысль о том, что революция не закончилась,

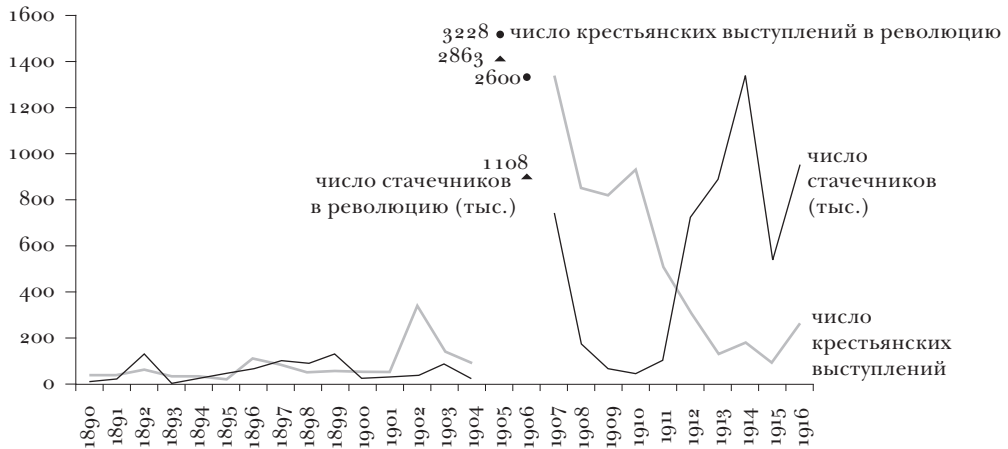

рис. 8.3. Интенсивность крестьянского и рабочего движения в 1890–1916 годах³³⁴.

а приняла хроническую форму постоянных (пусть, мелких) протестных акций. Население не смирилось, а продолжало протестовать; об этом говорит и сохранившийся по-прежнему высоким уровень государственных преступлений, и повысившийся по сравнению с революционными временами уровень преступлений против собственности (куда входили и поджоги помещичьих имений). Таблица 8.7 учитывает более мелкие протестные акции, которые не отражены на рисунке 8.3.

Действительно, число мелких протестных акций, в особенности поджогов в 1910–1911 годах было значительно больше, чем в последний год революции (1907 г.). С. М. Дубровский связывает это обстоятельство с борьбой общинников против выхода зажиточных крестьян из общины и находит, что динамика протестных акций коррелирует (возможно, с некоторым запозданием) с динамикой выходов; после 1910 года число выходов уменьшилось и волна протестов пошла на убыль³³⁵. По-видимому, сказалось также и то, что после неурожая 1911 года пришли два феноменальных по урожайности года, когда уровень потребления в деревне (как отмечалось выше) существенно повысился.

Однако спад протестных акций в 1912–1913 годах не отражал действительных настроений крестьянства. Если мы рассмотрим динамику мелких проступков против «правительственного и общественного порядка», то обнаружим, что число таких правонарушений

Табл. 8.6. Число наиболее важных зафиксированных преступлений (в среднем в год, тыс.)³³⁶.

<i>Вид преступлений</i>	<i>1884–1893</i>	<i>1906–1908</i>	<i>1909–1913</i>
Против общественного и государственного порядка	23,3	56,2	55,4
в т. ч религиозные	1,6	1,5	5,2
государственные		2,9	2,3
против порядка управления	3,8	13,1	22,1
Против личности	32,3	134,3	149,2
<i>Против собственности частных лиц</i>	<i>40,8</i>	<i>208,7</i>	<i>245,5</i>

Табл. 8.7. Число крестьянских протестных акций в 1907–1913 годах³³⁷.

	<i>1907</i>	<i>1908</i>	<i>1909</i>	<i>1910</i>	<i>1911</i>	<i>1912</i>	<i>1913</i>
Всего протестных акций по Европейской России	2477	2007	2420	6261	4522	1791	646
В т. ч. поджоги помещичьих усадеб	589	542	703	805	358	189	81
поджоги имущества кулаков	141	95	513	4377	1433	209	8
Всего протестных акций по 6 губерниям Черноземья	394	226	202	1392	621	154	54

в 1910–1913 годах не только не уменьшилось, но возросло с 65 до 97 тыс. Таким образом, несмотря на урожайные годы, крестьянство не успокоилось и продолжало выражать свое недовольство существующим положением³³⁸. О том, к чему может привести недовольство законом о выходе из общины, предупреждал П. А. Столыпина тамбовский крестьянин И. Болтышев: «Я не пророк, но убежден, при случае какой бы то ни было общественной беды в большом размере, в виде войны особенно неудачной... от закона 9 ноября останутся только обгорелые головешки да трупы»³³⁹.

«Не подлежит... сомнению, — писал С. Ю. Витте, — что на почве землевладения... и будут разыгрываться дальнейшие революционные

пертурбации в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят придать в последние годы, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных»³⁴⁰.

Авторитетная группа аграрных историков, исследовавшая последствия столыпинской реформы на массовых материалах Тамбовской губернии, делает вывод, что «большинство крестьян Тамбовской губернии не поддержало программу разрушения общины. Конфликты... доходили до вооруженных столкновений... Ни столыпинская реформа, ни Первая мировая война не отвлекли крестьянство от решения главного вопроса – вопроса о земле... Важнейшей особенностью менталитета и непосредственно социально-политического движения традиционного крестьянства стала *готовность к восстанию*, поскольку государство явно не оправдало их социальных ожиданий»³⁴¹.

«После революции 1905–1907 гг. в деревне больше не было крупных массовых выступлений, – писал известный исследователь А. Я. Аврех. – Преобладающий характер имели, так сказать, первичные формы массового протеста... – порубки, поджоги, потравы, столкновения с чиновниками-землеустроителями. Тем не менее наблюдатели, знавшие деревню, в один голос оценивали ситуацию в ней как крайне социально напряженную и взрывоопасную. Дело тут заключалось в революции в умах десятков миллионов крестьян, в отказе от прежней патриархальной психологии... уходила в прошлое приниженность крестьянина перед попом, чиновником, баринном. Особенно такое умонастроение было характерно для деревенской молодежи...»³⁴² На резкие изменения в ментальности крестьянских масс указывают многие исследователи. Это проявлялось прежде всего в трехкратном – даже по сравнению с революцией – росте числа религиозных преступлений (см. таблицу 8.6). По некоторым данным, число последователей различных сект достигло 5 млн., а вместе со старообрядцами их число составляло 35 млн. человек. Защищавшая помещиков церковь потеряла свой прежний авторитет; традиционная идеология, выражавшаяся лозунгом «за веру, царя и отечество», вытеснялась оппозиционными идеологическими направлениями³⁴³. Очевидно, что с ослаблением традиционализма самодержавие теряло почву под ногами и лишалось большей части своих приверженцев. Эти процессы полностью соответствовали прогнозу демографической структурной теории, которая утверждает, что нарастание государственного кризиса сопровождается ослаблением официальной идеологии и распространением диссидентских течений.

Как отмечалось выше, имели место также и изменения в ментальности рабочих, отчасти связанные с притоком разоренных и озлобленных крестьян из деревни. Р. Пайпс отмечает, что в 1914 году более половины рабочих Петербурга были пришлыми и эти слои считали даже эсеровскую программу слишком умеренной, предпочитая ей более эмоциональные лозунги большевиков и анархистов³⁴⁴. Появились новые черты в отношениях рабочих и городских высших сословий, такие, как демонстративное отвержение рабочими принятого среди высших сословий европейского костюма. Рабочие требовали от заводской администрации обращаться к ним на «вы», и эти требования отразились в многократном росте жалоб рабочих в фабричную инспекцию. Чрезвычайно важным было то обстоятельство, что в результате ослабления традиционализма рабочие больше не чувствовали социал-демократов и интеллигентов — исчез тот традиционалистский барьер, который когда-то разделял крестьян и народников, а потом сказывался в движении 9 января. Более того, многие из рабочих считали РСДРП не «интеллигентской», как прежде, а своей, «рабочей» партией. В связи с этим обращает на себя внимание обнаруженная Ю. И. Кирьяновым и Л. И. Бородкиным высокая корреляция между числом распространенных социал-демократами листовок и количеством стачечников (0,88)³⁴⁵.

Суммируя имеющиеся данные, известный американский историк Л. Хаймсон считает возможным говорить о революционных изменениях в менталитете — о «революции растущих надежд», связанной с высвобождением масс из-под гнета традиционной психологии покорности и с резким ростом социальных требований³⁴⁶. Эта психологическая революция привела к тому, что, хотя репрессии 1907–1911 годов нанесли тяжелый удар рабочему движению, оно довольно быстро восстановилось. Как показывает статистический анализ, новая волна была лишь в небольшой степени связана с динамикой заработной платы — рабочие требовали повышения своего социального статуса, и забастовки носили по большей части политический характер. Это в особенности проявилось в 1912 году, когда Ленский расстрел и знаменитая фраза министра внутренних дел А. А. Макарова «Так было и так будет впредь» вызвали новую волну массовых политических стачек. Положение быстро обострялось, и в 1913 году количество стачечников достигло уровня революционного 1906 года. В стачечной борьбе предвоенного периода ярко проявлялась связь между интенсивностью политических стачек и концентрацией рабочих в крупных промышленных центрах, во главе ее шли рабочие-металлисты Петербурга. В июле 1914 года еще один расстрел вызвал всеобщую

стачку, демонстрации и беспорядки в Петербурге; бастовало 130 тыс. человек, в некоторых районах города были возведены баррикады³⁴⁷. Оценивая события лета 1914 года, А. Ф. Керенский писал, что в те дни он был твердо уверен в близости революции³⁴⁸.

Петербургская стачка происходила в разгар внешнеполитического кризиса, когда русскому правительству приходилось принимать решение о действиях ввиду назревавшего военного конфликта. Назревание мировой войны остро чувствовалось в политических сферах, и вопрос о будущей войне с Германией вновь породил разногласия между монархией и оппозицией. Вестернизованная оппозиция в силу своей идейной близости с англо-французскими либералами выступала за войну и надеялась, что война поможет ей в борьбе с правительством. Этатистская группировка в правительстве продолжала следовать принципам бонапартизма, ориентировалась на Германию и выступала против войны³⁴⁹. В феврале 1914 года один из лидеров этатистов П. Н. Дурново в уже цитированной нами «Записке» писал о невыгодности для России войны с Германией и, в частности, предупреждал Николая II, что оппозиция, как и в 1905 году, использует поражение в войне, чтобы разжечь новую революцию, что это приведет к социальному взрыву. *«Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»*³⁵⁰.

«Этот документ, обнаруженный и опубликованный после революции, — пишет Р. Пайпс, — так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку»³⁵¹. Логика «предсказания Дурново» достаточно проста: в случае неудачи в войне с Германией должно повториться в более сильной степени то, что уже происходило после неудачной войны с Японией, то есть в революцию

1905 года. П. Н. Дурново предсказывал, что недовольные фракции элиты снова начнут агитационную кампанию и революционеры поднимут на восстание крестьянство, пообещав ему землю. В действительности, как мы увидим ниже, это предсказание оказалось неточным: в феврале 1917 года произошла «революция без революционеров»; крестьян-солдат никто не агитировал, обещая им землю, они уже не нуждались в агитации — они поднялись сами собой.

В конечном счете Россия решила вступить в войну. Характерно, что это решение было принято по инициативе министра-либерала С. Д. Сазонова, который (исполняя наказ английского министра Э. Грея) почти час уговаривал Николая II объявить всеобщую мобилизацию³⁵². Либералы преследовали свои политические цели: кадет Ф. И. Родичев утверждал, что «война, которую мы ведем бок о бок с англичанами и французами, приведет нас к полному торжеству свободы»³⁵³. Эта мысль, как свидетельствует П. Н. Милюков, «стала аксиомой для всех прогрессивных общественных мнений»³⁵⁴. Не только этакисты — П. Н. Дурново, С. Ю. Витте, В. П. Мещерский — не только Г. Распутин (который «часто говорил их величествам, что с войной все будет кончено для России и для них»³⁵⁵) — но и многие министры считали решение вступить в войну чрезвычайно рискованным. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков, подписывая указ о мобилизации, сказал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...»³⁵⁶ Как отмечалось позднее в записке, поданной МВД начальнику Генштаба генералу М. В. Алексееву, «Германия, начиная войну, была уверена, что у нас немедленно же вспыхнет поднятое рабочими революционное движение, что мятежи и внутреннее недовольство совершенно парализуют нашу военную мощь»³⁵⁷.

8.14. МЕХАНИЗМ БРЕЙКДАУНА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

«Среди историков существует мнение, — отмечает Э. Хобсбаум, — о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не Первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»³⁵⁸.

Однако вопрос о том, что было бы, если бы не было войны, в принципе не имеет право на постановку — и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. А. Н. Боханов подсчитал, что в XVI веке русское государство воевало 43 года, в XVII веке — 48 лет, в XVIII веке — 56 лет, в XIX веке — 30 лет³⁵⁹. Конечно, не все эти войны были большими войнами с «великими державами». Специфика ситуации второй половины XIX столетия заключалась в том, что большая война почему-то запаздывала, между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI — первой половине XIX века в среднем составляли лишь 16 лет³⁶⁰. Последний мирный период был очень длинным потому, что русское правительство сознавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на большие дипломатические уступки, как было, например, во время боснийского кризиса 1908 года — эти уступки воспринимались тогда как публичное унижение России³⁶¹. Однако, как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х годах неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт³⁶². «Продолжавшееся международное напряжение и напряжение от гонки вооружений — все это создавало настроение, в котором война воспринималась почти как облегчение... — отмечает Д. Джолл. — Предшествующий международный кризис, рост вооружений и флота и настроение, которое они создавали, — все это позволяло определить, что эта конкретная война не могла не разразиться в данный момент»³⁶³.

Таким образом, война была неизбежной исторической реальностью, и нам предстоит еще раз описать и проанализировать механизм действия демографически-структурной теории в условиях войны. Большое значение при этом имеет то обстоятельство, в какой фазе демографического цикла происходит война. Как отмечалось ранее, в соответствии с концепцией Дж. Голдстоуна война (если она не сопряжена с вторжением противника в глубь страны) не может вызвать брейкдаун в периоды низкого давления, но способствует брейкдауну в период Сжатия. В пункте 5.5, анализируя механизм кризиса в период Крымской войны, мы отмечали, что он имел три направления развития. Первая встававшая перед страной проблема заключалась *в нехватке вооружений, что вело к военным поражениям и ослаблению авторитета власти*. Вторая проблема заключалась в том, что в обстановке Сжатия и перманентного финансового кризиса го-

сударство могло финансировать войну лишь за счет эмиссии бумажных денег, что приводило к *гиперинфляции, развалу рынка и в перспективе – к нарушению снабжения городов*. Третья – и главная – проблема заключалась в том, что Сжатие, крестьянское малоземелье и народная нищета, вызывали *глубокий социальный раскол общества*, что в условиях военных тягот было *чревато восстаниями крестьян-ополченцев и народными восстаниями в тылу*.

Интересно отметить, что П. Н. Дурново в цитированной выше записке выделяет, причем во взаимосвязи, первую и третью проблему, но не говорит о второй – видимо, потому что финансовые трудности во время непродолжительной русско-японской войны были разрешены с помощью внешних займов и не вызвали гиперинфляции. Однако необходимо напомнить, что именно финансовый кризис был одной из главных причин, заставивших Россию подписать Портсмутский мир.

В отличие от предыдущих войн, в которых участвовала Россия, новая война была огромной по масштабам и намного более длительной. Масштабы войны были следствием технологических революций XIX века: железные дороги позволили мобилизовать и отправить на фронт многомиллионные армии, а фабричная промышленность позволила оснастить их оружием. Длительность войны была во многом обусловлена новым достижением военной техники, изобретением пулемета. Появление пулеметов дало решающее преимущество обороняющейся стороне и обусловило «окопный» характер долгой войны на истощение³⁶⁴.

Необходимо подчеркнуть также, что, согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности – в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия*, намного увеличившим его интенсивность.

В начале Первой мировой войны продовольственное положение было относительно благоприятным, и никто не предвидел будущих трудностей³⁶⁵. Экспорт, прежде сводивший внутреннее потребление к полуголодному уровню, был теперь запрещен; было запрещено и винокурение, таким образом, в стране должно было оставаться количество зерна, более чем достаточное для снабжения армии и тыла. В 1914 году урожай был средний, а в 1915 году – самый высокий за последнее десятилетие. Как показывают расчеты, душевое потребление в тылу в 1914/15–1915/16 годах составляло 23–25 пудов – то есть было не меньше, чем потребление населения в предвоенное время (см. таблицу 8.8).

Табл. 8.8. Хлебный баланс в 1914–1917 годах (без оккупированных территорий, Закавказья и Средней Азии)³⁶⁶.

	1914/15	1915/16	1916/17
Посевная площадь (млн. дес.)	85,7	82,4	75,9
Высев (млн. пуд)	728	700	645
Сбор (млн. пуд)	4660	4800	3968
Чистый остаток (млн. пуд)	3932	4100	3323
Потребление армии (млн. пуд)	317	598	486
Вывоз (млн. пуд)	33	42	3
Винокурение (млн. пуд)	22	10	10
Остаток (млн. пуд)	3560	3449	2824
Население (млн.)	162,0	141,4	143,6
Армия (млн.)	6,5	11,6	14,7
Беженцы (млн.)	0,0	10,0	10,0
Потребители в тылу (млн.)	155,5	139,8	138,9
Душевое потребление в тылу (пуд.)	22,9	24,7	20,3

К весне 1915 года в армию было мобилизовано 6,3 млн. человек, а к весне 1917 года — 13,5 млн., что составляло 47% трудоспособного мужского населения. Это привело к резкому изменению демографической ситуации в деревне, на смену избытку рабочей силы пришел ее недостаток. В семи губерниях Черноземья (Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской) без работников-мужчин осталось 33% хозяйств, во многих хозяйствах земля была засеяна лишь благодаря старой традиции общинных «помочей». Не хватало работников и в помещичьих хозяйствах. Арендная плата по семи губерниям упала с 41% урожая в 1912–1914 годах до 17% в 1915 году и 15% в 1916 году; резко возросла оплата батраков (в Тамбовской губернии — на 60–70%). На юге, в Новороссии, не получавшие прежней прибыли помещики стали сокращать запашку, в Херсонской губернии к 1916 году владельческая запашка сократилась в 2,3 раза. Однако в целом по стране, если не учитывать потерю оккупированных территорий, уменьшение посевных площадей было незначительным (в Центрально-Черноземном районе — на 4%)³⁶⁷.

Как отмечают многие авторы, с чисто продовольственной точки зрения, положение крестьянства во время войны несколько улучшилось³⁶⁸, но в плане уменьшения социальной напряженности это не имело существенного значения. Отношение к правительству и к войне определялось негативной инерцией предшествующего периода. «Село, и прежде антигосударственное по настроению, — отмечают В. А. Дьячков и Л. Г. Протасов, — не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первое место борьбу за землю и волю, против помещиков, хуторян... против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А. А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги... Внутренний конфликт, ненависть к „врагу внутреннему“ были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением»³⁶⁹. С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь «мужиков» посылали умирать на непонятной для них войне. Во время мобилизации «плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно»³⁷⁰.

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян³⁷¹. Исследователи крестьянского менталитета отмечают, что в основе отношения крестьян к войне лежало традиционное фаталистическое восприятие ее как стихийного бедствия, наподобие засухи и неурожая. Поэтому крестьяне и на этот раз в своей массе подчинились судьбе: 96% мобилизованных явились на призывные пункты³⁷². Но на многих призывных пунктах неожиданно вспыхнули стихийные волнения, которые пришлось усмирять силой, по неполным официальным данным, при подавлении этих бунтов было убито 216 призывников. Власти пытались объяснить эти волнения несвоевременным введением «сухого закона», что не позволяло провозжать призывников «по обычаю». Однако Дж. Санборн приводит примеры, когда официальное объяснение было заведомо ложным, и показывает, что в основе волнений лежало социальное недовольство. Мобилизация сопровождалась огромным потоком жалоб но то, что «богатые» уклоняются от призыва, что «за 100 рублей можно получить бронь»³⁷³. Генерал С. А. Добровольский, начальник мобилизационного отдела писал об обилии «всевозможных просьб... об освобождении, или, по крайней мере, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толпы народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии»³⁷⁴.

Таким образом, фактор социального раскола проявился в самом начале войны; при этом *раскол приобрел еще одно измерение*: простонародье должно было идти на фронт умирать, в то время как элита и ее служители могли отсиживаться в тылу. Социальный раскол в значительной мере определил постепенно развивающееся противостояние фронт — тыл; он обусловил ненависть и презрение фронтовиков к «тыловым крысам», включая полицию, штабных офицеров, высшее командование и правительство. После понесенных поражений крестьянская ненависть кристаллизовалась в обвинение в предательстве, адресуемое высшим офицерам, — то есть по преимуществу дворянам-помещикам, старым врагам крестьян. «Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий — предательство офицеров, особенно высших, и министров»³⁷⁵.

Однако конфликт фронта и тыла был более широким, чем традиционное противостояние народных низов и элиты, он втягивал в себя и средние слои, людей, которые прежде не проявляли социального недовольства, а теперь люто ненавидели тех, кто послал их умирать, а сам отсиживался в тылу. Эта ненависть проявлялась, в частности, в отказах фронтовиков (в том числе казаков и офицеров) оказывать помощь полиции в подавлении голодных бунтов (о чем пойдет речь ниже). Как отмечал А. Уайлдман, внутренняя логика армейской жизни в годы войны в большей степени вела к бунтарству, нежели любая пропаганда³⁷⁶.

Многие наблюдатели отмечали, что мобилизованные крестьяне не понимали, ради чего они должны идти на войну³⁷⁷. «У них не было никакого представления о том, ради чего они воюют, — свидетельствует британский военный атташе А. Нокс, — не было у них и сознательного патриотизма, способного укрепить их моральный дух перед зрелищем тягчайших потерь...»³⁷⁸. «Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все, что от него требует власть, — писал генерал Ю. Н. Данилов, — он терпел, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания»³⁷⁹. Едва ли не единственной внутренней мотивацией крестьянского участия в войне — но мотивацией неофициальной, исключительно на уровне бытового сознания — были слухи о том, что после окончания войны солдаты-победители получают землю. Эти слухи были аналогичны слухам 1812 и 1855 годов о том, что крепостные-ополченцы получают свободу. Однако по мере затягивания войны ничем не подкреплявшиеся надежды постепенно рассеивались³⁸⁰.

Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. В. Родзянко приводил примеры, когда

во время атаки с поля боя дезертировало до половины солдат, подчеркивая, что это примеры «далеко не единственные»³⁸¹. К концу 1914 года в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространившиеся сдачи в плен³⁸². Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Осенью 1914 года на Восточном фронте 3 млн. русских сражались с 1,5 млн. австрийцев и немцев, и к концу года русские потери достигли 1,4 млн. Уже в начале 1915 года закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. В июле 1915 года в сражении на реке Нарев тысячи солдат не имели винтовок, а для артиллерии была установлена норма в 5 выстрелов на орудие в сутки. Немецкие же орудия были обеспечены 600–1000 выстрелами. В день немецкого наступления артиллерийская подготовка продолжалась пять часов, и за это время обороняющиеся потеряли 30% боевого состава³⁸³. Военный министр А. А. Поливанов говорил на заседании Совета Министров 16 июля: «...Пользуясь огромным преобладанием артиллерии немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами...»³⁸⁴. Д. Ллойд-Джордж писал: «Русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление»³⁸⁵.

Таким образом, *механизм кризиса начал действовать: недостаток вооружений привел к поражениям 1915 года и к резкому падению авторитета власти*. П. Н. Дурново предсказывал, что, как и в 1905 году, поражения в войне вызовут кампанию обвинений в адрес правительства со стороны либеральной оппозиции и требования поделить власть — и действительно, поражения 1915 года вызвали яростную антиправительственную кампанию в Думе и формирование оппозиционного «Прогрессивного блока» из прогрессистов, кадетов, октябристов и части националистов. Однако на конференции кадетов в июле П. Н. Милюков снова напомнил призывающим к революции о призраке Разина и Пугачева: «Это была бы не революция, — говорил лидер кадетов, — это был бы ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный... Какова бы ни была власть — худа или хорошая, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо»³⁸⁶.

В силу этих опасений программа блока была чрезвычайно скромной, она включала амнистию политзаключенных, отмену национальных ограничений, расширение местного самоуправления и тщательно обходила главные вопросы о земле и равном избирательном праве. По существу, единственным лозунгом, объединяющим оппозицию, было создание «министерства доверия» с участием думских лидеров. Р. Пайпс отмечает, что Николая II приводили в ярость политики, игравшие в свои игры, когда войска на фронте истекали кровью. Решив проявить твердость, царь распорядился прервать заседания Думы на несколько месяцев³⁸⁷. Наученная опытом 1905 года, оппозиция не обращалась за поддержкой к рабочим, и роспуск Думы прошел относительно спокойно; таким образом, вопреки предсказанию П. Н. Дурново, антиправительственная кампания не вызвала массовых революционных выступлений³⁸⁸.

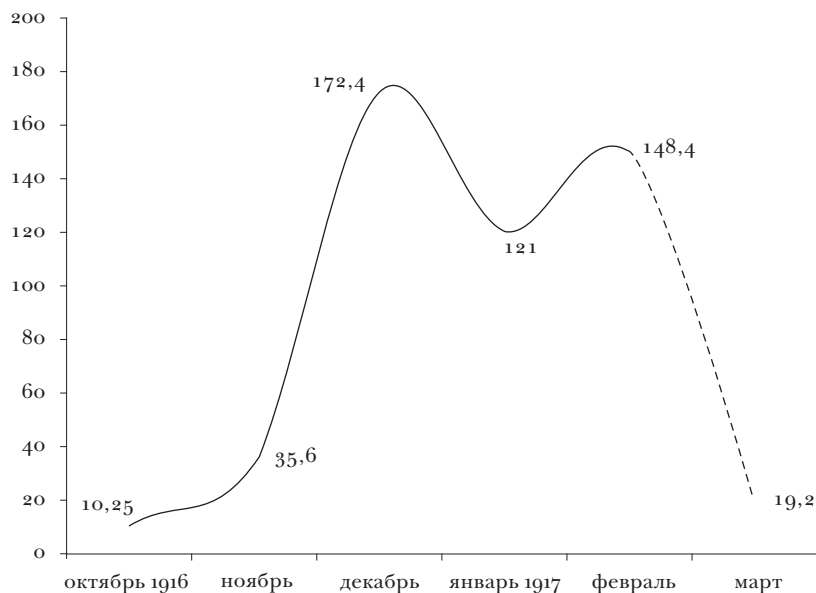
Разгромленные русские армии потеряли в летней кампании 1915 года 2,4 млн. солдат, в том числе 1 млн. пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич писал военному министру: «Получаются сведения, что в деревнях... уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»³⁸⁹. Н. Н. Янушкевич добавлял, что солдатам незнакомо само понятие «патриотизм», что тамбовец — патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому — тут генерал затрагивал главный вопрос — солдата «надо поманить», пообещать ему земельный надел в 10 десятин³⁹⁰. На заседании 30 июля А. А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры»³⁹¹. А. И. Гучков рассказывал, что бывали случаи, когда целые роты вместо контратаки подходили к позициям противника и поднимали ружья — сдавались³⁹². «Стойкость армии стала понижаться и массовые сдачи в плен стали обычным явлением», — свидетельствует А. А. Брусилов³⁹³. Большие потери, массовые сдачи в плен и дезертирство привели к тому, что осенью 1915 года на фронте осталось только 870 тыс. солдат — втрое меньше, чем в начале войны. Ввиду столь тяжелого положения началась мобилизация старших призывных возрастов, 30–40-летних мужчин, отцов семейств. В деревнях при проводах мобилизованных происходили душераздирающие сцены: миллионы похоронок открыли масштабы кровавой бойни и стало ясно, что у уходящих немного шансов вернуться. Произошло 82 бунта, сопровождавшихся разгромами магазинов, вокзалов и полицейских участков: мобилизованные требовали отправить вое-

вать отсиживавшихся в тылу полицейских. Призывники разбежались по пути на фронт; по данным И. М. Пушкаревой, количество бежавших из маршевых эшелонов достигало сотен тысяч³⁹⁴. «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, — свидетельствует М. В. Родзянко, — и к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...»³⁹⁵

Характерным свидетельством отсутствия национального единства в расколотой жестоким социальным конфликтом стране было голосование думских фракций трудовиков и социал-демократов против военных кредитов осенью 1915 года. Л. Хаймсон отмечал, что среди политических партий воюющих стран русские трудовики и социал-демократы представляли собой единственные парламентские фракции, которые проголосовали против военных кредитов единогласно. «У рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации», — писал Л. Хаймсон³⁹⁶. То же самое, очевидно, можно сказать и о крестьянах.

Правительство пыталось заставить солдат сражаться. Были созданы специальные вооруженные команды для доставки мобилизованных на фронт. Была введена смертная казнь за саморанения; солдат предупреждали, что в случае сдачи в плен их семьи лишатся пайков, а сами они после войны будут отправлены в Сибирь³⁹⁷. Приказ командующего восьмой армией А. А. Брусилова гласил: «...Сзади нужно иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдать в плен»³⁹⁸. Были введены телесные наказания, и солдат стали пороть розгами за мельчайший проступок, например, за самовольную отлучку на несколько часов, а иногда просто, чтобы «поднять воинский дух»³⁹⁹. Естественно, что такие меры озлобляли солдат против офицеров и усиливали социальный раскол в обществе.

Осенью немецкое наступление остановилось; зимой благодаря налаживанию производства внутри страны и помощи союзников удалось улучшить снабжение армии винтовками и снарядами. Как показывают отчеты военных цензоров, за время зимней передышки настроение солдат улучшилось, и это позволило летом 1916 года бросить армию в наступление. Летняя кампания 1916 года превратилась в новую кровавую бойню, и если верить данным Генерального штаба, то потери убитыми и ранеными были лишь немногим меньшими, чем в 1915 году. Для характеристики морального состояния солдат осо-

Рис. 8.4. Динамика «ухода в плен» (тыс.)⁴⁰⁰.

бенно показательны потери пленными: в 1916 году эти потери составили 1,5 млн. солдат — притом, что армия не отступала, как в 1915 году, а наступала⁴⁰¹. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции⁴⁰². Эта тема широко представлена в письмах офицеров: «Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы», «австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, так и уходят» и т. д.⁴⁰³ Характерно также одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаю, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»⁴⁰⁴

Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн. пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленным, а в германской, английской и французской армиях — от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австрийской)⁴⁰⁵.

Особенно характерна динамика «ухода в плен» начиная с октября 1916 года, когда в условиях распутицы, а потом зимы, бои на фронте практически прекратились. В этот период началось «голосование ногами» — как видно из графика на рисунке 8.4, количество уходящих к противнику быстро росло и в феврале 1917 года достигло 148 тыс. человек. После революции появилась надежда — и в марте число пленных упало до 19 тыс.

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам, к началу 1917 года оно составляло 1,5 млн.⁴⁰⁶ Отмечались случаи отказа частей идти в наступление («забастовки солдат»), братания с солдатами противника. В солдатских письмах все чаще встречаются угрозы посчитаться с «пузанами, которые сидят в тылу»⁴⁰⁷. Летом 1916 года, по словам прибывавших на побывку солдат, на фронте были широко распространены слухи о том, что «после войны... будет война внутри России из-за того, что все богачи откупились и не несут военной службы, а сидят дома»⁴⁰⁸. В последние месяцы 1916 года цензоры Казанского военного округа отмечали в своих отчетах, что «такого уныния, как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. 2,5 года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Нет доверия к власти, нет и веры в себя. А остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы»⁴⁰⁹. В отчете за январь 1917 года был приведен отрывок из солдатского письма, отражающий, по мнению военно-цензурной комиссии, типичное настроение солдат: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови... купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье»⁴¹⁰.

Осенью 1916 года Петроградское жандармское управление отметило факты начавшегося разложения армии: массовую сдачу солдат в плен, дезертирство и вражду солдат к офицерам⁴¹¹ — характерное проявление обострения социальной розни. В октябре 1916 года произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; *возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной*⁴¹².

Еще более опасным для властей было положение на флоте. Генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен писал в Главный морской штаб в сентябре 1916 года: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль — через минуту раздастся взрыв... Мы судим, ули-

ченных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»⁴¹³.

«Ситуация в армии становилась все более безнадежной, — свидетельствует А. Ф. Керенский. — В январе 1917 года насчитывалось 1200 тысяч дезертиров, и число это постоянно росло. В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить разбегавшихся по домам солдат. Создавались особые отряды военной полиции для отлова дезертиров... Исчезла всякая воинская дисциплина. Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами, иногда уходя вместе с ними»⁴¹⁴.

Характерно, что процесс разложения русской армии не ускользнул от внимания германского генштаба и учитывался в оперативном планировании⁴¹⁵.

Таким образом, к началу 1917 года два фактора кризиса, о которых говорилось выше, — падение авторитета власти в результате военных поражений и ненадежность войск как следствие предшествовавшего войне Сжатия и военных тягот — подготовили почву для революции.

8.15. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ГОРОДАХ — ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА БРЕЙКДАУНА

Однако существовал еще и третий фактор: гиперинфляция, развал рынка и голод в городах. Как отмечалось выше, благодаря прекращению экспорта страна в целом была вполне обеспечена продовольствием. Однако помимо проблемы производства существовала еще проблема распределения продовольствия. В мирное время вопросы распределения продовольствия решались через рынок, и государство не вмешивалось в рыночную экономику, опасаясь нарушить интересы землевладельцев. Такой же политики самоустранения оно придерживалось и в первый военный год, не придавая особого значения проблеме распределения.

Между тем в 1915 году система рыночного распределения стала разрушаться в результате финансового кризиса и начавшейся быстрой инфляции. Как отмечалось выше, типичный механизм кризиса общества, находящегося в состоянии Сжатия, в условиях войны включал гиперинфляцию и развал рынка. Это объяснялось тем, что *Сжатие* вызывало финансовый кризис, и в этих условиях военные расходы могли финансироваться в основном лишь за счет эмиссии бумажных денег. Огромные военные расходы не могли быть профи-

нансированы, исходя из обычного бюджета. В 1914 году доходы бюджета составляли 2,8 млрд. руб., и поскольку увеличить доходы за счет налогов с населения было практически невозможно, то в 1915 году доходы формально остались на том же уровне (а с учетом инфляции существенно уменьшились). Между тем военные расходы за вторую половину 1914 года составили 2,5 млрд. руб., за 1915 год — 9,4 млрд., за 1916 год — 15,3 млрд.⁴¹⁶ Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация усугублялась условиями Сжатия. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов — внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы — и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90% средств, полученных на внутреннем рынке, и 74% военных расходов⁴¹⁷. В России Сжатие обуславливало бедность населения, поэтому за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд. из 30,5 млрд. руб. военных расходов царского правительства — то есть 25%⁴¹⁸.

Однако дело было не только в бедности: глубинной причиной возникших финансовых трудностей было нежелание населения оказывать поддержку властям, как деликатно выражается один из историков, «отсутствие должного понимания населением гражданского долга»⁴¹⁹. При этом необходимо отметить, что либеральная оппозиция агитировала за займы, и имущие слои населения вкладывали в них свои деньги — речь идет об отсутствии поддержки правительства со стороны простого народа⁴²⁰. Это было следствием вызванного Сжатием социального раскола.

Таким образом, выяснилось, что Россия не в состоянии самостоятельно финансировать войну, и союзники были вынуждены предоставить русскому правительству займы на общую сумму в 6,3 млрд. руб., что составило 21% военных расходов⁴²¹. Однако несмотря на эту помощь, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования армии — печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», — констатирует А. Л. Сидоров⁴²². В конечном счете к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России — ввиду

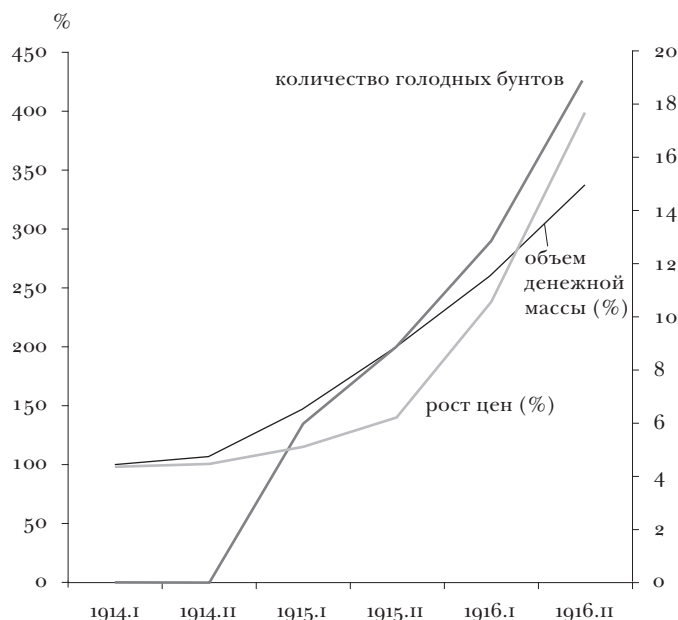

Рис. 8.5. Количество денег в обращении, индекс цен и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям⁴²³.

отмеченных обстоятельств — эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева, к весне 1917 году количество бумажных денег в обращении увеличилось во Франции на 100 %, в Германии — на 200 %, а в России — на 600 %⁴²⁴.

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции, разрушению экономических связей и к потере хозяйственной, а потом и административной управляемости. В 1915 году цены росли медленнее, чем денежная масса, в первом полугодии 1916 года рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы (см. рисунок 8.5). В соответствии с общеэкономическими законами это означало, что сократилось количество поступавших на рынок товаров, в том числе главного товара — хлеба. Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы продать его с большей выгодой, когда цена возрас-

тет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого, в первую очередь, страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные очереди и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событий хорошо известны в истории, и мы напомним лишь три из них.

Первый пример — это события в Австро-Венгрии, которая переживала такой же продовольственный кризис, что и Россия — и по тем же причинам: помещики и крестьяне не желали продавать зерно за обесценившиеся деньги. Министр иностранных дел О. Чернин писал 15 января 1918 года: «Мы стоим непосредственно перед продовольственной катастрофой... Через несколько недель остановится наша военная промышленность и наше железнодорожное сообщение, снабжение армии станет невозможным и ее ожидает катастрофа»⁴²⁵. 16 января началась всеобщая стачка, сопровождаемая 100-тысячными демонстрациями и выступлениями голодающих рабочих в Вене, Будапеште и в других городах. В этой обстановке австрийское правительство поспешило заключить мир с украинской Центральной радой; 42 тыс. вагонов хлеба, доставленного с Украины, спасли миллионы людей, писал О. Чернин⁴²⁶. Благодаря спешному заключению мира и ввозу продовольствия Австрия избежала революции в январе 1918 года — Николай II тоже пытался заключить мир, но даже в случае его подписания Россия не смогла бы получить хлеб в какой-нибудь оккупированной стране. Впрочем, Австро-Венгрии тоже не удалось избежать своей судьбы: революция была лишь отсрочена на восемь месяцев, а затем последовало то же, что и в России — массовые выступления измученных войной солдат и стихийный передел земли в деревне.

Второй пример — это события Великой Французской революции. В 1792 году, во время войны с Австрией и Пруссией, все лица, годные к военной службе, были допущены в национальную гвардию — то есть народ получил в свои руки оружие. Как и в 1914–1917 годах, война финансировалась за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 года Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков» и предупреждал о грядущих восстаниях⁴²⁷. 24–26 февраля 1793 года по Парижу прокатилась первая — чисто стихийная — волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое; организован-

ное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая — 2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но довольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый — снова стихийный — голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»⁴²⁸.

Аналогия в развитии событий в России и в революционной Франции бросалась в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. В ноябре — декабре 1916 года на эту аналогию обращалось внимание в выступлениях на заседаниях Всероссийской сельскохозяйственной палаты⁴²⁹. 25 января 1917 года министр финансов П. Л. Барк, выступая на Петроградской конференции Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4–5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то «возможна катастрофа, как во время французской революции»⁴³⁰.

Еще один пример — это упоминавшийся выше московский Медный бунт 1662 года. Он также произошел во время тяжелой войны, когда правительство, с одной стороны, проводило большие мобилизации, а с другой стороны — финансировало войну с помощью чеканки медных денег с номинальной стоимостью. В результате цены в городах резко возросли, и в Москве вспыхнул бунт, в котором участвовали, в том числе, и солдаты полков «иноземного строя». Бунт был подавлен полками стрельцов, которые сохранили верность правительству, но одно время положение было очень опасным. Благополучный исход этого кризиса был обусловлен в основном тем обстоятельством, что страна находилась в фазе демографического восстановления, земли было много, уровень жизни был относительно высоким, и общество не было расколото жестоким социальным конфликтом (крепостное право еще не успело оказать своего негативно-го воздействия). В 1917 году ситуация была иной.

Указанные примеры говорят о том, что события, подобные Февральской революции 1917 года, могут происходить и в традиционном обществе, и что участие промышленных рабочих в февральских событиях в конечном счете не было определяющим моментом.

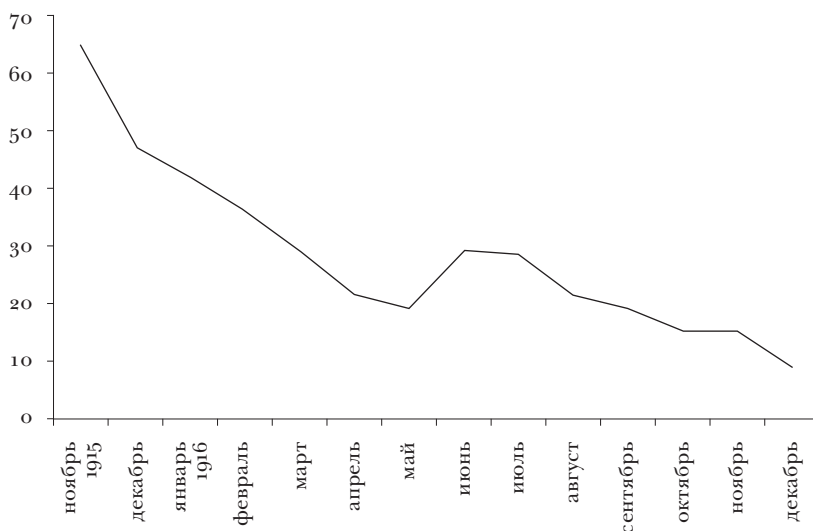
В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 года. А. Н. Хвостов, вскоре назначенный министром внутренних дел, уже в октябре этого года предупреждал о надвигающемся топ-

ливном и продовольственном кризисе в Центральных и Северных районах⁴³¹. По данным анкетирования, произведенного в сентябре 1915 года, в Центрально-промышленном районе 88% городов испытывали недостаток в хлебе; от недостатка хлеба страдали и многие города Черноземья — хотя в соседних деревнях зерна было более чем достаточно. Для того чтобы обеспечить снабжение городов и закупки для армии, большинство губернаторов Европейской России запретили вывоз хлеба за пределы своих губерний, до крайности затруднив хлебную торговлю. Это вынудило хлебных торговцев искать всевозможные лазейки, давать взятки чиновникам и обходить запреты. Многие солидные фирмы, оказавшиеся не в состоянии встать на этот путь, были вынуждены прекратить свою деятельность, а те, которым удавалось провезти хлеб, продавали его по спекулятивным ценам⁴³².

Население городов отвечало стихийными бунтами, сопровождавшимися разгромом магазинов и торговых кварталов. На графике 8.5 учтены лишь крупные бунты с тысячами участников, отмеченные массовыми беспорядками и столкновениями с полицией и войсками. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывал сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2–3 мая 1916 года в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 году было 9 таких случаев⁴³³.

График на рисунке 8.6 иллюстрирует постепенное ухудшение положения в торговле и уменьшение запасов на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Запасы обычно достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 года запасы составили 65 млн. пудов, затем в ходе обычного торгового цикла они постепенно уменьшались. Но — в отличие от предыдущих лет — осенью 1916 года запасы не возросли. Урожай 1916 года был значительно хуже, чем в 1915 году, и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне, не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы уменьшились до критического уровня⁴³⁴.

В результате паралича торговли в промышленных губерниях, питавшихся в значительной мере привозным хлебом, наблюдался рез-

Рис. 8.6. Видимые запасы «главных хлебов» (млн. пуд.)⁴³⁵.

кий рост цен. На картограмме, показывающей уровень осенних цен 1916 года (рисунок 8.7) выделяется область высоких цен, охватывающая Центрально-промышленный район и Северо-Запад. Тяжелое положение сложилось также в Белоруссии. Минская губерния до войны получала в месяц 4500 вагонов продовольствия, а в 1916 году — только 200 вагонов⁴³⁶.

В течение всего лета 1916 года в правительстве шла борьба между сторонниками государственного регулирования цен и приверженцами «laissez faire». Еще в конце 1915 года бюджетный комитет Думы, выражая интересы помещиков, протестовал против установления введенных тогда твердых цен на хлеб, закупаемый для армии. В июле 1916 года более реалистически мыслящий Госсовет потребовал установления обязательных для всех максимальных цен на хлеб, которые были введены с 9 сентября. Эти «твердые» цены были выше летних, но уже вскоре они оказались ниже, чем поднявшиеся цены свободного рынка. Производители отказывались продавать хлеб по «твердым ценам», и они почти нигде не соблюдались, даже при государственных закупках. 10 октября на Особом совещании по продовольственному вопросу был выдвинут проект введения карточной системы, но он не был принят за отсутствием «технических средств» к выполнению⁴³⁷. Между тем война диктовала необходимость государственного контроля за распределением продуктов, и во всех воюющих

государствах уже были введены соответствующие меры, но в России сопротивление либералов препятствовало их введению. В итоге многим городам приходилось вводить свои карточки, но продажа продуктов по ним осуществлялась в небольших размерах и была лишь дополнением к свободному рынку⁴³⁸.

Как отмечает С. П. Мельгунов, противодействие либералов подобным попыткам властей возникало от ненависти «прогрессивного общества» к немецкой системе государственного регулирования («Zuchthaus»). На совет французского социалиста Альбера Тома военизировать работу оборонных предприятий, что должно удешевить их производительность, председатель Совета министров Б. В. Штюрмер ответил, что подобная мера поднимет всю Думу против правительства⁴³⁹. Более того, правительство сознательно позволяло промышленникам получать сверхприбыли, думая этим откупиться от либеральной оппозиции. Цены на поставку оружия частными предприятиями были намного выше, чем цены казенных предприятий, например, по артиллерийским снарядам — почти вдвое⁴⁴⁰. Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский в следующих словах передавал свой разговор с императором:

НИКОЛАЙ II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

МАНИКОВСКИЙ: Ваше величество, они и без того наживают на поставках 300%, а бывают случаи, что получают даже более 1000% барыша.

НИКОЛАЙ II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

МАНИКОВСКИЙ: Ваше величество, это хуже воровства, это — открытый грабеж.

НИКОЛАЙ II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение⁴⁴¹.

Между тем вследствие отсутствия эффективного государственного регулирования продовольственное положение быстро ухудшалось; в октябре было закуплено 49 млн. пуд., что составляло лишь 35% от запланированного количества хлеба, в ноябре — 39 млн. пуд. (38%). В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусиллов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках⁴⁴².

Видел ли Николай II нарастающую угрозу? Царь все видел и понимал. «Наряду с военными делами меня все более волнует вечный вопрос о продовольствии, — писал Николай II императрице 20 сентября 1916 года. — Сегодня Алексеев дал мне письмо, полученное им от милейшего кн. Оболенского, председателя комитета по продовольствию. Он открыто признается, что они *ничем не могут облегчить по-*

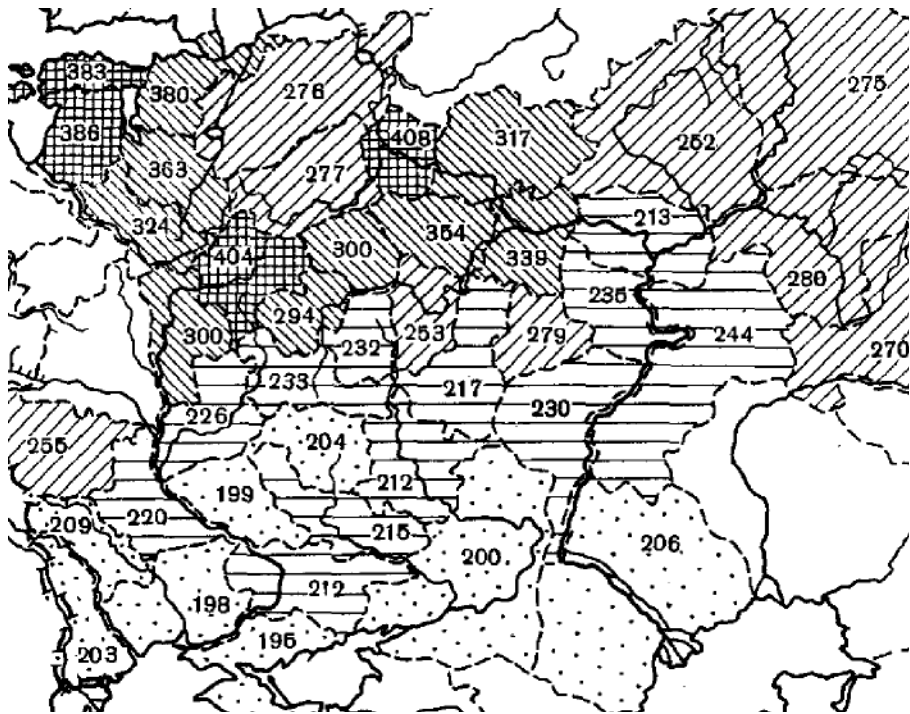

Рис. 8.7. Цены на рожь осенью 1916 года (коп. за пуд.)⁴⁴³.

ложения... (выделено царем — С. Н.) цены все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положение дел»⁴⁴⁴. 16 сентября по совету Г. Распутина царь назначил управляющим Министерством внутренних дел одного из лидеров октябристов, А. Д. Протопопова; ему было дано указание взять на себя решение продовольственного вопроса и начинать с этого вопроса каждый доклад⁴⁴⁵. «Главной заботой правительства было продовольствие, — свидетельствует А. Д. Протопопов. — Явилась на местах так называемая „бисерная забастовка“ ... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна»⁴⁴⁶.

29 ноября новый министр земледелия А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по «твердым ценам», далее он распределялся по уездам и волостям и в течение 35 дней должен был доведен до производителей — помещиков и крестьян. В течение 6 месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государственным уполномоченным. Всего предполагалось закупить

772 млн. пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов⁴⁴⁷.

А. А. Риттих предполагал, что он «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания⁴⁴⁸. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн. пудов на 23 января реально разверстано волостями лишь 4 млн. пудов, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»⁴⁴⁹. За две недели до революции А. А. Риттих пессимистически признал, что действительно «может наступить катастрофа»⁴⁵⁰. В конечном счете к лету 1917 года, уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн. тонн зерна вместо намеченных 772 млн.⁴⁵¹

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 года было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к «твердым ценам» за доставку зерна на железнодорожные станции; широко использовались угрозы реквизиции у не желавших продавать хлеб помещиков. В декабре удалось закупить 63 млн. пудов (52 % к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20 %, в феврале — на 30 %⁴⁵².

А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 года 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 года только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200. Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности, в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы⁴⁵³.

Городское население какое-то время жило за счет запасов, еще имевшихся в торговой сети и на элеваторах (см. рисунок 8.6), но они быстро подходили к концу. К концу 1916 года продовольствен-

ный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже населению продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 года карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах. В некоторых городах, в том числе в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало⁴⁵⁴. «Москва скоро совсем не будет иметь никаких запасов муки, — писал М. В. Родзянко в цитируемой выше записке. — Не лучше положение Петрограда... О провинции и говорить нечего... Пермская губерния обеспечена запасами зерна только до половины марта... Многие рудники и заводы [Юга] остались почти совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода... Разверстка, предпринятая Министерством земледелия, определенно не удалась... Следовательно, в течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего с всероссийской голодовкой»⁴⁵⁵.

«В конце января, — вспоминал А. Ф. Керенский, — ЦК союзов городов и земств представил правительственной Комиссии по снабжению меморандум следующего содержания: „Города получили лишь пятую и восемнадцатую долю поставок, причитавшихся им, соответственно, на ноябрь и декабрь 1916 года. Все запасы исчерпаны. В феврале хлеба не будет“. И действительно, в феврале в городах хлеба не было. В провинции разгорались голодные бунты. 10 февраля в Петрограде начались „волнения“, спровоцированные по выражению властей „нехваткой продовольствия“. Голод толкал рабочих на выступления, перераставшие в бунты...»⁴⁵⁶

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справлявшиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях⁴⁵⁷. Данные, приводимые Н. Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 — апрель 1917 года Петербургский и Московский районы не получили 71% планового количества хлебных грузов, на 80% эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10% — неподачей вагонов⁴⁵⁸. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 года фронт получил 74% про-

довольствия, в декабре — 67%. 87% непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13% — по вине железнодорожников⁴⁵⁹.

Что касается технического состояния железнодорожного транспорта, то количество паровозов составляло в 1914 году 20 тыс., в 1916 году — 19,9 тыс., количество товарных вагонов соответственно 485 и 504 тыс., доля «больных» вагонов — 3,7% и 5,6%; интенсивность перевозок увеличилась за это время на одну треть. До начала 1917 года положение на транспорте оставалось еще более-менее удовлетворительным, резкое ухудшение наступило уже после Февральской революции⁴⁶⁰. Таким образом, до февраля 1917 года *техногенный фактор не играл существенной роли в развитии кризиса.*

Подводя итоги описанию экономической ситуации в 1916 году, можно констатировать, что вызванный войной и предшествующим Сжатием финансовый кризис привел к разрушению экономических связей, к потере хозяйственной управляемости и к голоду в городах. В соответствии с демографически-структурной теорией следующим этапом должна была быть потеря административной управляемости и коллапс государства.

8.16. ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Уже осенью 1916 года повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась стихийная забастовка 30 тыс. рабочих Выборгского района Петрограда. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тыс. солдат 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано. Однако забастовка продолжалась еще несколько дней и число бастующих достигло 75 тыс.⁴⁶¹

События 17–19 октября 1916 года по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23–28 февраля 1917 года, и Л. Хаймсон назвал их *репетицией Февральской революции*⁴⁶². Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев

представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «оппозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 года и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности. В городах Центрального района, резюмировал А. Т. Васильев, положение несколько менее напряженное, чем в столицах, что же касается деревень, то там сохраняется «спокойное, даже скорее безразличное отношение ко всему тому, что беспокоит городское население». Среди всех слоев населения наблюдается «охлаждение к войне», результатом которого является «растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен („уходы в плен“»)». Отношение к Думе изменилось, потому что она «сильно разочаровала массы». Что касается революционного движения, то в результате мобилизации в войска «революционных организаций, как таковых, почти нигде не существует». «Сопоставляя все выше приведенные признаки... — заключает А. Т. Васильев, — обязуюсь доложить, что признавая положение безусловно... угрожающим государственному порядку... возможностью возникновения в разных местностях империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, что нарастающее движение в настоящее время носит еще характер экономического, а не революционный»⁴⁶³.

Так же как и П. Н. Дурново, А. Т. Васильев основывался на опыте 1905 года и полагал, что не может быть «революции без революционеров», что сначала должна быть пропагандистская кампания в законодательных учреждениях и агитация революционных организаций, которая поднимает народ на стачки, демонстрации, а потом и на восстания. Это был сценарий революций 1848 года, превратившийся позже в сценарий «революций вестернизации».

Осенняя вспышка стихийных волнений в городах убедила оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф. Ф. Кошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем». Они обвиняли правительство в продовольственном кризисе, но признавали при этом, что у кадетов нет плана разрешения этого кризиса⁴⁶⁴. «До революции осталось всего лишь не-

сколько месяцев, если таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше», — так передавались настроения кадетского руководства в сводке петроградского жандармского управления за октябрь 1916 года⁴⁶⁵.

Характерно, что вначале, как отмечал лидер октябристов А. И. Гучков, оппозиция рассматривала назревающую революцию по аналогии с 1848 годом, ожидая, что рабочие свергнут правительство, а затем «разумные люди, вроде нас, будут призваны к власти». Но затем пришло понимание того, что ситуация изменилась, что «те, которые будут делать революцию, встанут во главе этой революции». Поэтому необходимо было действовать самим, чтобы упредить революцию⁴⁶⁶. «Времени для размышления не оставалось, — пишет Р. Пайпс. — Информация, имевшаяся в распоряжении политических деятелей в Москве и Петербурге (и конфиденциально подтвержденная, как нам теперь известно, полицией) указывала на то, что экономические трудности могут в любой момент вызвать массовые беспорядки. Чтобы предупредить это, Думе следовало взять власть в свои руки, и как можно быстрее...»⁴⁶⁷

Таким образом, либеральная оппозиция не обращалась к поддержке народа, как это было в 1905 году. Она учла опыт первой революции, и теперь всеми силами старалась предотвратить народное восстание. Как говорил В. В. Шульгин, «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем дать возможность довести войну до конца»⁴⁶⁸.

Между тем для правительства естественный способ предупредить революцию состоял в заключении сепаратного мира с Германией. Осенью 1916 года имели место контакты между доверенными лицами русского и германского правительств; 3 октября правительство Б. В. Штюрмера передало в Вену и Берлин русские условия мира. Сведения о сепаратных контактах стали известны союзникам по Антанте, и английский посол Д. Бьюкенен вошел в сношения с либеральной оппозицией с целью добиться отстранения Б. В. Штюрмера⁴⁶⁹. Вдова великого князя Павла Александровича, княгиня Палей, вспоминала: «Английское посольство по приказу Ллойд Джорджа сделалось очагом пропаганды. Либералы — князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д. постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от легальных путей и вступить на путь революции»⁴⁷⁰.

1 ноября 1916 года П. Н. Милюков произнес в Думе свою знаменитую речь, обвинив премьер-министра Б. В. Штюрмера в предательстве. Как отмечалось выше, социальный конфликт в условиях вой-

ны приобрел еще одно измерение: крестьяне-фронтовики обвиняли дворянскую элиту в измене. Речь П. Н. Милюкова послужила «официальным подтверждением» этих подозрений и подлила масла в огонь ненависти. Огромный пропагандистский эффект этого выступления подчеркивается многими исследователями⁴⁷¹, причем Л. Хаймсон выражает удивление по поводу того, что П. Н. Милюков, всегда боявшийся революции, решился пойти на риск дестабилизации правящего режима⁴⁷². В конечном счете царь был вынужден отправить Б. В. Штюрмера в отставку и назначить на его место англофила А. Ф. Трепова.

После отставки Б. В. Штюрмера либеральная оппозиция — при поддержке союзных дипломатов — усилила давление на царя и его окружение с целью добиться формирования «министерства доверия». С 9 по 11 декабря в Москве был сделан ряд попыток собрать съезды земских и городских союзов. Полиция помешала им собраться, но съезды все-таки приняли заранее заготовленные резолюции с требованиями создания «ответственного правительства». Одновременно началась «фронда» великих князей. Великий князь Николай Николаевич имел резкий разговор с Николаем II, призывая его к уступкам оппозиции и предостерегая, что в противном случае царь может потерять корону⁴⁷³. Но императрица призывала царя проявить твердость. «Кто против нас? — говорила она. — Группа аристократов, играющих в бридж, сплетничающих и ничего в государственных делах не понимающих. Русский народ любит государя, любит меня, любит нашу семью, он не хочет никаких перемен»⁴⁷⁴.

Со времен поездки в Саров Николай II и Александра были уверены в любви простого народа — и они отвечали ему той наивной любовью, которая проявлялась не в государственных делах, а в эмоциональных поступках. Императрица работала простой сестрой в госпитале и перевязывала раненых, которые часто не знали, что сказать, и только плакали от умиления. Николай II всю войну провел в поездках по фронтовым частям, обнимал воинов-храбрецов, произносил трогательные речи и раздавал награды. Его приветствовали с восторгом и бывали случаи, когда целые полки бежали за его автомобилем, клянясь государю в верности⁴⁷⁵. «Одно из его убеждений, оставшихся с ним до конца, — отмечала Э. Каррер д'Анкросс, — состояло в том, что самодержец должен представлять истинную Россию, то есть Россию крестьянина, к которой он питает настоящую симпатию и которая, как он уверен, платит ему за это чувством верности... Без сомнения, в значительной мере это идиллическое видение сердечной связи, прямой связи между крестьянином и государем было

обусловлено тем, что его долго держали в полном неведении относительно крестьянских восстаний...»⁴⁷⁶

В момент нового обострения борьбы между либеральной оппозицией и монархией группа этактистски настроенных сановников, которую возглавлял член Государственного совета А. А. Римский-Корсаков, через князя Н. Д. Голицына представила царю программную записку с оценкой политического положения. Эта записка во многом повторяет выводы предвоенного «пророчества Дурново»: ее авторы выступают против уступок либеральной оппозиции потому, что либералы «столь слабы, столь разрозненны, и, надо говорить прямо, столь бездарны, что их торжество было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Главную опасность сановники видели не в либералах, а в левых революционных партиях: «Опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная». *Революционные партии «вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им чужую землю». Уступки либералам не спасут положения монархии, потому, что «затем выступила бы революционная толпа», следом за либералами пришли бы «коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов, и наконец, мужик-разбойник. Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин...»⁴⁷⁷* Л. Д. Троцкий отмечает «историческое предвиденье» авторов этого документа⁴⁷⁸, и во всяком случае, нельзя отрицать того, что многоопытные бюрократы, владевшие подробной информацией о происходящем в стране, были способны сделать достаточно точный прогноз развития событий.

Рекомендации авторов записки сводились к созданию правительства из беспощадных сторонников самодержавия, упразднению Думы, введению осадного положения в столицах, подготовке сил для подавления неизбежного «мятежа». «Эта программа и была, в сущности, положена в основу правительственной политики последних предреволюционных месяцев», — резюмирует Л. Д. Троцкий⁴⁷⁹. Под предлогом «рождественских каникул» Дума была вновь распущена на длительный срок, а А. Ф. Трепов был заменен на посту премьера князем Н. Д. Голицыным.

Думская атака на правительство снова закончилась неудачей, и оппозиция стала искать другие способы воздействия на власть. В глазах либералов олицетворением этактистской политики был

не А. А. Римский-Корсаков и не П. Н. Дурново, а Г. Распутин. Как отмечалось выше, Распутин с самого начала выступал против войны, против уступок либералам — и в чем-то шел дальше П. Н. Дурново. «Старец выступал за мир, за то, чтобы землю отдали крестьянам и предоставили равные права меньшинствам, — отмечает Брайан Мойнехен. — Такие же лозунги выдвигал... Ленин. *Они и являлись единственной реальной альтернативой революции*»⁴⁸⁰. 16 декабря 1916 года Г. Распутин был убит заговорщиками, в числе которых были великий князь Дмитрий Павлович и офицер британской разведки Освальд Рейнер.

Другая группа заговорщиков во главе с А. И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота. Задача состояла в том, чтобы упредить народное восстание. «Кроме помощи организаторам государственного переворота, облегчавшей им дело, — свидетельствует А. Ф. Керенский, — мы... создали сборный пункт, где были сосредоточены силы, готовые в случае необходимости *сдерживать народные волнения*»⁴⁸¹. Однако вербовка офицеров оказалась нелегким делом: «Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на царубийство», — свидетельствует жандармский генерал А. И. Спиридович⁴⁸². Лидеры оппозиции установили также контакты с Рабочей группой, существовавшей при Центральном Военно-промышленном комитете и пытались использовать ее, чтобы организовать массовые манифестации рабочих в поддержку требований Думы. Однако А. Д. Протопопов (который, конечно, был знаком с «пророчеством Дурново») пресек эти контакты, арестовав большинство членов Рабочей группы. Вдобавок, П. Н. Милюков испугался и обратился к рабочим с призывом отказаться от участия в запланированной манифестации. 14 февраля 1917 года, в день открытия новой сессии Думы, бастовало 84 тыс. рабочих; часть стачечников провела демонстрацию на Невском проспекте, но войска не позволили большинству демонстрантов подойти к зданию Думы. Характерно поведение рабочих Выборгского района, которые восстали в октябре 1916 года: после того, как оппозиция осудила их выступление, они отказались выступать в поддержку Думы⁴⁸³.

Воззвание П. Н. Милюкова к рабочим с призывом к спокойствию по смыслу совпадало с воззванием командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова⁴⁸⁴. Таким образом, перед лицом революции элита демонстрировала не раскол, а сплочение. Наученные опытом 1905 года, либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлекать в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...» — говорил П. Н. Милюков 27 февраля, когда

революция стала реальностью⁴⁸⁵. А. И. Гучков, которому некоторые авторы приписывают некий успешно реализованный «план революции»⁴⁸⁶, признавал, что она стала результатом не «какого-то умного и хитрого заговора», а «стихийных исторических сил»⁴⁸⁷.

Что касается социалистических партий, то они были до крайности ослаблены мобилизациями и репрессиями. 2 января 1917 года был арестован в полном составе петроградский комитет большевиков; на многих заводах вообще не было большевистских партийных ячеек⁴⁸⁸. Руководство партии, находившееся в эмиграции, не ориентировалось в обстановке: В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 года, говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию⁴⁸⁹.

Между тем правительство, которое критиковали за бездействие и пассивность, искало свой выход из кризиса. «Существует довольно распространенное мнение, что государь не знал о том, что происходит вокруг, — отмечал А. И. Спиридович. — Это совершенно ошибочно... В январе, не считая военных докладов, государь принял более 140 разных лиц. Со многими из них говорил о текущем моменте, о будущем. Некоторые из этих лиц предупреждали Его Величество о надвигающейся катастрофе и даже об угрожавшей ему лично, как монарху, опасности»⁴⁹⁰. Прежде всего, Николай II пытался решить продовольственную проблему. 4 января была установлена надбавка к ценам за доставку зерна на железнодорожные станции⁴⁹¹. 27 января было приказано остановить все пассажирские и часть товарных перевозок, чтобы дать «зеленый свет» поездам с продовольствием для фронта, для Петербурга и для Москвы⁴⁹². Как во времена революции 1905 года, кризис заставил правительство обратиться к крестьянскому вопросу. А. Д. Протопопов предложил провести новую земельную реформу, предусматривавшую наделение крестьян землей за государственный счет, и Николай II дал согласие на разработку соответствующего проекта, для начала для трех прибалтийских губерний⁴⁹³. Одновременно возобновились энергичные попытки заключения мира. 13 февраля в Вене были получены новые предложения русского правительства. 25 февраля Австрия и Германия получили личное обращение Николая II, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить»⁴⁹⁴. Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал эти обращения «как последнюю попытку спастись»⁴⁹⁵. Однако Германия отвергла русские условия, не без основания надеясь на быстрое ухудшение положения в России⁴⁹⁶.

В. С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полицией частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха»⁴⁹⁷. Председатель Думы М. В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы накануне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата»⁴⁹⁸. В. В. Шульгин так описывал настроения думской оппозиции накануне Нового года: «У меня было смутное ощущение, что грозное — близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки... Бессилие людей, людей, меня окружавших, и свое собственное бессилие в первый раз заглянуло мне в глаза, и был этот взгляд презрителен и страшен»⁴⁹⁹.

Волна голодных стачек в городах быстро нарастала. О том, что с лета 1916 года интенсивность рабочего движения определялась уже не политическими и военными событиями, не призывами партий, а голой экономической реальностью, говорит появившаяся с этого времени прямая корреляция между числом стачечников и ценой на хлеб. По Московскому промышленному району коэффициент корреляции между ценой на ржаной хлеб и числом экономических стачечников (составлявшим подавляющее большинство бастующих) в период с июля 1916 по январь 1917 года составлял 0,8⁵⁰⁰. В начале 1917 года речь шла уже не о росте цен, а об отсутствии хлеба. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы»⁵⁰¹. 23 февраля председатель Общества фабрикантов московского промышленного района Ю. П. Гужон телеграфировал военному министру, что в результате закрытия хлебопекарен 93 тыс. рабочих не получают хлеба: «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеба»⁵⁰². Таким образом, в Москве назревал такой же грандиозный голодный бунт, какой произошел в Петрограде.

Голод угрожал и армии. В декабре 1916 года состоялось совещание в Ставке под председательством Николая II. «На этом совещании выяснилось, что дело продовольствия войск в будущем должно значительно ухудшиться... — писал А. А. Брусиллов. — Нам не объясняли причин расстройства народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя»⁵⁰³. Пока же солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе — 1,5 фунта. Лошади почти не получали овса и находились в истощенном состоянии, поэтому артиллерия потеряла мобильность,

и армия уже не могла наступать. В случае отступления такое положение должно было привести к потере артиллерии и обозов⁵⁰⁴.

В декабре 1916 года накопившееся недовольство солдатских масс, наконец, прорвалось в крупных выступлениях на фронте. В ходе Митавской операции 23–29 декабря отказался идти в атаку 17 пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных участников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу. Но спорадические выступления в войсках продолжались, в частности, на Юго-Западном фронте отмечались волнения в частях VII Сибирского корпуса⁵⁰⁵.

В начале 1917 года по распоряжению председателя Совета министров было проведено обследование настроений войск на Северном и Западном фронтах. В материалах этого обследования отмечалось, что солдаты видят в деятельности правительства «измену и предательство», и был сделан вывод, что «возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны»⁵⁰⁶. Командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия... была подготовлена к революции»⁵⁰⁷. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках»⁵⁰⁸.

Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, *на Западном фронте запасы муки закончились* и части перешли на консервы и сухарный паек⁵⁰⁹. В первой половине февраля старший военный цензор штаба 2-го Сибирского корпуса доносил о характерных высказываниях в солдатских письмах: «кормят плохо, хлеба дают мало, очень стало трудно», «часто по суткам сидим не емши, без хлеба», «голод мучит больше всего, хлеба я получаю около фунта в сутки, ну а суп — это чистая вода» — и так далее. 22–23 февраля восстали солдаты двух стрелковых полков на Кавказском фронте: они требовали хлеба и мира⁵¹⁰.

22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса⁵¹¹. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде.

8.17. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В исторической литературе нередко можно встретить утверждения, что Февральская революция была случайностью, что виной всему были снежные заносы, нарушившие снабжение Петербурга, и недостаточная распорядительность властей, не подготовившихся к подавлению бунта.

Вопрос о роли случайности в Февральской революции чрезвычайно важен для ее анализа в рамках демографически-структурной теории, так как эта теория утверждает, что революция была закономерным итогом длительного исторического развития. Поэтому нам придется кратко рассмотреть события революционных дней на предмет их случайности или закономерности.

В течение 1916 года среднее месячное потребление муки в Петрограде составляло 1276 тыс. пудов. Перебои с поставкой начались еще летом и по сравнению с весенними месяцами осенью привоз продуктов сократился вдвое (рисунок 8.8). В течение первых двух месяцев 1917 года установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил за счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января до 15 февраля запасы муки уменьшились с 1426 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал премьер-министру, что за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарням — 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. А. А. Риттих объяснял февральский срыв снабжения Петрограда снежными заносами; утверждалось, что 5700 вагонов застряли в пути из-за снегопадов. Однако трудности такого рода бывали всегда: в начале 1916 года оказались под снегом 60 тыс. вагонов — но это прошло незамеченным, потому что в городах были достаточные запасы хлеба. Очевидно, что временные срывы поставок начинают ощущаться лишь в период кризиса, когда система снабжения готова рухнуть и достаточно малейшего толчка, чтобы произошла катастрофа. Впрочем, по некоторым сведениям, дело было не в заносах на железных дорогах: 16 февраля на совещании в Ставке главноуправляющий Министерства земледелия Грудистов оправдывал кризис снабжения не неподачей вагонов, а тем, что метели затруднили подвоз хлеба к станциям. Как бы то ни было, поставки не выполнялись и в предшествующие месяцы, так что снежные заносы только ускорили кризис. К 25 февраля запасы уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям — до 300 тыс. пудов⁵¹².

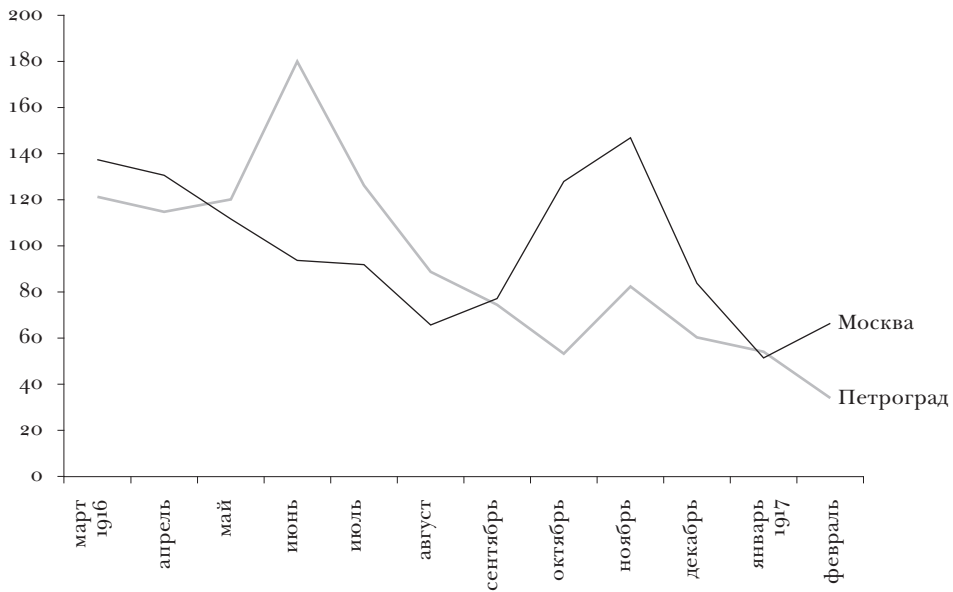

Рис. 8.8. Прибытие зерновых грузов в столицы, вагонов в сутки⁵¹³.

Правительство прекрасно понимало всю опасность сложившейся ситуации и делало все возможное, чтобы избежать восстания. Как отмечалось выше, в конце января на переговорах со странами Антанты министр финансов П. Л. Барк говорил о надвигающейся катастрофе и просил о предоставлении срочного кредита для укрепления курса рубля. Английский представитель лорд Мильнер ответил на это, что «увы, англичане не волшебники», но пообещал рекомендовать своему правительству рассмотреть вопрос о кредите⁵¹⁴. Сомнительно, чтобы эти неопределенные обещания могли помочь царскому правительству, и в любом случае было слишком поздно: делегаты еще не успели вернуться на родину, как началась революция. Провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими полки уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию⁵¹⁵.

Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции попытался предупредить царя о грозящей опасности, о жестоком продовольственном кризисе, о ненадежности войск и предлагал пойти на ус-

тупки либералам. «Революция носилась в воздухе, — писал Д. Бьюкенен, — и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»⁵¹⁶. Когда на торжественном обеде 22 января Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели, и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»⁵¹⁷. В этом ответе Николая II, так же как в ответе лорда Мильнера, и в обсуждении на совещании в Ставке явственно просматривалось признание того факта, что продовольственное положение будет ухудшаться и что «этому бедственному положению помочь нельзя». Продовольственный кризис был закономерным следствием финансового кризиса и гиперинфляции, и он неизбежно вел к голодным бунтам в городах.

О глубине этого кризиса говорит свидетельство того человека, который — уже после Февральской революции — безуспешно пытался его разрешить, министра земледелия Временного правительства А. И. Шингарева. «...Революция получила в наследство отчаянное положение продовольственного дела в стране... — говорил А. И. Шингарев. — На почве хлебного недостатка и продовольственной разрухи и началось, в сущности, то последнее движение... которое привело... ко всеобщей русской революции... Наследство, которое мы получили, заключалось в том, что *никаких хлебных запасов в распоряжении государства не осталось...*»⁵¹⁸

В феврале хлебные запасы подходили к концу, поэтому оставалось готовиться к неизбежному голодному бунту — и правительство готовилось. Иногда высказывается мнение, что власти демонстрировали «воющую беспомощность и непредусмотрительность», что если бы не их некомпетентность, то вспыхнувший бунт можно было бы подавить⁵¹⁹. В действительности власти планомерно и тщательно готовились к подавлению неизбежного восстания. Комиссия под председательством командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова закончила в середине января разработку плана дислокации и действий войск. Во главе карательных частей был поставлен командующий гвардейскими запасными частями генерал Чебыкин. Полки были расписаны по районам. В каждом из шести полицмейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командованием особых штаб-офицеров. Власти пошли на беспрецедентный шаг: они вооружили полицейские части пулеметами; в Петрограде на крышах домов было оборудовано не менее 50 пуле-

метных гнезд⁵²⁰. Полковник Д. Ходнев свидетельствует, что «петроградская полиция, как пешая, так и конная, равно как и жандармские части, были достаточны по численности и находились в образцовом порядке»⁵²¹. Всем рядовым чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад: от 60 до 100 рублей. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов резко усилил агентурную деятельность; благодаря этому он был хорошо осведомлен о планах оппозиции, и в частности, о готовившейся Рабочей группой демонстрации 14 февраля. К началу этой демонстрации полицейские пулеметчики заняли свои посты на крышах домов, а почти все ее организаторы были арестованы⁵²². Как считает Л. Хаймсон, это было одной из причин того, что намеченная манифестация не приобрела большого размаха⁵²³; за этот успех А. Д. Протопопов удостоился личной благодарности царя⁵²⁴. Таким образом, власти действовали предусмотрительно, и в некоторых случаях достаточно эффективно, поэтому революцию невозможно списать на их «вопиющую беспомощность».

Однако министра внутренних дел беспокоил вопрос о дислокации в Петрограде ненадежных запасных батальонов находившихся на фронте гвардейских полков; это беспокойство было вполне понятно в свете имевших место восстаний запасников в Кременчуге и Гомеле: можно было ожидать подобного бунта и в Петрограде. Как писал позднее А. Д. Протопопов, он обратился к генералу С. С. Хабалову с просьбой вывести из города запасные батальоны, но тот ответил, что в округе нет других казарм и заверил министра, что «войска исполнят свой долг»⁵²⁵. Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, продолжали высказывать сомнения в надежности запасных батальонов, в частности, потому, что солдаты этих батальонов явно не желали отправляться на фронт (отправка была назначена на 1 марта)⁵²⁶. В начале 1917 года прошел большой призыв, и казармы были переполнены; в них находилось около 200 тыс. солдат. «Вышедшие из лазаретов рассказывали об ураганном огне, о страшных потерях, — писал С. С. Ольденбург. — Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием — чуда, которое избавило бы их от необходимости „идти на убой“»⁵²⁷. 9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа К. И. Глобачев прямо спросил генерала С. С. Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?». С. С. Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более, что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части — учебные команды»⁵²⁸. Учебные команды со-

стояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения унтер-офицерами. В отношении других воинских частей были приняты меры к изоляции их от петроградского населения; на проходные казарм были поставлены учебные команды и солдат не выпускали на улицу; солдатам не давали оружия, находившегося под охраной специальных нарядов⁵²⁹.

Тем не менее Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующего гвардейским корпусом принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение». Этот эпизод наглядно показывает всю глубину социального раскола, который захватил часть средних классов и проходил теперь по линии «фронт — тыл». В итоге вместо гвардейской кавалерии в Петроград были присланы матросы Гвардейского экипажа, которым поручили охранять царскую семью⁵³⁰.

Между тем продовольственный кризис шел к неизбежной развязке. Обеспокоенная ситуацией Петроградская городская дума 13 февраля высказалась за введение нормирования продажи хлеба; 19 февраля градоначальник А. П. Балк решил ввести карточную систему с первых дней марта⁵³¹. Слухи о введении карточек быстро распространились; с середины февраля печать сообщала о предстоящем в ближайшее время введении карточной системы и о том, что на взрослого едока будет отпускаться не более 1 фунта хлеба в день. 1 фунт в день — это 12 пудов в год, норма, недостаточная для нормального питания взрослого человека, что же касается детей, то на них планировалось отпускать вдвое меньше. Разумеется, это вызвало стремление запастись хлебом, которое быстро переросло в продовольственную панику. Необходимо подчеркнуть, что паника не была случайностью — это была естественная реакция населения на стремительное уменьшение запасов. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получит булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1–2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домашними...»⁵³². «У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и обещанием расстрела, — свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. — Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты — быть взрыву. Но к чему это приведет? Чья возь-

мет? Страшно подумать: у нас нет хлеба...»⁵³³ 21 февраля пристав 4-го участка Нарвской части докладывал градоначальнику о нехватке хлеба и быстром росте недовольства: «Явление это крайне прискорбно и нежелательно, уже потому, что рабочий, не имея времени стоять в очереди, хлеба купить никак не может, а когда освобождается, такого в лавках уже не имеется»⁵³⁴. 22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2–3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»⁵³⁵. Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...»⁵³⁶

Таким образом, и полиция, и горожане ждали голодного бунта, который должен был стать закономерным результатом недостатка хлеба. 23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками «Хлеба!», двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тыс.; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией⁵³⁷.

24 февраля бастовало уже 200 тыс. рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Этот день — в соответствии с обычной картиной голодного бунта — был озаглавлен разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов⁵³⁸. Ни правительство, ни либеральная оппозиция еще не понимали смысла происходивших событий. «Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23–25 февраля те, кого это более всего касалось... — писал Г. М. Катков. — В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстрации даже не обсуждал... Даже революционная интеллигенция Петрограда не отдавала себе отчета в том, что про-

исходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, говорит в своих мемуарах, что революция, „долгожданная, желанная“, застала их, „как евангельских неразумных дев, спящими“⁵³⁹. «Какая там революция! — говорил 25 февраля руководитель бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников. — Дадут рабочим по фунту хлеба и движение уляжется»⁵⁴⁰.

Таким образом, либеральная оппозиция и революционные партии придерживались той же точки зрения, что П. Н. Дурново и А. Д. Протопопов: они считали, что без их агитации и организации революция невозможна. Но к всеобщему удивлению, революция оказалась «неорганизованной» и чисто стихийной, «революцией без революционеров».

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. Западная историография оценивает Февральскую революцию как «неуправляемую, стихийную, анонимную»⁵⁴¹. Ц. Хасегава, автор наиболее подробной немарксистской работы о Февральской революции, пишет, что «руководители революционных партий не играли большой роли в восстании»⁵⁴². «Начало Февральской революции... было ярчайшим проявлением стихийного явления, — пишет известный американский историк Л. Хаймсон, — момент взрыва этих волнений не был предвиден и даже не был признан как решающее революционное событие лидерами ни одной политической партии и фракции, по крайней мере, до 26 февраля»⁵⁴³. «Февральская революция 1917 года... была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот», — указывал Э. Карр⁵⁴⁴. «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», — заключает В. П. Буддаков⁵⁴⁵.

С одной стороны, и оппозиция, и власти постоянно говорили об опасности беспорядков, восстания, революции — но когда революция началась, они поначалу не приняли происходящее всерьез. С точки зрения П. Н. Милокова, движение оставалось «бесформенным и беспредметным»; оно сводилось к разгромам булочных и митингам под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»⁵⁴⁶. Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...»⁵⁴⁷

С. С. Хабалов, как и правительство, видел в происходящем лишь продовольственные волнения, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем, 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкнове-

ний. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито⁵⁴⁸. Обнаруживались все новые свидетельства ненадежности войск. Как свидетельствует А. Д. Протопопов, 24 февраля запасной батальон Литовского полка самовольно оставил казармы, захватил ружья и собрался на Марсовом поле, желая перейти на сторону рабочих. Однако полковой священник с крестом в руках уговорил солдат вернуться в казармы⁵⁴⁹. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, казаки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избили городских, обвиняя их в том, что они служат за деньги⁵⁵⁰. Отказ казаков помогать полиции в разгоне демонстраций был еще одним проявлением конфликта «фронт — тыл».

Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) составил для властей обстоятельный обзор событий 23–25 февраля. «... Движение вспыхнуло стихийно, без подготовки и исключительно на почве продовольственного кризиса, — говорилось в этом обзоре. — Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне... народ уверился в мысли, что началась революция, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня — завтра выступят открыто на стороне революционных сил... Ныне все зависит от линии поведения воинских частей, если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного переворота»⁵⁵¹.

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдержать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом генерал С. С. Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки⁵⁵².

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция — продовольственный кризис, продовольственный кризис — голодный бунт, и хотя власти не желали применять оружие для его

подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясно, отдавать такой приказ ненадежным войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали ради нее «идти на убой» и требовали земли, означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. Все три фактора брейкдауна, о которых говорилось выше — падение авторитета власти, голод в городах и ненадежность войск, — действовали вместе.

А. Д. Протопопов следовал сценарию, успешно реализованному 14 февраля. Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий — свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, 5 членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходивший из традиционных представлений А. Д. Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; революция развивалась сама собой — это была «революция без революционеров»⁵⁵³.

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. С. С. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части — учебные команды. К вечеру центр города с помощью пулеметов был «очищен» от митингующих. Самый большой расстрел произошел на Знаменской площади, где действовала учебная команда Волынского полка во главе со штаб-капитаном И. С. Лашкевичем; здесь было убито больше 40 человек⁵⁵⁴. «Могло казаться, что царизм снова выиграл ставку и движение будет раздавлено», — писал Н. Н. Суханов⁵⁵⁵.

Как свидетельствует А. Ф. Керенский, после расстрелов, вечером 26 февраля, «собралось Информационное бюро левых партий... На этом самом заседании люди, несколько часов назад представлявшиеся самыми непоколебимыми революционерами, категорически доказывали, что революционное движение идет на спад... что революция любого типа в данный момент невозможна...»⁵⁵⁶ Эти «революционеры» — А. Ф. Керенский перечисляет их: «эсеры, социал-демократы, большевики, народные социалисты, трудовики» — не могли представить себе, что на следующее утро произойдет революция.

Однако дальнейшее развитие событий было *естественным и закономерным*: произошло то, о чем предупреждал П. Н. Дурново, и то, что уже не раз повторялось при подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Рабочие, очевидцы расстрелов, сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фрон-

товиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставших было лишь 30 винтовок и, расстреляв все патроны, они были вынуждены сложить оружие и вернуться в казармы⁵⁵⁷.

Восстание Павловского полка было лишь первой вспышкой — можно было предвидеть новые волнения. Всю ночь на 27 февраля генерал С. С. Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта — и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам — однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром И. С. Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; штабс-капитан вышел во двор казармы — и тут из окна прогремел сразивший его выстрел. Кто стрелял — осталось неизвестным, но выстрел послужил сигналом к бунту⁵⁵⁸. Восстание было настолько спонтанным, что в ответ на вопрос об инициаторах выступления Волынского полка солдаты называли шесть разных имен⁵⁵⁹. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к «мятежникам». В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и пением «Марсельезы». Лишь один самокатный полк, в который набирали рекрутов из состоятельных слоев населения, отказался участвовать в «мятеже» — однако его сопротивление было быстро подавлено. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тыс., днем — 26 тыс., вечером — 66 тыс., на следующий день — 127 тыс., 1 марта — 170 тыс., т. е. весь гарнизон Петрограда. Днем 27 февраля С. С. Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать — всего лишь около тысячи солдат) против «мятежников», но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные царю части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал М. И. Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у С. С. Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их (но Хабалов утверждал, что он

сам распустил солдат под угрозой обстрела из пушек Петропавловской крепости). Генералы остались в Адмиралтействе дожидаться ареста⁵⁶⁰.

О неудержимом и стихийном распространении солдатского бунта свидетельствуют события в Ораниенбауме. Здесь располагалось 70 тыс. солдат запасных частей, в том числе 1-й пулеметный полк с полутора тысячами пулеметов. Днем 27 февраля один из солдат принес в казармы слух о восстании в Петрограде; гарнизон тотчас восстал и ночью, в 18-градусный мороз, установив пулеметы на санки, двинулся в Петроград. Заслышав о восстании, в Петроград двинулись десятки тысяч солдат из всех пригородов, и самое удивительное — к восставшим присоединились 2 тыс. моряков Гвардейского экипажа, незадолго перед тем присланные с фронта охранять царскую семью⁵⁶¹.

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции⁵⁶². Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. «Развитие бунта говорит о том, что ничего нельзя было сделать, чтобы его остановить», — констатирует Р. Пайпс⁵⁶³. Но полиция не зря готовилась к мятежу: около полсотни пулеметных расчетов, размещенных на крышах зданий, сражались с редким упорством и до последнего патрона⁵⁶⁴. «Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед царем и родиной, — свидетельствует полковник Д. Ходнев. — Она понесла огромные потери»⁵⁶⁵. Разъяренные солдаты устроили полиции «кровавую баню». «Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда...» — писал офицер, свидетель событий⁵⁶⁶.

Председатель Думы М. В. Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты были на самом деле, «конечно, *не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить*. Только и слышно было в толпе — „земли и воли“, „долой Романовых“, „долой офицеров“...»⁵⁶⁷ 28 февраля у солдат появились первые наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»⁵⁶⁸. 1–2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»⁵⁶⁹ Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах — почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»⁵⁷⁰

Таким образом, *это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание*. Подобно тому, как всеобщая стачка октября 1905 года спровоцировала крестьянскую войну, так и голодный бунт в феврале 1917 года спровоцировал крестьянское восстание. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Николай II в это время находился в штабе генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду 4 полка под командованием генерала Н. И. Иванова, однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда, и отборные полки карателей (даже составлявший охрану царя батальон георгиевских ветеранов) были разогнаны революционерами. Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами, а она, в свою очередь, определялась боязнью революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва и что революция грозит распространиться на армию⁵⁷¹. «Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, — предупреждал М. В. Алексеев, — и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибелью, в ней начнется голод... Армия слишком связана с жизнью тыла и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии... Подавление беспорядков силой в нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели...»⁵⁷²

Ночью 2 марта М. В. Родзянко после переговоров с Петроградским советом сообщил Н. В. Рузскому и М. В. Алексею, что положение в столице диктует необходимость отречения. М. В. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с мнением М. В. Алексея. Некоторые из них, вслед за М. В. Алексеевым, указывали на опасность распространения революции на армию. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: «Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений». Командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин телеграфировал: «С огромным тру-

дом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу»⁵⁷³.

При обсуждении ситуации снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, «надежных» частей просто не было: «... Движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению»⁵⁷⁴. А. И. Гучкова поддержал генерал Н. В. Рузский: «Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»⁵⁷⁵. Взвесив все обстоятельства — и в особенности мнение командующих фронтами — царь подписал заявление об отречении от престола.

Необходимо отметить, что в процессе обсуждения лишь в малой степени обращалось внимание на позицию политических партий и требования рабочих. Главным аргументом было положение в армии, угроза бунта на фронте. Как позиция генералов, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Единогласное решение командующих фронтами доказывает, что другое развитие событий было невозможно. Угроза развала армии была очевидной, и генералы чувствовали, что сидят на пороховой бочке. Восстание на флоте уже началось: 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Р. Н. Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал А. И. Непенин⁵⁷⁶. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении⁵⁷⁷.

О том, что в случае попытки сопротивления Николаю II было бы не на кого опереться, говорит поведение самых преданных ему частей. «4 марта... — писал полковник В. М. Пронин, — я был свидетелем проявления „радости“ Георгиевским батальоном по случаю провозглашения нового режима в России... Георгиевский батальон в полном составе, с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо Штаба... Государь, стоя у окна, мог наблюдать, как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора,

демонстративно шествуют мимо Его, проявляя радость по случаю свержения Императора...»⁵⁷⁸

Что касается позиции Думы, то о ней лучше всего рассказывает В. В. Шульгин: «К вечеру, кажется, стало известно, что старого правительства нет... Оно попросту разбежалось по квартирам... Не стало и войск... Т. е. весь гарнизон перешел на сторону „восставшего народа“ ... Но вместе с тем войска как будто стояли „за Государственную думу“ ... здесь начиналось смешение... Выходило так, что и Государственная дума „восстала“ и что она „центр движения“ ... Это было невероятно... Государственная дума не восставала...» «Я не желаю бунтоваться, — говорил Родзянко. — Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...» «Может быть два выхода, — отвечал Шульгин, — все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...»⁵⁷⁹ «Государственной Думе не оставалось ничего другого, кроме как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию...», — заключает М. В. Родзянко⁵⁸⁰.

Слова М. В. Родзянко свидетельствуют о том, что действия оппозиционных фракций также были вынужденными и диктовались тем, что власть рухнула без их вмешательства. Оппозиционная элита не готовила революцию и не участвовала в ней. Временное правительство лишь «подобрало власть», но в конечном счете не смогло удержать ее...

Таким образом, наш краткий анализ событий Февральской революции показывает, что большинство из них были с высокой степенью вероятности предопределены глобальными факторами нарастающего кризиса. Хотя власти хорошо понимали опасность такого развития событий и сделали все (или почти все), чтобы отвести надвигающуюся угрозу, им это не удалось.

«Теперь жалкие человеческие существа пытаются мерить своими ничтожными мерками огромную волну, которую могла поднять лишь Божья воля, могучий вихрь судьбы, — писал А. Ф. Керенский. — С самодовольством специалистов они селятся доказать, что все было бы по-другому, если бы то-то и то-то сделать так, а не иначе...»⁵⁸¹ Вихрь революции подхватил А. Ф. Керенского и руководителей только что созданного Петроградского совета — но так же как Николай II, они были не в состоянии противостоять воздействию глобальных факторов кризиса. «Все, что мы тогда делали, — свидетельствует И. Г. Церетели, — было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихийный поток»⁵⁸².

8.18. ВЫВОДЫ

Подводя итоги социально-экономического развития между двумя революциями, необходимо отметить, что в этот период правительство не только признало наличие аграрного перенаселения, но и приняло меры для его смягчения. Реформы П. А. Столыпина устранили то прикрепление крестьян к земле, которое ранее сдерживало миграцию населения, более того, они поощряли переселение на свободные земли окраин. Крестьяне получили возможность продавать свою землю, и в результате мы, *в полном соответствии с демографически-структурной теорией, видим картину, характерную для Сжати́я в странах с рыночной экономикой: разоряющиеся крестьяне в массовых масштабах продают землю и уходят в города, где занимаются ремеслом или ищут работу по найму.*

Однако ни переселение на окраины, ни уход в города не компенсировали быстрого роста населения, и проблема малоземелья сохраняла свою остроту. Некоторое увеличение внутреннего потребления было достигнуто благодаря сочетанию урожайных лет и относительному сокращению вывоза, но сокращение вывоза сопровождалось увеличением расхода зерна на фураж, и в стране сохранялись обширные регионы, где потребление оставалось на крайне низком уровне.

Негативная инерция предшествующего периода голода и социальных конфликтов привела к тому, что увеличение потребления не оказало существенного влияния на уровень социальной напряженности, который продолжал оставаться высоким, намного более высоким, чем до революции и лишь немногим ниже, чем в годы революции. Хотя количество крупных выступлений в деревне уменьшилось, количество мелких протестных акций возросло; в городах наблюдался новый мощный подъем стачечной борьбы — все это дает основание многим историкам рассматривать революции 1905 и 1917 годов вместе, как два этапа одной революции, разделенных периодом обманчивого успокоения⁵⁸³.

Важным следствием революции 1905 года было резкое ослабление традиционалистской идеологии, которая прежде поддерживала самодержавие, помогала держать народные массы в покорности и отделяла народ от интеллигенции — в том числе, и от обращавшихся к народу радикальных партий (социал-демократов и эсеров).

В ситуации не угасшего революционного движения любое ослабление самодержавия могло вызвать новую вспышку крестьянских восстаний. Большая война тем более должна была вызвать новый социальный кризис. Механизм этого кризиса был типичным для во-

енной экономики и включал три взаимосвязанных процесса: во-первых, резкое падение авторитета власти в результате военных поражений; во-вторых, возникающее вследствие чрезмерной эмиссии бумажных денег расстройство товарооборота, нехватка продовольствия в городах и голодные бунты, и в-третьих, все возрастающая ненадежность войск — следствие Сжатия и созданного им глубокого социального раскола.

Русская революция была инициирована голодным бунтом в Петрограде. То обстоятельство, что бунт вспыхнул именно 23 февраля было до некоторой степени случайностью, но то, что он должен был произойти, с очевидностью следует из того, что такие бунты происходили и раньше (в октябре 1916 года) и позже, при Временном правительстве, которое так же, как и царское правительство, не смогло решить проблему снабжения городов. При длительной и напряженной войне расстройство товарооборота и голодные бунты были неизбежны — и эта неизбежность подтверждается также и тем, что правительство, прекрасно информированное и предвидевшее эти события, так ничего и не смогло сделать, чтобы их предотвратить.

Петроградский бунт 23 февраля не был вызван непосредственно перенаселением и крестьянским малоземельем и в конечном счете носил локальный характер. Он мог быть подавлен, как был подавлен Медный бунт 1662 года. Решающим моментом, как и в 1905 году, была позиция армии — будут ли солдаты стрелять в народ? И вот здесь проблема Сжатия и крестьянского малоземелья встала во весь рост. Армия 1917 года — это были «просто взятые от сохи мужики», те мужики, которые требовали земли в 1905-м, и многие из которых после подавления первой революции ненавидели царя так же, как и своих помещиков. Теперь их мобилизовали в армию, но они не желали умирать в этой непонятной для них войне; они в массовых масштабах бежали из эшелонов или сдавались в плен. Некоторые авторы полагают, что солдаты подняли мятеж потому, что не желали идти на фронт, и действительно, Петроградский Совет впоследствии потребовал не отправлять на фронт части революционного гарнизона⁵⁸⁴. Но солдаты-крестьяне не желали идти на фронт умирать за эту власть именно потому, что она стала для них чужой и враждебной, потому что она не давала им землю. В западных странах, где нации не были расколоты столь острым социальным конфликтом, солдаты не бросали оружие и не поворачивали его против своего правительства (пока некоторые из них не были увлечены русским примером). Тот уровень аграрного конфликта, тот уровень ненависти, о котором говорит предвоенная статистика преступлений, должен

был проявить себя. Он диктовал поведение солдат, которое проявилось при подавлении бунтов 1916 года — солдаты неоднократно отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону бунтовщиков. Как показывает рисунок 8.5, число голодных бунтов стремительно нарастало, и вместе с тем нарастало число случаев солдатского неповиновения. О таком развитии событий предупреждал П. Н. Дурново еще до начала войны: «Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка». Еще до начала войны правительство понимало, что прежде надежная армия теперь, после 1905 года, ненадежна из-за крестьянского стремления к земле. В итоге голодный бунт в Петрограде в феврале 1917 года спровоцировал восстание крестьян, одетых в солдатские шинели. Отсюда, однако, не следует, что солдаты не могли восстать сами по себе: петроградский бунт был, в известном смысле, продолжением бунтов запасников в Гомеле и Кременчуге, и более того, уже начались бунты на фронте. В любом случае главным лозунгом восставших солдат сразу же стал лозунг 1905 года: «Земля и воля!» «Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием, во многом определил ход и самый дух последующей советской истории», — указывает В. П. Булдаков⁵⁸⁵. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию⁵⁸⁶.

Таким образом, Февральская революция 1917 года была специфическим проявлением описываемого демографически-структурной теорией экосоциального кризиса, а именно, вариантом этого кризиса, реализующемся в условиях большой войны.

Как отмечалось выше, революция 1905 года была связана с процессом вестернизации и с расколом элиты, недовольные фракции которой вовлекли в борьбу сначала пролетариат, а затем крестьянство; в итоге «революция вестернизации» переросла в социальную революцию. Элита оставалась расколотой и в 1917 году, однако ее оппозиционная вестернизированная фракция не желала революции, избегала союза с народом и фактически не принимала участия в событиях 23–28 февраля. В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение немальгузианской трактовке революции⁵⁸⁷. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!». Но лозунг «Земли и воли!», под ко-

торым восстали солдаты, в конечном счете тоже означал «Хлеба!» — ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, когда, по словам Т. Мальтуса, *«революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания»*⁵⁸⁸.

Несколько лет спустя генерал А. И. Деникин подвел итог событий революции в следующих словах: «Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события — вымученный, выстраданный веками — *Вопрос о земле*» (выделено Деникиным — С. Н.)⁵⁸⁹.

В. И. Ленин дважды подчеркнул карандашом эту фразу из книги А. И. Деникина.

Однако Т. Мальтус говорил не только о «недостатке пропитания», но и о его последствиях — о последствиях революции. «До сих пор сущность и действие закона народонаселения не были поняты, — писал Т. Мальтус. — Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, *которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом»*⁵⁹⁰.

Как и предсказывает неомальтузианская теория, революция, порожденная недостатком пропитания, голодом и войной, в конечном счете привела к власти этатистскую диктатуру.

«Голод — отец этатизма, — писал Питирим Сорокин, — война — его мать... Учета влияния этих двух факторов достаточно, чтобы понять и объяснить основной ход всей нашей революции, причин ее подъема и падения. Вместо поверхностных, пустых, часто запутанных „теорий“, сочиняемых тьмой мало знающих и еще менее понимающих публицистов и обывателей для объяснения нашей революции (и по существу ничего не объясняющих, несмотря на все их словесное многомудрие), *эта теория ясно и четко вскрывает причины, ход и падение кривой нашего революционного этатизма»*⁵⁹¹.

Главной движущей силой Февральской революции было «Сжатие в народных массах». Согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности — в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличившим его интенсивность*. В условиях столь взрывоопасной ситуации другой фактор, изучаемый демографически-структурной теорией, «Сжатие в элите», отступил на второй план и почти не проявлял своего действия. Но при этом значительную роль сыграл третий

фактор — финансовый кризис. Финансовый кризис был вызван войной, но так же и невозможностью в условиях Сжатия возложить на население дополнительные финансовые тяготы. Кризис привел к нарушению управляемости экономики и, по существу, к коллапсу государства, следствием чего было нарушение продовольственного снабжения городов, резко усилившее Сжатие и вызвавшее сначала грандиозный голодный бунт, а затем — революцию.

Необходимо отметить, что анализ революции 1917 года в рамках демографически-структурной теории подразумевает, что мы рассматриваем события в контексте закономерностей традиционного общества (которые изучает эта теория). Как отмечалось выше, такой подход объясняется тем, что Россия начала XX века была еще в основном доиндустриальным, традиционным обществом, и подавляющее большинство населения страны составляло крестьянство. Выдающийся историк и проницательный политик П. Н. Милюков сделал чрезвычайно глубокий вывод из событий, непосредственным свидетелем которых он являлся. *«То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, — писал П. Н. Милюков, — что впервые является для него разгадкой векового молчания „сфинкса“, русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. Ленин и Троцкий для него возглавляют движение гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову — к 18-му и 17-му векам нашей истории, — чем к последним словам европейского анархо-синдикализма»*⁵⁹².

Характерно, что с этим выводом соглашается и Л. Д. Троцкий, подчеркивающий, что «если бы аграрный вопрос, как наследие варварства русской истории, был разрешен буржуазией, русский пролетариат ни в коем случае не смог бы прийти к власти в 1917 году», что Советы пришли к власти благодаря «сближению и взаимопроникновению двух факторов совершенно разной исторической природы: крестьянской войны... и пролетарского восстания...»⁵⁹³.

К этому мнению в той или иной форме присоединяются многие российские историки⁵⁹⁴. Так, например, В. П. Данилов пишет, что в России имела место «крестьянская революция, на фоне (на основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 года»⁵⁹⁵. «И именно на гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть...» — отмечает В. В. Кабанов⁵⁹⁶. «Вовсе не случайно две революции в России совершились под знаменем аграрного переворота», — подчеркивают В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев и Л. Г. Протасов⁵⁹⁷.

Этот подход — акцентирование крестьянского характера революции — является достаточно традиционным для западной историографии⁵⁹⁸, он согласуется и с современными концепциями российской истории этого периода как истории развивающегося общества, сопоставляющими революцию 1917 года с крестьянскими революциями XX века, такими, как революции в Мексике, Китае, Вьетнаме, Индонезии, Алжире, на Кубе⁵⁹⁹. Т. Шанин сравнивает ситуацию в России с современной ситуацией в перенаселенных развивающихся странах⁶⁰⁰. «Действительно, — соглашается М. И. Роднов, — в российской истории начала XX века проявились компоненты системного кризиса, присущего „третьему миру“ второй половины XX столетия (перенаселенность, распад традиционной экономики, недостаточность индустриализации, разрушение экологической среды, массовая бедность, процветание немногих экспортных отраслей хозяйства, разложение традиционной морали, рост общей политической нестабильности и др.)»⁶⁰¹.

Но хотя роль крестьянства в революциях XX века была огромной, эти революции отличались от крестьянских войн Средневековья — прежде всего, наличием новых черт, связанных с происходившем в развивающихся обществах процессом модернизации⁶⁰². Демографический фактор работал в этих революциях не в одиночку, как в прошлом, а вместе с диффузионным фактором. Ярким проявлением роли этого фактора в феврале 1917 года было то, что в результате падения самодержавия к власти пришло вполне вестернизированное Временное правительство.

В итоге, возвращаясь к вопросу о верификации трехфакторной модели на материале истории России, можно констатировать наличие в 1905–1922 годах всех признаков *фазы экосоциального кризиса: голод, принимающий широкие масштабы, широкомасштабные эпидемии, в конечном итоге — гибель больших масс населения, демографическая катастрофа, государственное банкротство, потеря административной управляемости, широкомасштабные восстания и гражданские войны, брейкдаун — разрушение государства, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла, упадок торговли, очень высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую автократию.*